

ОШО

Ни воды, ни луны

ОШО

ВСЕ

No Water, no Moon

OSHO

Санкт-Петербург
Издательская группа
«Весь»
2010

УДК 159.9
ББК 86.39
096

Защиту интеллектуальной собственности и прав
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ВЕСЬ» осуществляет
агентство патентных поверенных «АРС-ПАТЕНТ»

Оглавление

Перевод с английского А. Н. Воропаева
под редакцией Д. В. Неверовой, О. А. Вознесенской
Дизайн обложки Е. А. Орловской

Ошо
096 Ни воды, ни луны. — СПб.: ИГ «Весь»,
2010. — 320 с. — (Ошо-классика).
ISBN 978-5-9573-1855-2

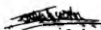
Тысячи людей пытаются понять: «Где искать истину, как достичь просветления?» Тысячи учителей отвечают на одни и те же вопросы, но одна загадка сменяется другой, за первым препятствием возникает второе, и ничего не происходит, просветление остается лишь словом...

Вам знакома подобная ситуация, и вы чувствуете, что устали от бесконечных советов так называемых гуру? В этой книге вы не найдете готовых ответов, Ошо предлагает иную помощь и приглашает читателей в противоречивый мир дзенских притч, мир парадоксальных открытий, мир, в котором трансформация возможна в любой момент, если вы действительно ее ищете.

«Никто, никто вам не ответит. Ни к кому не ходите, возвращайтесь к себе. И если вы обретете мастера, вся его заслуга будет лишь в том, чтобы помочь вам обрести себя, вот и все. Ни один мастер не даст вам ответа, ни один мастер не передаст вам ключа. Мастер может лишь помочь вам обратиться внутрь себя. Ключ в ваших руках, сокровищница внутри вас» (Ошо).

УДК 159.9
ББК 86.39

Эзотерические учения

OSHO и подпись Ошо являются зарегистрированными торговыми марками и используются с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks
Все права защищены.
Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

© No Water, No Moon, by Osho 1974,
Osho International Foundation, Switzerland.
www.osho.com/copyrights

© Перевод на русский язык, издание
на русском языке. ОАО «Издательская
группа „Весь“», 2010

ISBN 978-5-9573-1855-2

Глава 1. Ни воды, ни луны	7
Глава 2. Спор на ночь	39
Глава 3. Неужели?	79
Глава 4. Ответ мертвеца	105
Глава 5. Палец Гутея	133
Глава 6. Не пора ли вернуться?	159
Глава 7. Будда с черным носом	189
Глава 8. Благодарить должен дающий	217
Глава 9. Философ просит Будду	253
Глава 10. Нинакава улыбается	283
Об авторе	312
Ошо-Центр медитации и отдыха	313

Глава 1

Ни воды,
ни луны

Монахиня Чийоно практиковала долгие зоды, но так и не достигла просветления. Однажды ночью она несла старое ведро, полное воды. И пока она шла, она смотрела на отражение луны в воде. Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули, и ведро покатило прочь. Вода разлилась, отражение луны пропало, — и Чийоно достигла просветления. Она написала такие стихи:

И так и этак я старалась удержать ведро,
думая, что слабый бамбук все вынесет.

Но вдруг дно выпало. Нет воды. Нет луны
в воде — пустота в моих руках.

Просветление всегда неожиданно. На пути к нему нет постепенного прогресса, потому что любая постепенность от ума, а просветление — не от ума. Любая лестница опирается на ум, а просветление не опирается ни на что. Поэтому вы не можете дорасти до просветления, вы совершаете скачок. Вы не можете двигаться шаг за шагом, здесь нет шагов. Просветление как пропасть. Вы либо прыгаете, либо не прыгаете.

Вы не можете получить просветление частями, фрагментами. Оно тотально — вы либо в нем, либо вне его, и нет никакого постепенного движения. Запомните, это очень важно: оно случается не частями, а полностью, оно тотально. Оно неделимо, поэтому ум не способен его постичь. Ум может постичь все что угодно, если это состоит из частей. Потому что ум — это анализ, разделение, фрагментация. Ум может понять части, целое всегда ускользает от него. Поэтому, слушая свой ум, вы никогда не достигнете.

Вот что случилось: эта монахиня, Чийоно, практиковала год за годом, но ничего не происходило. Ум может изучать Бога, просветление, запредельное. Ум может даже притвориться, что он все понял. Но Бог — это не то, что вам следует изучать. Даже если вы знаете о Боге все, вы не знаете Бога. Знание это не «о». Только вы заговорили «о» — и вы за его пределами. Вы можете ходить и ходить кругами, но внутри круга вы так и не попали.

Когда кто-то говорит: «Я многое знаю о Боге», — тем самым он признается, что не знает ничего — как вы можете знать хоть что-нибудь о Боге? Бог — это центр, не периферия. Вы можете многое знать о материи, потому что у материи нет центра, она вся периферия. Но вы не можете ничего знать о сознании: там нет сущности, там нет никого внутри. Материя вся снаружи, о ней можно узнать многое. Наука — это изучение. Само слово «наука» значит изучение — изучение периферии, изучение чего-то, где нет центра. Если центр достигнут через периферию, вы упускаете.

Вам надо стать центром — это единственный способ познать его. О Боге ничего нельзя знать. Вам надо просто быть, только существо — это знание. В конце концов, «о» и «о» означает упускать и упускать снова. Вам надо проникнуть внутрь и стать центром.

Вот почему Иисус говорит «Бог — это любовь» — не «любить», а «любовь». Вы ничего не можете знать о любви, не так ли? Вы можете учиться и учиться, можете стать великим ученым, но вы даже не соприкоснулись, не постигли. Любовь может познать только тот, кто сам влюблен. И даже этого мало: любовь может познать только тот, кто сам стал любовью. И любовник исчезает: он тоже внешнее. Два человека в любви исчезают. Их больше нет. Существует лишь одна любовь, гармония любви. У этой гармонии может быть два полюса, но самих влюбленных — их больше нет. Нечто из запредельного явилось, чтобы быть. А двое исчезли.

Любовь существует, когда вы пусты. Знание — когда вы полны. Знание принадлежит эго, а эго никогда не сможет добраться до центра; эго — это периферия. Периферия может знать только о периферии. Вы не можете узнать ничего о центре с помощью эго. Ваше эго может учиться, эго может прославиться великой ученостью и даже религиозной ученостью,

вы можете стать великим пандитом. Вы можете выучить наизусть все Веды, все Упанишады, всю Библию, весь Коран, и все равно вы ничего не узнаете, потому что истинное знание — не внешнее знание, это нечто происходящее, когда вы достигаете центра и становитесь целым.

Монахиня Чийоно практиковала долгие годы...

Наверняка она практиковала долгие жизни. Вы были заняты тем же. Вы ходили и ходили по кругу. Но если кружить и кружить, возникает великая иллюзия: вы чувствуете, что продвигаетесь вперед. Вы чувствуете, что двигаетесь — но так никуда и не приходите, потому что двигаетесь по кругу. Вы продолжаете движение. Вот почему индуисты называли этот мир *самсара*. Самсара означает колесо, круг. Вы в вечном движении и никогда ничего не достигаете, но чувствуете, что приближаетесь. «Теперь цель ближе, ведь я прошел такой путь!» Попробуйте двигаться по большому кругу. Вы и не догадаетесь, что это круг, потому что видна лишь часть его. И всегда впереди дорога, всегда она куда-то ведет. Вот что происходит в течение многих жизней.

Чийоно практиковала и практиковала, *но так и не достигла просветления* — не потому, что просветление так трудно, а потому, что, пока вы изучаете его, вы упускаете самое главное. Вы идете не туда. Это как пытаться войти в дом через стену. Дело не в том, что войти в дом трудно, просто входить туда лучше через дверь. Если вы будете пытаться проникнуть в дом через стену, это будет очень трудно, просто невозможно. А на самом деле все просто. Вы не то делаете. Множество людей начинают свой путь с исследования, с обучения, они начинают собирать знания, информацию, изучать

философию, системы, теологию. Они начинают с «о», а потом упираются в стену.

Иисус сказал: «Стучите — и двери откроются». Но, пожалуйста, убедитесь сначала, что перед вами двери. Не надо стучать в стену — в этом случае двери никогда не откроются. На самом деле, когда вы постучите в дверь, когда вы окажетесь рядом с дверью, вы поймете, что она всегда была открыта. Она всегда была открыта и ждала вас. Дверь — это ожидание, дверь — это приглашение, дверь — это восприимчивость. Вас здесь ждали, а вы в это время стучали в стену. Что это за стена? Когда вы начинаете изучать, а не быть, тогда вы стучите в стену.

Становитесь, будьте! Не собирайте информацию. Если вы хотите узнать любовь, будьте любовником. Если вы хотите узнать Бога, будьте медитацией. Если вы хотите войти в бесконечность, будьте молитвой. Будьте! Не собирайте знания о молитве. Не пытайтесь стать хранилищем чужих слов о молитве. Учение не поможет. Напротив, поможет отказ от учения. Отбросьте все, что вы знаете, и знание само найдет вас. Отбросьте любую информацию, любые священные книги, забудьте Коран, Библию, Гиту — это препятствие, это стена. Если вы будете продолжать стучаться в стену, двери никогда не откроются, потому что в стене нет дверей. Люди стучатся в Коран, в Библию, в Гиту, а двери никак не открываются. Люди продолжают учиться, продолжают практиковать и продолжают упускать, как эта монахиня Чийоно: *она практиковала долгие годы, но так и не достигла просветления.*

Что есть просветление? Это осознание, кто вы есть. Оно не имеет никакого отношения к внешнему миру. Оно никак не связано с тем, что говорили другие. Все, что говорили другие, неважно. Вы сами здесь! Зачем идти и консультироваться с Библией, Кораном, Гитой? Закройте глаза — и вы на вершине

блаженства. Закройте глаза — и двери откроются. Вы уже здесь, зачем кого-то спрашивать? Вы спрашиваете... и упускаете. Сами вопросы показывают, что вы где-то еще. Сами вопросы показывают, что вам нужна карта. А для внутреннего мира не создано карты — там она не нужна, потому что вы не движетесь в неизвестном направлении. Вы вообще никуда не движетесь. Вы здесь. Вы сами — цель. Вы не искатель, вы — просветление. Что же есть просветление? В одном состоянии — когда ищешь снаружи — просветления нет; в другом состоянии — когда ищешь внутри — оно есть. Единственное различие — в сосредоточении. Когда вы сосредоточиваетесь на том, что снаружи, вы не просветленный. Когда вы сосредоточиваетесь на том, что внутри, вы просветленный. Поэтому единственный вопрос — куда повернуться.

Христианское слово «обращение» прекрасно, но его используют ужасным образом. Обращение не значит сделать из индуиста христианина или из христианина индуиста. Обращение значит поворот. Обращение значит поворот к источнику, поворот внутрь — тогда вы обращены. Поток сознания может течь двумя путями — наружу и внутрь; есть только эти два пути. Наружу он может течь долгие и долгие жизни — и никогда не достигнет цели, потому что цель — это исток. Цель не впереди, цель позади. Цель не там, куда вы хотите попасть. Цель там, откуда вы. Ваш исток — ваша цель. Осознайте это как можно глубже. Если вы сможете вернуться к своему началу, тогда вы достигнете цели.

Просветление — это движение к истоку. А исток внутри; жизнь там течет, пульсирует, льется потоком. Зачем спрашивать других? Изучение — это вопросы к другим. Это верх абсурда — спрашивать про себя других людей. Это, по меньшей мере, глупо. Изучение — это поиск ответов на вопросы. Но этот вопрос — вы сами!

Чийоно практиковала долгие зодя, но так и не достигла просветления.

Это естественно, обычно так и бывает. Она не делала ничего неправильного. Она исследовала, практиковала.

Запомните вот что: ваше существо — это жизнь, в писаниях нет жизни. Писания обречены быть мертвыми. Это трупы. И вы спрашиваете мертвых о жизни. Это невозможно! Не помогут ни Кришна, ни Иисус, пока вы сами не станете Кришной, не станете Иисусом. О жизни невозможно спрашивать у мертвецов. И если вы надеетесь, что найдете ответ, вы все больше и больше будете обременены ответами, а тот, единственный ответ так и останется неизвестным. Вот что происходит с человеком, который практикует, который считает себя мыслителем, философом. Он раздавлен собственными усилиями — слова, слова, слова — а его как не было, так и нет. А тот самый ответ всегда был рядом. Надо было только обратиться внутрь.

Никто, никто вам не ответит. Не ходите ни к кому, идите к себе. И если вы обретете мастера, единственное, в чем он сможет помочь, — это прийти к себе, и все. Ни один мастер не даст вам ответа, ни один мастер не передаст вам ключа. Мастер может лишь помочь вам обратиться внутрь себя, и все. Ключ здесь, сокровище здесь, все здесь.

Однажды ночью она несла старое ведро, полное воды. И пока она шла, она смотрела на отражение луны в воде. Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули, и ведро покатило прочь. Вода вылилась, отражение луны пропало — и Чийоно достигла просветления.

Однажды ночью она несла старое ведро, полное воды.

Вы тоже несете очень и очень старое ведро, полное воды. Это ум, переполненный мыслями. Это такая рухлядь, а вы тащите его, он почти мертв.

Ум всегда стар, он не бывает новым. Он не может быть таковым по своей природе, потому что ум означает память. Как может быть память новой? Ум означает известное. Как известное может быть новым? Ум означает прошлое. Как прошлое может быть новым? Посмотрите на свой ум: все, что в нем, старо, мертво. Тот момент, когда вы что-то узнали, уже в прошлом. Ум стар по своей природе, ум как таковой стар. Вот почему ничего оригинального не было рождено с помощью ума. Ум не может быть оригинальным, он может быть только повторным. Ум продолжает повторять. Он может повторять на тысячу ладов, он может употреблять новые слова, но суть остается той же. Ум не может познавать, он не может пойти навстречу чистоте, юности, новизне. Когда вы встречаете чистое, юное, новое, ум отступает, потому что только тогда ваши глаза не замутнены прошлым, не затуманены пылью прошлого, только тогда ваше зеркало отражает здесь и сейчас.

Все новое рождается из осознанности, не из ума. Осознанность — сокровенный источник. Ум — это пыль долгих странствий, как если бы вы никогда не мылись. А вы странствуете и странствуете и становитесь все грязнее, и пыли все больше, а вы ни разу не встали под душ. Ваш ум ни разу не омылся. А вы цепляетесь за него. Он ужасно грязен. И любые методы медитации не что иное, как способы отмыть ум, принять душ, внутренний душ, чтобы смыть эту пыль и дать возможность скрытой осознанности выйти на поверхность и встретиться с реальностью.

Реальность здесь, и вы здесь, но встреча не происходит, потому что между вами и реальностью стоит ум. Все, что вы видите, вы видите умом. Все, что вы слышите, вы слышите умом — и вот вы почти

оглохли, вот вы почти ослепли. Иисус не перестает говорить своим ученикам: «Имеющий уши да услышит. Имеющий глаза да увидит». У них были такие же глаза, как у вас. У них были такие же уши, как у вас. Но Иисус знает, как знаю это я, что они были глухи, были слепы.

Когда вы слушаете умом, вы не слышите, потому что ум перекраивает, ум перекрашивает, ум переставляет, перемешивает; и то, что доходит до вас, уже успело постареть. Это все проделки ума. Ум привнес свое толкование, интерпретацию. Ум дополнил комментариями.

Вот почему, пока вы не станете правильным слушателем... Правильно слушать означает способность слушать без ума. Правильно видеть означает способность смотреть без ума, способность смотреть без комментирования, осуждения, порицания, без оценки, без «да» и «нет». Когда я говорю с вами, я почти вижу, как ваш ум кивает в ответ. Даже если кивок невидим, я вижу его. Вы можете не осознавать этого, но время от времени вы говорите «да» — ум перетолковывает. Время от времени вы говорите «нет» — ум переосмысливает, ум вмешивается, дает оценку. Вы упустили.

Просто слушая, не оценивая, вы внезапно поймете, что ум и есть основная проблема. Он стар — помните об этом — и никогда не будет новым. Так что никогда не думайте, что обладаете особенным умом. Ни один ум не может быть оригинальным, всякий ум стар, вторичен. Вот почему ум любит повторы и всегда против нового. Ум создал общество, поэтому общество всегда против нового. Ум создал государство, цивилизацию, мораль; они все враги новизны.

Что бы ни придумал ум, это будет против новизны. Нет ничего более консервативного, чем ум.

Никакая революция от ума невозможна. Поэтому, если вы революционер от ума, не обманывайтесь.

Коммунист не может быть революционером, потому что он никогда не медитировал. Его коммунизм от ума. Просто у него другая библия — он не верит в Иисуса, но верит в Маркса; или верит в Мао, более позднее воплощение Маркса, — но он верит. Он такой же ортодокс, как любой индуист, любой христианин, любой мусульманин. Та же ортодоксальность, потому что она не зависит от того, во что вы верите. Ортодоксальность зависит от того, верите ли вы умом, ортодоксальность зависит от ума. Ум — самый ортодоксальный элемент в мире, самый конъюнктурный.

Что бы ни придумал ум, не может быть новым, это будет всегда старо и всегда будет против нового; это всегда будет контрреволюционно. Вот почему в мире не может быть никаких революций, кроме религиозных; другие попросту невозможны. Только религия может быть революционной, потому что религия обращена к источнику. Она разбивает ум, старый сосуд, и все вдруг становится новым, потому что ум своим вмешательством все старил. Внезапно вы снова становитесь ребенком. Глаза чисты и молоды, вы смотрите на вещи, ничего о них не зная, ничего не исследуя. Деревья вдруг обрели свежесть. Их зелень изменилась — она не пыльная, она живая. Песня птицы вдруг стала совершенно иной.

Многие люди после употребления наркотиков испытали то же самое. Именно этим привлекали наркотики Олдоса Хаксли. Повсеместно молодое поколение тянется к наркотикам. Причина в том, что наркотики на мгновение, на короткий срок с помощью химии отключают ум. Вы смотрите на мир — цвета вокруг просто волшебные. Вы никогда не видели ничего подобного. Обычный цветок становится целой вселенной, воплощает все великолепие божественного. Обычный листок становится таким совершенным, будто сама истина открывается в нем. Все, абсолютно все немедленно преображается. Наркотики

не меняют мир, наркотики с помощью химии просто устраняют ум.

Но вы можете пристраститься к этому — и тогда ум приспособится и к наркотикам. Только в самом начале, один или два раза, вы сможете обмануть ум с помощью химии. Потом ум приспособливается к наркотикам, снова возвращает свое господство. Первое потрясение проходит. Начинается зависимость от наркотиков. Теперь это становится потребностью, а потребность идет от ума. Постепенно даже с помощью химии вам больше не удастся устранить ум. Он здесь, вы снова зависимы. Деревья становятся прежними, цвета не сияют, все снова покрывается пылью. Наркотики убили вас, но не смогли убить ум.

Наркотики подобны шоковой терапии. Это удар по химическому составу организма. В момент шока привычные взаимосвязи исчезают. Появляются промежутки; через эти промежутки можно выглянуть, но это не может продолжаться постоянно. Нельзя вводить наркотики в привычку. Рано или поздно они становятся частью ума, но ум все равно выигрывает в этой битве. И все опять становится прежним.

Только медитация может устранить ум, ничто другое. Медитация — это самоубийство ума, ум совершает самоубийство. Когда вы можете отстранить ум — без всякой химии, без всякого физического воздействия — тогда *вы* становитесь мастером. И когда вы стали мастером, все обновляется. Так было всегда. Отныне и во веки веков все новое, юное, чистое. Смерть никогда не происходит в этом мире. Это бесконечная жизнь.

Однажды ночью она несла старое ведро, полное воды.

И вы несете это старое ведро, полное воды. Ум — это старое ведро, а мысли — вода. Вы цените свои

мысли так высоко, что не можете отбросить это старое ведро. Потому что в таком случае, где окажутся *ваши* мысли? Вы так держитесь за них, словно они глубочайший источник благодати, глубочайший источник тишины, будто благодаря им вы собираетесь постичь жизнь и неведомые сокровища этой жизни. Вы никогда ничего подобного не постигали с помощью мыслей. Это безнадежные мечты.

Чего вы достигли с помощью мыслей? Ничего, кроме беспокойства, напряжения. Но вы цепляетесь за них в надежде, что однажды, когда-нибудь в будущем, с помощью размышлений вы познаете истину. До сих пор этого не случилось и никогда не случится. Этого никогда не случится, потому что об истине не надо думать. Она здесь. Вам нужно лишь быть внимательным. Нет нужды думать о ней. Думать надо, когда ее здесь нет, когда вы блуждаете в темноте. Но нет темноты в бытии; бытие — это абсолютный свет. Нет необходимости блуждать. Вы без всякой необходимости бредете с закрытыми глазами, и вы думаете: «Если перестать идти на ощупь, я потеряюсь». Думание и значит блуждание.

Медитация — это открывание глаз. Медитация — это смотрение. Вот почему индусы называли медитацию *даршаном*. Даршан — это смотрение: нужно смотреть, а не думать. Само смотрение трансформирует. Но вы несете мысли в этом старом ведре, продолжаете латать его, заботиться о нем: если оно развалится, что станет с вашими бесценными мыслями? А они вовсе не бесценные.

Сделайте вот что: маленький эксперимент. Заприте дверь, сядьте в комнате и начните записывать свои мысли — все, какие придут в голову. Ничего не меняйте: вам не надо будет ни перед кем отчитываться. Просто записывайте все в течение десяти минут, а потом перечитайте — это то, о чем вы думаете. Перечитав, вы решите, что это записки сумасшедшего.

Если вы покажете этот листок лучшему другу, он посмотрит на вас и тоже подумает, не сошли ли вы с ума. Но он ничем не лучше. Мы продолжаем прятать свое безумие. Мы носим маски, а за этими масками искаженные безумием лица.

Почему вы так цените мысли? Вы стали зависимы от них — это наркотик, химия. Запомните хорошенько: размышления — это химия, это наркотик. Как только вы начинаете думать, вы погружаетесь в своего рода гипнотический сон. Вот почему это так затягивает, как опиум. Вы можете забыть о реальном мире, о заботах, об обязанностях. Вы погружаетесь в иной мир внутри себя — в мир мечтаний, размышлений.

Те, кто долгие годы изучал науку сна, говорят, что сон нужен, чтобы видеть сновидения. А если спросить этих ученых, зачем нужны сновидения, они объяснят, что сновидения нужны, чтобы оставаться в здоровом уме, так как в сновидениях вы можете отбросить свое безумие. Вся ночь — это очищение. В снах вы отбрасываете свое сумасшествие и утром просыпаетесь здоровым. Весь день вы можете вести себя разумно, ведь впереди ночь, когда можно снова окунуться в безумства. Ученые говорят, что если на несколько дней вас лишит сна и сновидений, вы сойдете с ума, потому что если не будет очищения, начнете прорываться безумие. Вы взорветесь.

Ночью вы спите — это очищение. Днем вы думаете — и это тоже очищение, потому что это помогает вам оставаться во сне. Это наркотик. Вам не надо беспокоиться, что сейчас произойдет. Вы закрываетесь внутри собственных мыслей. Они вам хорошо известны, вам уютно, это ваш дом, пусть грязный и старый, но вы так долго жили в нем, что привыкли ко всему. Вы привыкли к своей тюрьме. Такое случается с заключенными: если они проводят слишком много времени в тюрьме, то боятся выйти оттуда, они

боятся свободы. Свобода страшна тем, что приносит новую ответственность. А расставание с умом ни с чем не сравнимо — это абсолютная свобода. Индусы называли это *мокша* — абсолютная свобода. Это нельзя сравнить ни с чем — темница разрушена, и над вами бесконечное небо. Страх сковывает вас, вы мечтаете вернуться обратно — в привычное убежище, укрепленное, окруженное стенами.

Если бесконечность где-то там, вы не боитесь. Бесконечность всегда подобна смерти. Вы привыкли к определенности, когда границы четко очерчены, а различия заметны невооруженным глазом. Вот почему вы не можете отбросить мысли, не можете отбросить ведро. А ведро становится все тяжелее, тяжелее и тяжелее, разбухая, как ваш живот; чем больше мыслей вы заталкиваете в себя, тем больше разбухаете. Но живот может лопнуть, если без конца набивать его — с умом такого не бывает.

В самом обычном уме могут уместиться все библиотеки мира. В вашей маленькой голове семьдесят миллионов клеток, и в каждой клетке может храниться не менее миллиона единиц информации. До сих пор не изобрели еще такой компьютер, который мог бы сравниться с вашим умом. Внутри вашей маленькой головы целый мир. И он продолжает расширяться.

Чийоно практиковала и практиковала — она набирала все больше и больше воды в старое ведро. Она никак не могла стать просветленной. Но вот:

Однажды ночью она несла старое ведро, полное вода. И пока она шла, она смотрела на отражение луны в воде.

Полная луна была высоко в небе, и Чийоно видела ее отражение в воде, в ведре. Это то, что происходит с каждым. Это не анекдот, не выдумка, это

действительный факт — это происходит с вами. Вы никогда не смотрели на полную луну. У вас не получалось. Вы всегда смотрели на отражение луны в воде, в мыслях. Вот почему индусы — особенно Шанкара — говорили: все, что вам известно, это майя, иллюзия. Это будто вы смотрите на луну в воде, на отражение, а не на настоящую луну. И вы верите, что это луна.

Что бы вы ни видели, вы видите через отражение. Ваши глаза отражают; они подобны зеркалам. Ваши уши отражают — все ваши чувства подобны зеркалам, они отражают. И, кроме того, у вас есть величайшее из всех зеркал — ум; он отражает. И не только отражает, а еще комментирует, интерпретирует. Отражая, он не перестает давать комментарии. Он искажает отражение.

Вы видели кривые зеркала? Не надо куда-то ходить, оно внутри вас — оно искажает все. Все, что вам известно сейчас, никогда не было настоящей луной в небе, потому что из-за этого старого ведра, наполненного водой, как могли вы увидеть настоящую луну? Вот что значит майя, иллюзия. Все, что вы знаете, это майя, это призрачно — нереально. Реальность появляется, только когда ведро разбито — вода вылилась, отражение исчезло.

Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули, и ведро покатило прочь.

Это случилось внезапно, как будто случайно. Попробуйте это понять. Просветление всегда — случайность, потому что его нельзя предсказать, потому что им нельзя управлять, нельзя сделать так, чтобы оно случилось, нельзя заставить его случиться. Если бы вы могли заставить его случиться, оно никогда не было бы вне ума. И если вы думаете, что можно что-то сделать, чтобы оно случилось, это еще одна

хитрость ума. Многие люди пытаются организовать собственное просветление. Они придумывают то одно, то другое, пытаюсь найти причину просветления, но просветление беспричинно. Если вы становитесь его причиной, намеренно пытаетесь вызвать его, оно никогда не захлестнет вас. Если вы захотите стать его причиной, ничего не выйдет. Просветление случается, но его нельзя достичь намеренно, оно беспричинно. Это не последовательность, не постоянство ума, это изменчивый хаос, пропасть. Внезапно вас нет, а просветление есть. Как можно управлять им? Если вы управляете им, значит, вы все еще здесь.

Когда Гаутама Сиддхартха достиг просветления, стал Буддой, остался ли он тем же самым человеком? Нет! Если человек становится просветленным... это невозможно! Последовательность событий нарушается; прежнего человека больше нет. Теперь это абсолютно новый человек. Принца Сиддхартхи Гаутамы, покинувшего дворец, жену и детей, больше нет. Его это перестало существовать, от его ума ничего не осталось. Прежний человек умер — старое ведро разбито. Все абсолютно новое, такого не было раньше. Вот почему мы называем его другим именем, мы зовем его Буддой. Мы отказываемся от старого имени, потому что оно принадлежало другой личности, другой индивидуальности, кому-то другому. Прежнее имя не имеет никакого отношения к этому человеку.

Просветление — это прорыв. Это не последовательность, потому что, если бы оно было последовательностью, самое большее, оно могло бы быть видоизмененным прошлым, оно не могло бы быть абсолютно новым, потому что прошлое продолжалось бы — преобразованное, видоизмененное немного там и тут, загримированное, отполированное, но прежнее. Оно может быть лучше — но по сути останется тем же.

Просветление как случайность. Но не поймите меня превратно. Когда я говорю, что просветление похоже на дело случая, я не говорю, что ничего не надо делать. Я не это имею в виду. Если вы ничего не будете делать, даже случайность не произойдет. Случай предоставляется тому, кто многое делает для его прихода, но при этом он никогда не является следствием этих действий. Это сложно: случай никогда не появится *из-за* ваших действий, но он никогда не появится и *без* этих действий. Деятельность не является причиной того, что это случается. Деятельность — причина, которая порождает такую ситуацию, в которой может предоставиться случай, и все.

Все медитации делают вас открытыми для случайности, вот и все. И вот почему даже Будда не может сказать, когда случится ваше просветление. Люди приходят ко мне и спрашивают, я отвечаю им: «Скоро». Это ничего не значит. «Скоро» — это может быть в следующее мгновение, и «скоро» может не случиться в течение многих жизней, потому что случайность невозможно предсказать. Если ее можно предсказать, то это уже совсем не случайность, это последовательность.

Не оставляйте усилий. Не думайте, что если это му суждено случиться, то оно случится обязательно, — так ничего не произойдет. Вы должны быть готовыми к этому, готовыми к случайности, готовыми к неизведанному — готовыми, ждущими, восприимчивыми. Иначе случай может прийти — и пройти мимо. Вы можете проспать его. Незнание может постучать в дверь, а вы не услышите. Вы можете глубоко спать, или можете разговаривать с кем-то, или решите, что это ветер стучит в дверь. Вы можете столько всего придумать: каждый из вас — великий выдумщик.

Будьте готовы к случайности. И помните: все, что вы делаете, не создает повода, все, что вы делаете,

только создает ситуацию внутри вас. Все, что вы можете сделать, не повод, а всего лишь приглашение. Разница огромна, потому что если вы думаете, что вы создаете повод, вы начинаете требовать. Если вы думаете, что это повод, вы спрашиваете: «Почему это не происходит? Почему этого до сих пор не произошло?» Это создает внутреннее напряжение, а если появилось напряжение, для просветления не остается места.

Оно должно застать вас врасплох. Вы должны ждать, но не беспокоиться — оставаться расслабленным. Вам надо сделать приглашение, но не ждать, что гость непременно придет.

В конце концов, это зависит от гостя, а не от вас. Но без приглашения гость не явится, это точно. Сделав приглашение, нельзя быть уверенным, что гость придет, но без приглашения он точно не явится. Получив приглашение, он может прийти, вы создали возможность для этого. Поэтому ждите у двери, но не беспокойтесь и не будьте слишком уверены.

Уверенность — от ума, ожидание — от осознанности. Ум мелок, вся его уверенность мелка. Это может случиться в любой момент. Как только вы будете готовы смотреть и видеть, вы поймете, что это всегда случалось, совсем рядом. А вы смотрели не туда, вы смотрели в другую сторону.

Я слышал: однажды Мулла Насреддин отдыхал в своем кресле. Его жена смотрела в окно, а он — на стену. Они сидели спиной друг к другу, как обычно сидят муж и жена.

Вдруг жена сказала: «Насреддин, ты только посмотри! Умер богатейший человек в городе, и тысячи людей собираются проводить его в последний путь».

Насреддин воскликнул: «Обидно, я опять все прозевал!»

«Обидно, я опять все прозевал!» Он не видел — всего лишь поворот головы... И то же самое происходит с вами. Обидно. Вы не смотрите туда, где проходит случай, где проходит неизведанное.

Все медитации помогут вам лишь повернуть голову в сторону неизведанного, в сторону непривычного, в сторону незнакомого. Они сделают вас более открытым, более готовым к случаю. Но вы не сможете вызвать его намеренно.

Даже если вы уже готовы, вам, возможно, придется подождать. Вы не можете принудить его, вы не можете приблизить его. Если бы вы могли форсировать это, религия была бы подобна науке. В этом основное различие между религией и наукой. Наука может форсировать события, потому что она основывается на причинно-следственных связях, а не на приглашениях. Наука может все, потому что находит объяснения. Как только объяснение найдено, можно сделать что угодно. Наука знает, что, если нагревать воду до ста градусов, вода начнет испаряться — определены условия. Вы можете быть уверены: как только вода нагрета до ста градусов, она начинает испаряться. Вы можете заставить воду испаряться, нагревая ее. Вы можете смешать кислород и водород и превратить их в воду. Вы можете создать причину. Наука старается выяснить причину.

Религия отличается в своей основе. Религия никогда не сможет стать наукой в этом смысле, потому что она ищет необъяснимое, она ищет непоследовательное, ищет абсолютную трансформацию. Относительные изменения могут быть обусловлены, частичная трансформация может быть вызвана. Но *абсолютная*? Ничего прежнего, все новое? Для этого нужен разрыв. Нужен прыжок. Внезапно все прежнее исчезает, а новое появляется, и между ними нет никакой связи — между ними пропасть. Сиддхартха Гаутама исчез. Гаутама Будда появился — это разрыв.

Об этом разрыве надо помнить. Вот почему я говорю, что просветление — случайность. Но вы должны постоянно работать над этим, вот парадокс. Слушайте меня — и не ленитесь. Слушайте меня — и не засыпайте. Слушайте меня — и не начинайте думать и рассуждать: «Если это случайность, и мы не можем повлиять на это, тогда зачем медитировать? Зачем делать то и это? Надо просто ждать». Нет, ваше ожидание не должно быть ленивым томлением. Ваше ожидание должно быть живым. Вы должны ждать, полные энергии. Не ждите, как мертвецы, ваше ожидание должно быть юным, чистым, живым, пульсирующим. Только тогда неизведанное может случиться с вами. Когда вы переживаете лучшую пору своей жизни, находитесь в расцвете своих способностей, когда вы ощущаете себя живым как никогда, когда вы на вершине — только тогда это случается. Только вершина может встретиться с другой вершиной, только подобное может встретиться с подобным.

Продолжайте работать столько, сколько вы можете, но ничего не требуйте взамен. Не говорите: «Я сделал это, теперь оно непременно случится». Здесь нет «должно». Это необъяснимо. Вы продолжаете писать приглашения, но адреса нет, поэтому вы не можете их отправить. Вы отправляете свои приглашения с ветром; они могут добраться, а могут и нет. Бог всегда «возможно»; но это прекрасно, когда что-то «возможно». Когда все неизбежно, красота уходит.

Вы когда-нибудь замечали, что в жизни только смерть неизбежна, а все остальное зыбко?

Все зыбко! Никто не знает, будет любовь или нет. Никто не знает, сумеет он спеть песню или нет. Только одно неизбежно — смерть. Неизбежность — принадлежность смерти, не жизни. И если вы в поиске вечной жизни, тогда живите в «возможно». Живите

открыто, в ожидании, но постоянно помните, что вы не можете вынудить это случиться. Когда это случится, вы исчезнете.

Вот в чем смысл этого чудесного случая:

Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули.

Это случилось вдруг. Но она работала, практиковала, медитировала. Она была настоящей монахиней. Она жила по меньшей мере тридцать или сорок лет с мастером и работала очень много.

Я должен рассказать вам кое-что о Чийоно. Она была прекраснейшей женщиной — редкой красоты, необыкновенной. Когда она была молода, даже император и принцы добивались ее внимания. Она им отказала, потому что хотела быть возлюбленной только божественного, никто другой не отвечал ее требованиям, никто другой не соответствовал им.

Она перешла из одного монастыря в другой, чтобы принять саньясу, стать монахиней; но даже великие мастера отказывались — потому что она была так прекрасна, что это могло создать определенные трудности. На их попечении было так много монахов — монахи, конечно же, ведут суровую жизнь — а она была так прекрасна, что они могли забыть Бога и все остальное. Она была действительно прекрасна, поэтому двери всюду были заперты. Мастер говорил: «Ты на правильном пути, но мне надо заботиться о своих учениках. Здесь пять тысяч саньясинов, у них помутится ум. Они забудут свои медитации, забудут священные тексты, все забудут. И станут поклоняться тебе. Поэтому, Чийоно, не беспокой этих несчастных, уходи».

Что было делать Чийоно? Не видя иного выхода, она сожгла себе лицо, полностью изуродовала его. И после этого пришла к мастеру. Он не смог даже опре-

делить, женщина перед ним или мужчина. Тогда ее взяли в монахини.

Вот до какой степени она была готова к этому. Ее поиск был искренним. Случай был заслужен, она работала его. Она практиковала, медитировала тридцать, сорок лет без перерыва. Потом вдруг однажды ночью неизведанное постучалось в ее дверь.

Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули, и ведро покатило прочь. Вода вылилась, отражение луны пропало — и Чийоно достигла просветления.

Она смотрела на луну — луна была прекрасна. Даже отражения прекрасны, потому что они отражают абсолютную красоту. И мир прекрасен, потому что он — отражение Бога. Никогда не говорите, что мир уродлив. Как может быть уродливым отражение, если оно отражает божественное?

Поэтому те, кто говорит, что мир уродлив, и отвергают его, сами непоправимо заблуждаются, потому что, отвергая мир, по сути вы отвергаете его творца. Не отвергайте. Лицо женщины прекрасно, потому что оно отражает. Лицо человека прекрасно, тело прекрасно, потому что они отражают. Деревья прекрасны, птицы прекрасны, потому что они отражают. Отражения настолько прекрасны — что тогда говорить об оригинале?

Поэтому истинно ищущий не отрицает мир. Настоящий искатель так любит мир, так любит отражение, что хочет видеть оригинал. Он так любит это отражение, что в нем зарождается желание увидеть, увидеть в небе настоящую луну. Он отказывается от этого отражения не потому, что против него, он отказывается от него в поиске источника отражения. Он не против любви, его молитва не против любви. Ему открылось столько красоты в любви, что теперь

ему хочется пойти дальше. Молитва — это глубочайшая «влюбленность». Он узнал столько всего в отражении, оно было таким прекрасным, таким благоухающим, в нем было столько музыки, что теперь возникло желание найти сам источник. И если в отражении столько музыки, сколько же гармонии в самом источнике?

Истинно ищущий никогда ничего не отрицает. Он всегда за что-то, но никогда не против чего-то. Он за Бога, но никогда не против мира, потому что, по сути, мир принадлежит Богу. Если я вижу ваше лицо в зеркале, и оно прекрасно, должен ли я быть против зеркала? На самом деле, я должен быть благодарным, что оно отразило вас. Но я не буду смотреть только в зеркало, я буду искать того, кто отразился в зеркале. Мне надо будет отойти от зеркала, но не потому, что я против него. Мне надо будет отвернуться от зеркала, но не потому, что я против него. Я буду благодарен за то, что оно отразило, и отражение было так прекрасно, — но теперь я должен найти оригинал.

Вода вылилась, отражение луны пропало — и Чийоно достигла просветления.

Она смотрела на луну, отраженную в ведре. Вдруг ведро упало, вода вылилась, луна исчезла — и это стало точкой невозвращения.

Всегда есть точка невозвращения, когда старое исчезает и появляется новое, с чего начинается ваше перерождение. Это стало точкой невозвращения. Вдруг вода вылилась, и луна пропала. Поэтому ей осталось поднять голову — и увидеть настоящую луну. И это стало символом того, что произошло внутри. То же случилось внутри: все отражалось в уме — он был зеркалом. Внезапно она осознала этот факт, что все было отражением, иллюзией, потому

что все отражалось в уме. Точно так же, как разбилось ведро, разбился и ум. Он был подготовлен к этому. Все, что можно было сделать, было сделано. Все возможное — было сделано ею. Ничего несделанного не осталось, она была готова, она заслужила. Обычный случай стал точкой невозвращения.

Но запомните: не надо идти по следам Чийоно. С вами подобное не случится. Вы знаете историю, вы можете разбить сосуд, вода выльется, отражение исчезнет — а с вами ничего не случится. Не нужно превращать это в ритуал.

Но именно так и поступает неразумное человечество из века в век. Точки невозвращения известны, но они всегда индивидуальны и уникальны. Они неповторимы, потому что не может быть второй Чийоно. Мир никогда не повторяется. Бог самобытен, он никогда не повторяется. Чийоно родилась всего один раз и никогда больше — никогда-никогда больше. Так что вы не сможете повторить это, ведь вы — не Чийоно.

Но именно это происходит снова и снова, потому что наш ум работает, как логическое устройство. Раз такое случилось с Чийоно, когда она несла ведро с водой, тогда надо уронить ведро с водой, вода выльется, отражение исчезнет, и наступит просветление — сделайте из этого ритуал. Вот что делают в церквях, мечетях, храмах — ритуалы.

Что там случилось с Буддой? Садимся определенным образом, расположившись под деревом боддхи, закрываем глаза, в точности как Будда и... — и вы просто глупец. Вы не станете Буддой, вы просто глупец. Вы не сможете повторить это, как бы ни старались. Ритуалы для глупцов. Потому что тут нужно много понимания... это не вопрос о том, в какой позе сидеть под деревом боддхи. Долгая подготовка, совершенная Буддой, миллионы прожитых им жизней сделали из него уникальную личность.

Это было точкой невозвращения. Завершающим событием. Многие, многие жизни усилий, поисков... и вот высшая точка.

Это всего лишь случайность, что он сидел под деревом боддхи. Это все равно произошло бы. Если бы он там не сидел, это все равно случилось бы. Если бы там не было дерева, это все равно случилось бы. Не было необходимости, чтобы он сидел, — он мог бы идти, и это все равно случилось бы. Все шло к этому. Это просто совпадение, что он сидел под деревом боддхи в определенной позе. Поза не причина, дерево не причина, то, как он сидел, не причина. Если бы тут была причина, вы смогли бы повторить это. Нагрейте воду до ста градусов, и она начнет испаряться. Сядьте под деревом боддхи точно в такой же позе, как Будда, даже намного лучше, чем он, — и наступит просветление.

Нет, не так. Не будьте глупыми, не повторяйте слепо, не придумывайте ритуалы. Необходимо понимание, а не ритуал. Сидеть в позе Будды — хорошее занятие, но как следует запомните, что вы не Будда, и в той же самой точке невозвращения вам не оказаться — в вашем случае сработает что-то другое. А если вы будете так же слепо подражать Будде, вы можете упустить свою точку невозвращения, вот в чем проблема, ведь точка невозвращения достигается не в процессе повторения ритуалов, вы должны искать свою. Принимайте помощь всех на свете будд, но не будьте слепцами. Попробуйте понять их настолько глубоко, насколько возможно, потому что они достигли, — но это не ваш путь.

Духовное измерение подобно небу: тут нет следов, не за кем следовать. Пролетела птица — не оставила следов. Небо остается пустым, никто не протопчет тропинки. Совсем не так на земле. Если прошло много людей, видны следы их ног, можно пойти за ними. Духовное измерение — это небесное измерение, оно

нематериальное, оно неземное, никаких следов нет. Будда летит; смотрите на этот полет, на его красоту, на его сияние, на его свет; насладитесь им, осмыслите его, но не пытайтесь следовать, не будьте слепыми. Слепое подражание не поможет.

Чийоно достигла просветления, но никто больше не достиг этого таким же образом. Будда не носил ведра с водой, ни Махавира, ни Кришна, ни Лао-цзы, ни Заратустра — никто не носил ведра с водой. А после Чийоно многие носили, потому что это казалось так просто. Этим можно управлять, это кажется так просто, ничего сложного. Полнолуние бывает каждый месяц, можно подождать и попробовать снова.

Не будьте ритуалистичными. Ритуал — это не религия. Ритуал — самая антирелигиозная вещь в мире. Вы уникальны — помните об этом. И нечто уникальное произойдет с вами, такое, что никогда прежде не происходило, что никогда не повторится потом. Не только отпечатки ваших пальцев уникальны, ваша душа уникальна.

Я читал научную работу, в которой было доказано, что каждая часть человеческого организма уникальна — не только отпечатки пальцев: у каждого своеобразная печень, своеобразное сердце, своеобразный желудок; ни у кого больше нет ничего подобного. Когда вы читаете книгу и видите рисунок желудка, другого такого вы не встретите, в книге он усредненный, придуманный. Если вы посмотрите на желудка реальных людей, они все будут разными.

«Средний» — значит ненастоящий; средний — это математическое приближение, не факт. Факт всегда уникален. Ваша сущность — особая, другая во всем. Это хорошо, это прекрасно, что вы ни на кого не похожи — не копия, не как машина «форд». Вы не машина, вы человек. В чем заключается ваша «человечность», ваша человеческая природа? В чем ваше отличие от машины? В вашей уникальности. Машины

воспроизводимы — их можно копировать — они взаимозаменяемы. Вы можете заменить один «форд» на другой — нет проблем. Но ни одного человека нельзя воспроизвести, никогда. Это такое неповторимое цветение, оно происходит только однажды.

Поэтому не будьте ритуалистичными — понимайте. Пусть понимание будет законом, единственным законом, которому можно следовать.

После просветления Чийоно написала это стихотворение. Она отпраздновала это событие стихотворением, песней. Она написала:

*И так и этак я старалась удержать ведро,
думая, что слабый бамбук все вынесет.*

*Но вдруг дно выпало. Нет воды. Нет луны
в воде — пустота в моих руках.*

И так и этак я старалась удержать ведро...

Вы пытаетесь и так и этак удержать ведро. Вы поддерживаете ум в каждой его попытке удержаться. Ум — это препятствие, а вы думаете, что ум — друг. Ум — враг, а вы всячески его поддерживаете.

Я рассказываю вам столько всего, обличая ум, а вы впускаете мои слова в ум и используете для его поддержки. Если то, что я говорю, становится знанием, то, когда вы покидаете меня и уходите, вы намного более информированы. Таким образом, даже то, что направлено против ума, становится его опорой. Что бы я ни сказал, не заучивайте это, не превращайте это в знание. Наоборот, взгляните на то, о чем я говорю, и отбросьте все, что знаете. Не пополняйте этим свои прежние знания.

*И так и этак я старалась удержать ведро,
думая, что слабый бамбук все вынесет.*

*Но вдруг дно выпало. Нет воды. Нет луны
в воде — пустота в моих руках.*

Есть ли что-нибудь слабее ума? Есть ли что-нибудь более зыбкое, чем мысли? Есть ли что-нибудь более бессильное, чем мысли? Ничего не случается благодаря им, ничего не исходит от них, они просто следуют друг за другом. Они сделаны из той же материи, что и сновидения, — они не существуют на самом деле, просто дуновения в пустоте вашего существования.

Но вдруг дно выпало — и Чийоно говорит: «Это не была моя заслуга. Нет, я делала все, чтобы этого не произошло; старалась удержать ведро и так и этак, надеясь, что слабый бамбук прослужит еще долго. Но вдруг дно выпало — я ничего не делала, это не было моим действием».

Но вдруг дно выпало.

— Это была случайность.

*Нет воды. Нет луны в воде — пустота
в моих руках.*

— «Вода исчезла. Ведро исчезло. И только пустота в моих руках».

— Это то, что есть Будда: пустота в руках. Когда в ваших руках пустота, вы владеете всем, потому что пустота — это не отрицание. Пустота — это приятие всего, потому что из ничего проистекает все. Все рождается из пустоты. Пустота в руках — это источник в руках.

— Это семечко, очень маленькое, из которого потом рождается большое дерево. Откуда это дерево? Взгляните на семечко, разломайте его и попробуйте

определить. Если вы разломаете семечко, вы найдете пустоту. Из этой пустоты вырастает огромное дерево, из этой пустоты рождается вся Вселенная — из ничего рождается бытие.

Пустота в моих руках означает, что все в моих руках — в них тот самый источник, откуда все истекает и куда все возвращается. Пустота в моих руках означает, что Вселенная в моих руках, все в моих руках.

«Вдруг это произошло. Поздравить мне себя не с чем. Вдруг это случилось. А я делала все, чтобы этого не произошло».

Вот почему святые всегда говорят... верующие и те, кто использует понятие Бога, они говорят, что все происходит по его милости. Чийоно и буддисты не верят в Бога, они не пользуются этими понятиями. Поэтому Чийоно не может сказать: «По Его милости», — не может. Экхарт мог бы сказать «По Его милости — без всякого участия с моей стороны. Я ничего не сделал, чтобы это произошло. Я не был причиной этого». Меера мог бы сказать «Милость Кришны», Тереза могла бы сказать: «Иисус и Его милость».

Буддисты не верят в персонализированного Бога, их взгляды вне персоналий. Они не антропоцентричны. Поэтому Чийоно не может сказать «милость», она говорит: «Вдруг это случилось», но смысл тот же. «Вдруг это случилось. Я делала все наоборот. Все исчезло: вода вылилась, луна пропала — пустота в моих руках».

Вот что такое просветление: когда в руках пустота, когда все пусто, когда никого нет, даже вас — потому что если вы здесь, то и ведро здесь, старое ведро. Если вас здесь нет и пространство абсолютно пусто, ваше существо ничем не наполнено, вы становитесь источником. Вы достигли истинного лица дзен.

Это самый блаженный миг из всех возможных. Этот миг длится вечность — ему нет конца. Этот

миг перетекает в вечность. Вы уже никогда не будете кем-то другим, потому что вас больше нет. Кто может печалиться? Кто может скорбеть? Кто может расстраиваться? Кто может желать и разочаровываться? Пустота не может испытывать разочарования. Пустота не может желать. Пустота не может ожидать чего-либо, поэтому она пребывает в абсолютном блаженстве, абсолютном счастье.

Если вы есть, вы несчастны. Если вас нет, несчастья быть не может. Поэтому весь вопрос в этом: быть или не быть? И Чийоно вдруг поняла, что ее нет — в руках Пустота.

Достаточно на сегодня.

Глава 2

Спор
на НОЧЬ

В некоторых японских храмах дзен есть старинная традиция. Если странствующий монах сумеет победить в споре о буддизме местного монаха, тогда он может остаться на ночь. Если нет, ему придется уйти.

В северной Японии был храм, за которым присматривали два брата. Старший брат был весьма умен, а младший — довольно глуп, да еще и одноглаз.

Однажды странствующий монах попросился к ним на ночлег. Старший брат весь день был занят и очень устал, поэтому он попросил младшего брата провести состязание. «Потребуй, чтобы спор проходил в молчании», — попросил старший брат.

Через некоторое время странствующий монах пришел к старшему брату и сказал: «Какой изумительный спорщик твой брат! Он очень ловко вызврал спор, так что я вынужден удалиться. Спокойной ночи».

«Прежде чем уйдешь, — сказал старший брат, — расскажи, пожалуйста, о чем вы спорили».

«Дело было так, — сказал странник, — сначала я поднял один палец как символ Будды. Тогда твой брат поднял два пальца, указывая на Будду и его учение. Я поднял три пальца как напоминание о Будде, его учении и последователях. В ответ твой сообразительный брат потряс кулаком перед моим лицом, показывая, что все три происходят из одного понимания». На этом странствующий монах удалился.

Через некоторое время появился младший брат. Он выглядел очень озорченным.

«Я так понимаю, ты вызврал спор», — сказал старший брат.

«Да ничего не вызврал, — ответил младший, — этот странник оказался ужасным зрубьяном».

«Вот как? — удивился старший. — Расскажи мне, о чем вы спорили».

«Было так, — сказал младший брат, — когда он увидел меня, он показал мне один палец, чтобы оскорбить, напомнив, что у меня всего один глаз. Но поскольку он странствующий монах, я решил, что буду вежливым, и показал два пальца, поздравляя с тем, что у него оба глаза на месте. После чего этот бессовестный тип поднял три пальца, показывая, что на двоих у нас всего три глаза. Я вышел из себя и угрожающе помахал кулаком перед его носом — он и ушел».

Старший брат рассмеялся.

Любые споры поверхностны и глупы. Состязаться таким образом — глупо, потому что истины нельзя достичь в спорах, в беседах. Вы можете получить ночлег, но это все. Вот в чем смысл этой традиции.

Сама традиция чудесна. Во всех японских монастырях дзен всем, кто нуждался в ночлеге, предлагали принять участие в споре. Выигравший состязание мог остаться на ночь — это очень символично — но только на одну ночь. Утром снова надо было отправляться в путь. Смысл в том, что благодаря спорам, логике, аргументации вы никогда не достигнете цели, самое большее — получите ночлег. И не обманывайтесь, что ночлег — это цель. Надо идти дальше. Утром снова надо быть на ногах.

Но многие обманываются. Они думают, что то, чего они достигли благодаря логике, и есть цель. Крыша над головой становится пределом мечтаний. Они

не двигаются и теряют время. Логика может привести к умозрительным заключениям, но никогда — к истине. Логика может привести к чему-то, что напоминает истину, но никогда — к истине.

Запомните: то, что похоже на истину, — тоже ложь, что это значит? Что-то либо является истиной, либо не является; тут нет ничего промежуточного. Что-то либо истина, либо нет. Вы не можете сказать, что это наполовину истина, это невозможно — точно так же, как не может быть половины окружности, потому что само слово окружность означает нечто законченное. Полуокружности не существует. Если есть только половина окружности, значит, это не окружность.

Полуистины не существует. Истина всегда целая, вы не можете получить ее частями. Относительная истина — это обман, но логика может привести только к обману. Вы можете получить крышу над головой, чтобы отдохнуть, расслабиться, но не превращайте это место в дом. Утром снова отправляйтесь в путь, ваше путешествие не может завершиться здесь. Каждое утро оно будет продолжаться снова и снова. Передохните с помощью логики, с помощью аргументации, но не оставайтесь с ними, не становитесь неподвижными — и постоянно помните, что надо двигаться дальше.

Эта традиция прекрасна. Но надо знать кое-что об этой традиции и ее значении. Прежде всего, она символична. Второе — все споры глупы, потому что в пылу спора вы никогда не поймете другого. Все, что он говорит, трактуется неверно. Ум, настроенный на победу, на состязание, не может понять. Это невозможно, потому что для понимания нужен не прибегающий к насилию ум. А когда вы стремитесь победить, вы неистовы.

Спор — это насилие. В споре вы можете убить, но никогда не воскресите. В споре вы никогда не по-

дарите жизнь, но убить можете. Истина может быть уничтожена в споре, но не сможет родиться. Это насилие, насилие в самом отношении. На самом деле, вы устремлены не к истине, вы устремлены к победе. Когда победа становится целью, в жертву ей принесят истину. Когда истина становится целью, вы также жертвуете победой.

Целью должна быть истина, не победа, потому что если цель — победа, вы становитесь политиками, не религиозными людьми. Вы становитесь агрессивными, вы пытаетесь одержать верх над другими, вы пытаетесь так или иначе подавить, возвыситься. А истина никогда не подавляет, она не разрушительна. Истина не может победить в том смысле, что вы сломили другого. Истина несет смирение и скромность. Истина не забава для эго, а любые споры — это забавы для него. Поэтому споры никогда не ведут к реальности. Они уводят от реальности, от истины, потому что само явление — вы победитель — по сути глупо. Побеждает истина, не вы, не я. В споре выигрываете вы, или выигрываю я, истина никогда не выигрывает.

Подлинные искатели позволяют истине обыграть обоих. Спорщики добиваются победы только для себя, она не может принадлежать другому. В истине нет *другого*. В истине мы встречаемся и становимся одним целым. Кто тогда будет победителем, а кто — побежденным? В истине никто не проигрывает. В истине побеждает истина, мы проигрываем. В споре я это я, вы это вы, все мосты сожжены.

Как вы сможете понять другого, если вы против него? Понимание невозможно. Понимание нуждается в сочувствии, понимание нуждается в участии. Понимать означает полностью прислушиваться к другому — только тогда понимание расцветает. Но если вы спорите о чем-то, оспариваете что-то, аргументируете, доказываете, вы уже не слушаете другого, вы

только делаете вид, что слушаете. В глубине души вы готовитесь, в глубине души вы уже сделали следующий ход — когда другой остановится, вам уже есть что сказать. Вы готовитесь опровергнуть его. Вы не слушали его, но вы пытаетесь его опровергнуть!

На самом деле, истина не важна в спорах, в состязаниях. Поэтому спор никогда не становится общением, и через спор невозможно прийти к единству. Вы можете спорить, и чем больше вы спорите... тем больше отдаляетесь. Чем больше вы спорите, тем больше разрыв, он становится пропастью; не остается ни пяди земли, где вы могли бы встретиться. Вот почему философы никогда не встречаются, пандиты никогда не встречаются: ведь все они великие спорщики. Между ними бездна. Они не могут встретиться — это невозможно.

Только любовники могут встретиться, но любовники не станут спорить — они *общаются*, они могут понимать друг друга. Вот почему на Востоке столько внимания уделяют *шраддхе* — доверию, вере. Если вы спорите со своим мастером, пропасть становится все шире. Лучше отправиться в путь, пусть мастер будет вашим ночным пристанищем, но потом — уходите. Если вы останетесь с ним, это ни к чему не приведет, пропасть будет увеличиваться. Если вы настроены на спор, через эту пропасть уже не навести мосты. Исключено. Доверие означает приятие. Доверие означает, что вы не спорите — вы пришли слушать, а не спорить. Вы пришли понимать, а не дискутировать. Вы пришли не для того, чтобы победить, наоборот, вы готовы проиграть.

Настоящий ученик всегда ищет поражения от мастера. Когда ученик полностью сокрушен и уничтожен, это величайший момент в его жизни. Дело не в том, что мастер жаждет победы, мастер готов к поражению, ученик готов к поражению. Когда ученика больше нет — он полностью сокрушен, исчез — толь-

ко тогда над пропастью возникает мост. Пропасть исчезла, и мастер сможет проникнуть в вас.

Вот как это было: Иисус бродил по стране, а все его ученики были простыми людьми, среди них не было ни одного образованного человека, ни одного ученого. Не то чтобы в это время не было ученых, были и великие ученые в те времена. Евреи были на пике своего великолепия, вот почему они смогли породить такого сына, как Иисус. Иисус был венцом их славы. Иисус смог случиться — это указывает на то, что евреи приблизились к своей вершине. Никогда более они не достигнут такой высоты. Были великие ученые, проводились глубокомысленные дебаты. Еврейские синагоги были местами обучения, настоящими университетами того времени. Люди путешествовали по всей стране, чтобы участвовать в дискуссиях, спорить, доказывать, искать. Но это были состязания сторон. Ни один ученый не последовал за Иисусом.

На самом деле, все ученые были единодушны в том, что этот человек должен быть уничтожен. Все эти ученые, образованные люди, были готовы убить этого человека. Но почему? — потому что этот человек был против споров. Он разрушал фундамент, и вся конструкция рушилась. Этот человек говорил то, что противоречило рассудку. Он говорил о вере, он говорил о любви, он говорил о том, как перекинуть мост от одного сердца к другому.

Спорят два ума, две головы; любовь, разговор, доверие возникают между двумя сердцами. Иисус показал новый путь — путь дружбы, ученичества, роста. Он мыслил понятиями абсолютно иного измерения — иного качества. Он говорил: «Отложите ваши писания. Ваши книги не нужны, потому что это просто буквы». Ученый, пандит не мог вынести этого. Иисуса распяли.

Он мог обратиться только к простым людям — рыбакам, дровосекам, сапожникам — простым людям.

Все его ученики, за исключением Иуды, были необразованными. Только Иуда был культурным человеком, утонченным человеком благородного происхождения, и именно он предал Иисуса за тридцать кусочков серебра. Почему? Потому что изменить сердцу можно только головой. Любовь может быть предана только логикой; больше ничто не может предать.

Вот что еще запомните, прежде чем я перейду к этой истории: используя логику, голову, силу доказательств, вы становитесь чужими друг другу, незнакомцами. Мост между вами исчезает. Как вы сможете достичь истины, когда вы не можете понять другого, когда вы не способны даже выслушать его, когда ваш ум все глубже и глубже затягивает в пучину спора, сражения? Вы неистовы, агрессивны. Агрессивность не поможет.

Поэтому все споры бессмысленны, они никогда никуда не ведут. Даже если согласие достигнуто, оно достигнуто силой; оно не возникает из беседы. Вы можете заставить замолчать другого, но вы не убедите его, никогда. Именно так: *никогда*. Если у вас в запасе есть несколько логических фокусов, вы можете заставить другого замолчать. Он растеряется и не сможет ответить. Вы знаете больше, чем знает он. Вы знаете больше хитроумных приемов, чем знает он. Вы можете загнать его в угол словами и доказательствами, так что он не сумеет ничего ответить. Но вы не убедите его таким образом. Глубоко в душе он будет думать: «Однажды я найду больше приемов и поставлю тебя на место. Сейчас я не могу ответить. Ну что же, признаю, я проиграл». Он проиграл, но не побежден.

Это разные вещи. Когда вы завоевываете его сердце, он не чувствует поражения, он счастлив. Он побежден вашей победой, он ваш соучастник. Это не ваша победа — победила истина, и вы оба празднуете. Но, когда вы нанесли поражение другому челове-

ку, он вовсе не побежден, он остался врагом. В глубине души он ждет подходящего момента, чтобы отомстить за себя.

Ни один спор не может увенчаться убеждением. Но если никто не убежден, каков результат? Если результат стал следствием принуждения, такой результат всегда будет преждевременным. Это больше похоже на аборт, а не на естественные роды. Вы прибегли к насилию — на свет появился мертвый ребенок или калекка, который всю свою жизнь будет инвалидом, слабым и мертвым.

У Сократа была привычка повторять: «Я — повивальная бабка, я помогаю естественным родам». Мастер — это повивальная бабка. Он не склонен прибегать к насилию, потому что насильственные роды не могут стать настоящим рождением. Это больше похоже на смерть, чем на жизнь.

Поэтому мастер никогда не спорит. И даже если иногда кажется, что он спорит, он просто играет с вами — у него есть на это причина. Не попадитесь в эту ловушку. Он играет по определенной причине, он спорит для того, чтобы узнать, возросла ваша склонность к спорам или нет. Если она возросла, вы упустили. Если вы способны выслушать его вызов, не отвечая, он перестанет играть в эту игру. Он должен заглянуть внутрь вас. Вы можете быть осознанным слушателем и неосознанным спорщиком. Тогда он должен показать вам вашу неосознанность, чтобы вы осознали ее.

Иногда мастер кажется агрессивным, как будто он собирается подчинить вас. Но ему не нужно подчинять вас — ему нужно подчинить ваше эго, не вас. Разрушить эго, не вас. Запомните: эго — это яд, оно разрушает вас. Как только воздействие яда прекратится, вы станете свободным и *живым* впервые в жизни. Впервые в жизни все будет залито светом. Мастер справляется с болезнью, не с вами.

Иногда он может спорить. Были мастера, которые очень любили спорить. Невозможно было переспорить их, невозможно было выиграть у них, когда они начинали играть словами. Но на самом деле они помогали пробудиться вашей осознанности, чтобы вы поняли, истинна ли ваша вера или нет.

Есть такая история. Один суфий, Джунаид, жил со своим мастером. И его мастер был ужасным спорщиком. О чем бы ни зашел разговор, он тут же начинал опровергать это. Если вы говорили: «Сейчас день», он отвечал: «Нет, ночь» — хотя на самом деле был день.

Что бы ни сказал Джунаид, мастер всегда опровергал его. И Джунаиду ничего не оставалось, как только склонить голову и сказать: «Да, Мастер, сейчас ночь».

Однажды мастер сказал: «Джунаид, ты победил. Я не смог превратить тебя в спорщика. Я так явно лгал, что даже человек, который никогда не выигрывал в спорах, сказал бы: „Что за чушь? Сейчас день. Об этом нечего спорить. Это ясно“. А ты все равно отвечал: „Да, Мастер, сейчас ночь“. Твое доверие глубоко. Больше я не буду спорить, теперь я могу говорить правду, потому что ты готов».

Когда сердце говорит «да» всему, тогда вы готовы слушать. И только тогда истина может быть открыта вам. Если даже малейшее «нет» остается в вас, говорить истину вам нельзя, потому что это «нет» разрушит все. «Нет», каким бы ничтожным оно ни было, могущественно, очень могущественно; истина будет произнесена, но она не откроется вам. «Нет» скроет ее от вас.

Вот почему я говорю, что всякие споры бессмысленны. И вот почему я не устаю повторять снова и снова, что все усилия философии бесполезны. Они не привели ни к какому результату — и не могли привести.

Сейчас я расскажу одну историю, а потом объясню эту притчу дзен.

Случилось так, что у одного могущественного императора скончался великий премьер-министр. Этот премьер-министр был исключительным человеком, очень эрудированным, необыкновенно мудрым, хитроумным, проницательным, великим дипломатом — трудно было найти ему достойную замену. Искали по всей империи. Министрам было поручено отыскать по меньшей мере троих человек, и впоследствии один из них должен был стать новым премьер-министром.

В поисках прошли месяцы. Искали по всей империи, заглядывая в каждый уголок, в каждый закуток. Наконец, нашли троих. Один из них был великим ученым, математиком. Он мог решить любую математическую задачу, ведь математика единственная точная наука — остальные науки лишь ее ответвления — поэтому он стоял у самого основания.

Второй был великим философом, великим создателем теорий: из ничего он мог создать все. Только лишь из слов он мог сложить такие прекрасные конструкции — волшебные, только философы способны на такое. У них ничего нет в руках, они великие волшебники. Они создают Бога, они создают теорию сотворения мира, они создают все — из ничего. Они так искусно владеют словом, они соединяют слова таким образом, что те дают полное ощущение реальности — а ничего нет.

Наконец, третий был религиозным человеком, человеком веры, молитвы, благочестия.

Люди, которые отобрали этих трех, проявили настоящую мудрость, отдав им предпочтение. Эти трое представляли собой три измерения сознания. Только эти три направления: ученый, философ, служитель религии — основа всего. Ученый экспериментирует: пока что-либо не доказано экспериментом, оно

недостовверно. Это человек опыта, эксперимента, его истина — это истина эксперимента.

Философ — человек логики, не экспериментов. Опыт его не интересует, только с помощью логики он убеждает или опровергает. Это человек чистого знания, более чистого, чем знание ученого, потому что ученому необходимо проводить эксперименты, для этого ему нужна лаборатория. Философу лаборатория не нужна — его работа совершается в уме, с помощью логики, с помощью математики. Его лаборатория — это ум. Он может доказать и опровергнуть с помощью одних логических аргументов. Он может распутать или сотворить любую головоломку.

Третье измерение — религиозное. Религиозный человек не смотрит на жизнь как на проблему. Жизнь не проблема для человека религии. Нет ничего, чтобы решать, есть нечто, чтобы прожить.

Религиозный человек — это человек бытия, ученый — человек опыта, философ — человек мысли. Религиозный человек — человек бытия, он смотрит на жизнь как на нечто, что надо прожить. Если есть какое-либо решение, значит, оно находится в самом существовании, оно придет из бытия, оно придет из жития. Ничего не следует решать заранее, с помощью логики, потому что жизнь больше, чем логика. Логика — это всего лишь капля в бескрайнем океане жизни, поэтому она не может объяснить все. И эксперименты можно проводить только тогда, когда вы беспристрастны, эксперименты возможны только с материальными объектами.

Жизнь не объективна, она — сердцевина субъективного. Когда вы экспериментируете, вы обособлены, когда вы живете, вы едины с жизнью. Поэтому религиозный человек говорит: «Пока ты не станешь единым целым с жизнью, ты не познаешь ее». Как можно узнать ее со стороны? Вы можете ходить туда и сюда, вокруг да около, но никогда не достигнете

цели. Поэтому не эксперимент, не мысль — только бытие; простота, доверие — человек веры.

Искали и нашли этих троих человек, затем их призвали в столицу для принятия окончательного решения. Император сказал: «Три дня отдыхайте и готовьтесь. Утром четвертого дня будет последнее испытание. Один из вас будет выбран, чтобы стать моим премьер-министром, — тот, кто докажет, что он самый мудрый из всех».

Они стали готовиться, каждый по-своему. Трех дней оказалось недостаточно! Ученому надо было обдумать множество экспериментов, провести их — кто знает, что за испытание им предстоит? Поэтому он три дня не спал, у него не оставалось времени на это. Впереди целая жизнь для сна, если его выберут, так зачем беспокоиться о сне сейчас? Он не спал, он не ел — времени было так мало, а успеть до испытания надо было так много.

Философ начал думать, ему предстояло решить множество проблем: «Кто знает, какую задачу придется решать...»

Только религиозный человек был спокоен. Он ел, и ел с аппетитом. Только религиозный человек умеет есть с аппетитом, потому что еда — это подарок, это нечто священное. Он крепко спал. Он молился, сидел на свежем воздухе, ходил на прогулки, смотрел на деревья, благодарил Бога, потому что для религиозного человека нет будущего, нет финального испытания. Каждый момент — испытание, как вы к нему можете подготовиться? Если что-то предстоит в будущем, вы можете подготовиться, но если оно здесь и сейчас, как вы к этому подготовитесь? Надо просто его встречать. Нет никакого будущего.

Время от времени ученый говорил: «Что же ты делаешь? Тратишь впустую время — ешь, спишь, молишься. Ты бы успел помолиться потом». Но тот только смеялся в ответ и не вступал в споры — он не был спорщиком.

Философ говорил ему: «Ты все спишь, ты все сидишь в саду, все смотришь на деревья. Это не поможет. Экзамен не детская забава, ты должен готовиться к нему». Но тот только смеялся в ответ. Он больше доверял смеху, чем логике.

Утром четвертого дня, когда им надо было идти во дворец для финального испытания, ученый едва держался на ногах. Его так утомили эксперименты, что жизненные силы оставили его. Он смертельно устал, казалось, что в любой момент он может упасть и заснуть. Его глаза заволокло туманом, в его уме все перемешалось. Он был на грани безумия.

А что философ? Он устал не так сильно, но он был в таком замешательстве, как никогда, потому что все эти дни он думал и думал, спорил и спорил, и ни один довод не стал выводом. Он был в смятении, в отчаянии, в голове его царил хаос. В тот день, когда он прибыл сюда, он мог дать ответы на многие вопросы, сейчас же — ни на один. Даже то, что было ему известно со всей определенностью, потеряло свою определенность. Чем больше вы думаете, тем бесполезней становится философия. Лишь глупцы могут верить в определенность. Чем больше вы думаете, тем больше вы осознаете, что это все — только слова, за которыми ничего нет. Несколько раз он порывался уйти, потому что понимал, что все это бесполезно. Он был в ужасном состоянии. Но ученый сказал: «Эй! Давай хотя бы попробуем. Что мы теряем? Если выиграем, хорошо. И если проиграем, ничего страшного не случится. Давай хотя бы попробуем. Не будь трусом».

Только религиозный человек шел счастливый, напевая. Он мог слышать веселые трели птиц, он мог видеть, как встает солнце, он мог наблюдать, как солнечные лучи отражаются в каплях росы. Жизнь была так прекрасна. Он не беспокоился, потому не считал предстоящее испытанием — он готов был без страха встретиться с грядущим, просто пойти и посмотреть,

что произойдет. Он ничего не просил, ничего не ожидал, он был чистым, юным, живым — вот и все. Так ты идешь к Богу: не с готовыми формулами, не с готовыми теориями, не с многочисленными научными изысканиями и учеными степенями. Нет, это не поможет. Надо идти к храму, напевая и танцуя. И если вы живы, то, что бы ни случилось, вы сможете откликнуться на это, потому что отклик идет из жизни, из сердца, а сердце готово откликнуться, только когда оно поет, когда оно танцует.

Они прибыли. Император придумал нечто особенное. Их привели в комнату, где висел замок — головоломка. Замок состоял из множества фигур, но ключа не было. Эти фигуры надо было расположить особым образом, в этом и заключался секрет, но надо было вникнуть и понять, как их расположить. Если сделать это правильно, дверь откроется. Император подвел их к замку и сказал: «Вот головоломка, величайшая из всех. Вам надо найти разгадку — без всяких подсказок. Если вы найдете ключ, решите эту головоломку, дверь откроется. Тот человек, который первым выйдет отсюда, и будет избран. Начинайте». Он закрыл дверь и вышел.

Ученый незамедлительно начал проводить самые разнообразные эксперименты, набрасывая на бумаге решения многочисленных задач. Он разглядывал фигуры на замке. Нельзя было терять ни минуты, это был вопрос жизни и смерти. Философ закрыл глаза, начал размышлять логически — что делать, как разгадать эту загадку. Он никогда прежде не сталкивался с такой головоломкой.

Вот в чем проблема ума: если что-то известно, ответ найти легко, но если это что-то совершенно новое, как можно решить его с помощью ума? Безусловно, ум эффективен, когда на повестке известно, привычное, шаблонное. Но полностью бесполезен, когда встречается с неизвестным.

Религиозный человек даже не стал подходить к замку, что он мог сделать? Он не знал логики, он не владел экспериментальными знаниями. Что он мог сделать? Он просто сел в углу. Он попел немного, помолился Богу, закрыл глаза. Двое других решили, что он им не конкурент. «Это хорошо, победа достанется одному из нас». Через какое-то время они вдруг обнаружили, что его нет в комнате. Он исчез, дверь была открыта.

Вошел император и сказал: «Вы еще здесь? Все закончилось. Тот, третий, уже вышел». Они закричали: «Но как?.. Он же ничего не делал!»

Увидев религиозного человека, они стали спрашивать его. Он ответил им: «Я просто сидел. Я молился, сидя, и вдруг услышал внутренний голос, который сказал: „До чего же ты глуп. Посмотри-ка. Дверь ведь не заперта“. И я подошел к двери. Она не была заперта. Никакой загадки не было, вот я и вышел».

Жизнь — не загадка. Если вы пытаетесь разгадать ее, вы упускаете. Дверь открыта, она никогда не была заперта. Если бы дверь была заперта, ученые смогли бы найти выход. Если бы дверь была заперта, философы смогли бы предложить способ, как ее открыть. Но дверь не заперта, поэтому только вера может пройти — без всякого решения, без готового ответа. Толкнуть дверь и выйти.

Жизнь — это не загадка, которую надо разгадать, это тайна, которую надо прожить. Это глубокая тайна, поэтому доверяйте и позвольте себе проникнуть внутрь нее. Никакие споры не помогут — ни с другими, ни с самим собой — никакие споры. Любые споры бессмысленны и глупы.

А теперь обратимся к этой прекрасной истории.

В некоторых японских храмах дзен есть старинная традиция. Если странствующий монах

сумеет победить в споре о буддизме местного монаха, тогда он может остаться на ночь. Если нет, ему придется уйти.

Силой убеждения вы можете заслужить ночлег — но не более того.

В северной Японии был храм, за которым присматривали два брата. Старший брат был весьма умен, а младший — довольно глуп, да еще и односторонне.

Чтобы управлять храмом, нужны две разновидности людей — умные и глупые. Любой храм устроен именно так — в нем всегда две разновидности людей: умные становятся священнослужителями, а глупые внимают им. Так устроен любой храм.

Поэтому все эти истории не просто анекдоты, они отражают определенные явления. Если глупцы исчезнут с поверхности Земли, храмов не будет. Если умные люди исчезнут из храмов, храмов больше не будет. Чтобы храмы существовали, нужна дуальность. Вот почему вы не можете найти Бога в храмах — его нельзя найти в дуальности.

Эти храмы придуманы умными людьми для эксплуатации глупых. Все храмы — изобретения, умные люди пользуются... становясь священниками. Священники — умнейшие люди, они величайшие эксплуататоры, но вас эксплуатируют так, что вы даже не можете взбунтоваться. Они эксплуатируют вас ради вашего спасения, они эксплуатируют вас ради вашего блага. Священники до того умны, что придумывают теории из ничего: все эти теологии, все, что они создали, — колоссально! Нужно быть очень умным, чтобы создать религиозные теории. Они продолжают возводить такие грандиозные системы, что обычному человеку практически невозможно постичь

их. Они используют такие понятия, они используют такие специальные термины, что невозможно понять, о чем они толкуют. А когда вы не можете понять, вы думаете, что они очень глубоки. Все непонятное кажется особенно глубоким: «Это за пределами моего понимания».

Помните: Будда говорит очень простым языком, доступным каждому. Это не язык священников. Иисус говорит короткими притчами — любой необразованный человек может понять его — он никогда не использует религиозные понятия. Махавира говорит, излагая свое учение языком самых простых и обычных людей.

Махавира и Будда никогда не использовали санскрит, потому что санскрит был языком священников, брахманов. Санскрит — один из самых сложных языков. Священники сделали его таким сложным, они шлифовали, и шлифовали, и шлифовали его. Само слово *санскрит* означает отточенный, очищенный. Они отшлифовали его до такой степени, что только очень и очень образованные люди могут понять, что они говорят, для других это за пределами понимания.

Будда использовал язык простолюдинов, пали. Пали был языком народа, языком деревенских жителей. Махавира использовал пракрит. Практикрит — это неочищенная форма санскрита; пракрит — это естественная форма санскрита, в нем мало грамматики, почти никакой. Ученые еще не добрались, не «облагородили» язык до такой степени, что обычные люди перестали понимать его. Священники же использовали санскрит, они до сих пор используют его. Никто уже не понимает санскрит, но они продолжают использовать его, потому что их профессия состоит в том, чтобы создать пропасть, не мост, а пропасть. Только тогда, когда простые люди ничего не понимают, у священников появляется шанс выжить. Как

только простые люди поймут, что они говорят, им конец, потому что они не говорят ничего.

Однажды Мулла Насреддин отправился к доктору — а доктора освоили приемы священников: они пишут на латыни и на греческом, причем пишут так, что и сами не могут потом прочитать. Никто не разберет, что они там написали. Поэтому Мулла Насреддин пришел к доктору и сказал: «Послушай, давай без прикрас. Просто скажи как есть. Не используй латынь или греческий».

Доктор ответил: «Ну, раз ты настаиваешь, раз ты хочешь, чтобы я сказал честно... Ты ничем не болен. Ты просто обленился».

Насреддин сказал: «Хорошо, спасибо. А теперь напиши это на латыни и греческом, чтобы я мог показать это дома».

Умные всегда эксплуатировали простых людей. Вот почему ни Будду, ни Иисуса, ни Махавиру не признавали брахманы, ученые, все эти образованные люди. Потому что их идеи были разрушительны, они разрушали весь их бизнес. Если народ понимает, он не нуждается в священниках. Почему? Да потому что священник — это посредник. Он понимает язык Бога. Он понимает и ваш язык. Он переводит ваши слова Богу. Вот почему говорят, что санскрит — это *дев-бхаша*, язык Бога: «Ты не знаешь санскрит? — я знаю, поэтому я буду связующим звеном, я буду переводчиком. Ты скажешь мне, чего ты хочешь, а я на санскрите передам это Богу, ведь он понимает только санскрит». И, конечно, за это вам придется заплачивать.

Есть два типа людей, нужных в храмах.

В северной Японии был храм, за которым присматривали два брата. Старший брат был

весьма умен, а младший — довольно злой, да еще и одноглаз.

В чем смысл единственного глаза в этой истории? Глупец всегда однонаправлен: он никогда не сомневается, он всегда уверен. А умный человек всегда дуален: он сомневается, он постоянно раздвоен. Он постоянно спорит с самим собой, внутри него всегда продолжается диалог, он принимает обе позиции.

Умный человек раздвоен — у него два глаза. У глупца только один глаз — ему всегда все ясно, ему не нужны доказательства, он не раздвоен. Вот почему, если ты посмотришь на глупца, он будет более похож на святого, чем умный человек. Если ты посмотришь на святого, он тоже будет чем-то напоминать глупца, дурачка. Суть разная, но что-то общее есть, хотя сущность разная. Глупец находится на нижней ступени, святой — на верхней, но оба — на концах лестницы. Глупец не знает, поэтому он так прост, одноглаз. Святой знает, поэтому он так прост. Он тоже одноглаз, он называет это «третьим глазом». Два его глаза слились в третьем. Он тоже одноглазый. Он — единое целое, и глупец — единое целое. Так в чем разница?

Невежество так же простодушно, как и мудрость. Умный человек посередине: он невежествен, но считает себя умным. В этом двойственность умного человека: он невежествен, а *думает*, что мудр. Он не наверху, не внизу, он застрял между. Вот почему он всегда в напряжении. Невежда расслаблен, мудрец расслаблен. Невежда еще не начал свое путешествие, он дома. Мудрец достиг цели своего путешествия, он дома. Умный человек находится между ними, он ищет пристанище в каком-нибудь монастыре — хотя бы на одну ночь, он странник — для него это в порядке вещей.

Буддийские *бхикку* были странниками, Будда сказал: «Будьте странниками, пока не достигнете.

Будьте странниками. Не только внутри, но и снаружи. Будьте странниками, пока не достигнете. Не останавливайтесь, пока не достигнете». Когда вы достигли, когда вы стали *сиддхи*, буддой, тогда можно присесть и отдохнуть.

У невежества и мудрости есть одно общее свойство — простодушие, никакой хитрости. Поэтому иногда случалось, что божий человек считался глупцом, а дурачок — блаженным. Святой Франциск известен как блаженный. Он и был таким! Но быть блаженным — величайшая мудрость на свете, потому что его это утрачено. Вы не говорите, что знаете, вы глупы, потому что не показываете свои знания. Если вы не показываете, кто признает вас знающим? Даже если вы будете утверждать, вам никто не поверит. Вам придется вбивать это в чужие головы. Вам придется заставить их замолчать, убедить их. Когда им нечего будет сказать, тогда скрепя сердце они признают, что, возможно, да, не исключено, что вы знаете. Но они всегда будут говорить «возможно». Они оставят этот вопрос открытым и будут надеяться, что однажды смогут опровергнуть вас.

Если вы не предъявите, кто поверит? И если вы сами говорите: «Я невежествен, я ничего не знаю», — кто поверит, что вам хоть что-то известно? Люди немедленно поверят, если вы объявите: «Я не знаю». Они немедленно поверят, они скажут: «Мы так и знали. Мы согласны, мы полностью согласны с тем, что ты ничего не знаешь».

Блаженный! Если вы прочитали хотя бы один из великих романов Достоевского, вы понимаете, что это значит. Во многих романах Достоевского обязательно есть такой персонаж, идиот, блаженный. Он есть в «Братьях Карамазовых». Он простодушен, его можно эксплуатировать. Даже если вы будете его эксплуатировать, он будет доверять вам. Вы можете разрушить его, но не можете разрушить его доверия — вот в чем его красота.

А как происходит с вами? Если кто-то обманывает вас, то все человечество становится обманщиком. Если кто-то обманывает вас, вы теряете веру в человека — не в этого конкретного человека, а во все человечество. Если двое или трое обманывают вас, вы выносите приговор, что не осталось людей, заслуживающих доверия. Доверие ушло.

Похоже на то, что вы с самого начала не собирались никому доверять, а эти двое или трое просто дали вам повод. Иначе вы бы сказали: «Этому человеку нельзя доверять... но всему человечеству? Я не знаю... Поэтому я буду доверять, пока не докажут обратное». А если вы действительно исполнены доверия, вы скажете: «Этот человек не достоин доверия сейчас, он не был достоин доверия раньше... но кто знает, что будет завтра? Ведь святые становятся грешниками, а грешники — святыми».

Жизнь — это движение. Ничто не статично. Сейчас этот человек проявил слабость, но в следующий момент он может приложить усилия и перестанет обманывать. Поэтому на следующий день вы снова ему поверите, ведь это новый день, и новый человек. Ганг движется непрерывно, это не одна и та же река.

Однажды случилось вот что. Некий человек пришел к Мулле Насреддину и попросил у него денег. Насреддин хорошо знал его и знал, что тот не вернет деньги, но сумма была такой мизерной, что он подумал: «Пожалуй, я дам ему денег. Даже если он не вернет их, я ничего не потеряю. Зачем отказывать из-за такой ничтожной суммы?» И он дал ему денег.

Три дня спустя человек вернул долг. Насреддин был потрясен. Это было немыслимо, это было чудо, что этот человек вернул долг. Два или три дня спустя человек вернулся и попросил на сей раз большую сумму. Насреддин воскликнул: «Послушай! Да ты ведь обманул меня в прошлый раз!» Он вскричал:

«В прошлый раз ты обманул меня — больше я этого не позволю!»

Тот человек ответил: «О чем ты? В прошлый раз я вернул деньги».

Насреддин сказал: «Да, вернул. Но ты обманул меня, потому что я был уверен, что ты не вернешь долг. Хватит! В прошлый раз ты обманул мои ожидания. Хватит! Ничего больше ты от меня не получишь».

Вот как работает искушенный ум.

В этом храме один из братьев был невеждой — обычный человек, одноглазый, не ведающий сомнений. Второй был образованным, а образованный человек всегда утомлен, потому что он трудится не покладая рук неизвестно над чем. Деятельный без дела, он всегда утомлен.

Однажды странствующий монах попросился к ним на ночлеж. Старший брат весь день был занят и очень устал...

Вы никогда не увидите образованного человека не уставшим. Попробуйте найти! Сходите к бенаресским пандитам и попробуйте найти. Всегда усталые, всегда утомленные, они трудились не покладая рук — над словами. Запомните, даже чернорабочий не устает так сильно, потому что он трудится над жизнью. Когда вы работаете только со словами, с бессмысленными словами, только головой, вы устаете. Жизнь оживляет! Жизнь омолаживает! Если вы работаете в саду, вы потеете, но заряжаетесь энергией, а не тратите ее. Вы идете гулять, вы заряжаетесь энергией, потому что вы живете в этот момент. Если вы запираетесь в четырех стенах со словами, продолжаете думать, и думать, и думать — а это настолько мертвый процесс — вы устаете. Ученые люди

всегда утомлены. Глупый всегда свеж, святой всегда свеж. У них много сходных черт.

...поэтому он попросил младшего брата провести состязание. «Потребуй, чтобы спор проходил в молчании», — попросил старший брат.

...ведь он знал, что младший брат глуп. Молчание — золото, если вы глупы. Молчание — золото, и если вы святы. Если вы знаете, вы будете молчать. Если вы не знаете, лучше молчать.

Мудрец молчит, потому что он знает, и то, что он знает, невыразимо. Глупец вынужден молчать, так как, что бы он ни сказал, он выдаст себя. Глупец сойдет за умного, если молчит, но не останется никаких иллюзий, если он заговорит, так как все, что он говорит, изобличает его глупость. Умный брат знал, что его младший брат был не в ладах со словами, что он был обычным человеком, простодушным, невежественным, поэтому он сказал: *«Потребуй, чтобы спор проходил в молчании».*

Через некоторое время странствующий монах пришел к старшему брату и сказал: *«Какой изумительный спорщик твой брат!»*

Странствующий монах, должно быть, тоже был образованным человеком, но если глупец молчит, он может победить образованного человека. Едва он заговорит, его изобличат, ведь вокруг образованные люди. С помощью слов ему не победить.

Странствующий монах был образованным человеком, человеком, искушенным в словах. Ему было непросто проводить спор в тишине, в молчании. Как тут спорить? Если разговаривать запрещено, если можно пользоваться только жестами, предмет спора теряет смысл, а ум не может помочь, ведь если

разговаривать запрещено... Это было единственным преимуществом. Поэтому, если образованный человек молчит, он может быть побежден глупцом. Ведь у него не осталось никакого преимущества — оно заключалось в словах.

Замолчав, он превращается в глупца — вот в чем смысл. Вот почему ученые никогда не молчат, они всегда разговаривают. Даже если рядом никого нет, они говорят сами с собой, но они говорят. Они говорят, говорят и говорят, с собеседниками или без них, потому что в этих разговорах их преимущество становится значительнее и значительнее, они сами становятся более и более искушенными. Но если им случится замолчать, внезапно все их искусство исчезает. Они оказываются глупее глупцов. Даже глупец может посрамить их. Они вне профессионального круга, их просто исключили из него. Странствующий монах, должно быть, испытывал огромные трудности.

Он сказал:

«Какой изумительный спорщик твой брат! Он очень ловко вызвал спор, так что я вынужден удалиться. Спокойной ночи».

Если вы встретите умного человека, ничего не говорите. Ограничьтесь жестами. Вы победите, потому что он ничего не знает о жестах, он ничего не знает о молчании. На самом деле, ему очень трудно обходиться без слов. Странствующий монах почти сразу же признал себя побежденным — он поспешил покинуть монастырь, чтобы дотемна успеть добраться до другого храма и найти там человека, с которым можно было бы поспорить с помощью слов, на интеллектуальном уровне.

Жесты живые. Когда вы двигаете рукой, все существо участвует в движении. Когда смотрят глаза, все существо изливается из них. Когда вы идете, вы

идете целиком. Ваши ноги не могут идти сами, но ваша голова может сама ходить и ходить по кругу. Голова может стать самостоятельной. Никакая другая часть тела не может стать самостоятельной. Поэтому, если вы хотите понять человека, не слушайте, что он говорит. Лучше посмотрите, как он себя ведет, как входит в комнату, как садится, как двигается, как выглядит. Понаблюдайте за его жестами, они откроют истину.

Слова обманчивы. Мы говорим не чтобы открыться, а чтобы спрятаться. Поэтому молчите и наблюдайте за человеком — как он стоит, как он сидит, как он выглядит, какие жесты он использует. Язык тела правдивее языка слов. Язык тела очень, очень естественный, он берет начало в первоисточнике, он не создан для обмана. Вы можете говорить одно, но ваше лицо скажет другое. Вы можете сказать: «Я прав», — но ваши глаза, весь ваш вид, ваша поза скажут, что вы знаете о том, что неправы. На словах вы можете быть самоуверенным, но дрожь тела разоблачит вас.

Когда проникает вор, он проникает по-особенному. Когда появляется лжец, он появляется по-особенному. Когда идет искренний человек, он идет по-особенному. Ему нечего прятать, у него нет причины обманывать. Он настоящий, его шаги бесхитростны. Сделайте что-нибудь, что вам придется скрывать, а затем посмотрите на себя — ваше тело скажет, что все не так. Даже когда идете, вы что-то скрываете. Ваш желудок сжат, вы насторожены, ваши глаза бегают, чтобы увидеть, смотрят на вас или нет, разоблачили вас или нет. Ваши глаза лукавят, они источник не чистоты — коварства. Наблюдайте за движениями вашего тела, они расскажут правду о вашем состоянии. Не слушайте слова.

Мне приходится делать это постоянно. Ко мне приходят люди с самыми разнообразными уловками. Мне приходится следить за их жестами, не за слова-

ми. Они могут прикасаться к моим ногам, но каждый их жест выдает эго, поэтому прикосновение к моим ногам бесполезно. Они манипулируют этим. Они обманывают не только меня, они обманывают себя. Вся их мимика говорит: «Эго!» — а в том, что они говорят словами, — смирение.

Вы не можете обмануть с помощью тела, ваше тело правдивее вашего ума. Все религии, придуманные священниками, говорят: «Будьте не с телом, будьте с умом», — потому что священники живут умом, эксплуатируют умом. Телом невозможно эксплуатировать, оно искреннее. Даже столетия неискренней жизни не смогли подавить искренность тела. Тело остается искренним, оно ясно показывает, кто вы есть.

«Он очень ловко выиграл спор, так что я вынужден удалиться. Спокойной ночи».

«Прежде чем уйдешь, — сказал старший брат, — расскажи, пожалуйста, о чем вы спорили».

Должно быть, старший брат был озадачен. Как мог его глупый брат оказаться ловким? Что произошло? Он был полным тупицей — как он мог спорить, как он мог состязаться, как он мог выиграть? Поэтому старший брат попросил:

«Прежде чем уйдешь, расскажи, пожалуйста, о чем вы спорили».

«Дело было так, — сказал странник, — сначала я поднял один палец как символ Бুদ্ধы».

...Ведь образованный человек, даже если он использует жесты, все равно использует их как слова: он знает только этот язык. Если он целует возлюбленную, про себя он скажет слово *поцелуй*. Это глупость:

если вы целуете, не нужно повторять «поцелуй» про себя, но образованный человек сделает это. Вы наблюдаете за собой: занимаясь любовью, про себя вы скажете: «Я занимаюсь любовью». Какая чушь! Вас никто не спрашивает. Некому это говорить. Почему вы продолжаете повторять? Когда вы делаете что-то, зачем вы превращаете это в слова? Потому что без слов вам не по себе. Вы чувствуете себя спокойно, только когда есть слова. С Богом вы не можете чувствовать себя непринужденно. Но со словом бог все в порядке — вот почему образованный человек идет в храм, в мечеть, в церковь; туда тоже он идет говорить. Он будет говорить с Богом — но словами.

Кьеркегор сказал: «Когда я впервые вошел в церковь, я предпочитал говорить. Я предпочитал говорить, разъяснять, просить. Но постепенно это стало казаться глупым. Я говорил с Ним и не оставлял Ему ни единого шанса, ни единой возможности говорить со мной. Лучше слушать. Когда ты перед Богом, лучше слушать». Поэтому он перестал говорить. Постепенно он отказался от всех молитв. Он приходил в церковь и просто сидел в тишине, но в этой тишине внутри него все равно оставались слова. Он не произносил их, но они все равно вертелись на языке.

Он постепенно стал избавляться от слов внутри себя — только тогда слушание становится возможным. Только тогда вы проникаете в совершенно иное измерение — слушания, покорности, восприимчивости. Вы становитесь лоном. Только тогда вы можете воспринять истину — когда вы не говорите, когда вы не агрессивны. Только тогда Бог проникает в вас, когда вы позволяете ему это. Вскоре Кьеркегор погрузился в абсолютное молчание, а затем перестал ходить в церковь.

Кто-то спросил: «Почему? Почему ты перестал ходить в церковь?»

Он ответил: «Теперь я понял, что такое церковь; смысл в том, чтобы молчать и слушать. Это можно делать где угодно, и лучше делать это где-либо еще, потому что много других людей приходят туда, в церковь, поговорить. Они мешают мне. Гораздо лучше под деревом. Гораздо лучше под открытым небом».

В таком храме больше величия, больше естественности. Если вы молчите, Бог везде. Если вам надо поговорить, идите в церковь. Но если вам надо помолчать, зачем идти куда-то? Он везде, но вы не можете молчать. Все, что вы делаете, вы комментируете. Вы чувствуете голод, и вы говорите: «Я голоден». Разве недостаточно просто чувствовать голод? Пока вы не скажете это, вы не успокоитесь, вот до чего вы привязаны к словам.

Этот странник... Он был образованным, действительно очень образованным человеком.

«Дело было так, — сказал странник, — сначала я поднял один палец как символ Будды. Тогда твой брат поднял два пальца, указывая на Будду и его учение» — дхамму.

Человек, который не может употреблять жесты без слов, и жесты других будет истолковывать словами. А теперь проследите связь. Что происходит? Вы привязываете чужие жесты к словам, которыми вы объясняете свои жесты.

Он подумал: «Вот палец. Один палец символизирует...» Палец ничего не символизирует. Пальцу достаточно быть собой. Палец — это просто палец. Зачем делать из него символ? Он не является символом кого-либо. Палец сам по себе прекрасен, зачем ему что-то символизировать? Но ум обожает символические значения. Только пальца недостаточно, он должен кого-то символизировать.

Если вы смотрите на цветок, вы не сможете смотреть на цветок как на цветок; он обязательно должен символизировать что-либо. Вы скажете: «Он похож на лицо моей жены». Про луну вы скажете: «Похожа на лицо моей возлюбленной». Какая глупость. Луна — это луна. А другой, глядя на лицо возлюбленной, скажет: «Оно похоже на луну». Ни луне не достаточно быть собой, ни лицу возлюбленной не достаточно быть собой. Хотя *на самом деле* всему достаточно быть собой. Никто не символизирует никого.

Каждый символизирует только себя. Все самобытно, уникально. Ничто не является копией. И когда вы говорите, что палец символизирует Будду, Будда становится оригиналом, а палец — копией. Нет! Будда не может позволить этого. Я не могу позволить этого! Палец прекрасен сам по себе, никого не символизируя. Но если вы решили, что палец символизирует Будду, тогда два пальца будут символизировать Будду и дхамму — его учение. Потому что вы хотите понять другого, слушая не его, а свой ум. Вы перетолковываете другого. Когда я говорю что-то, не заблуждайтесь, что услышали то же самое. Когда я говорю что-то, вы слышите что-то, но это не имеет отношения к моим словам; это относится к течению ваших собственных мыслей.

А его мысли были такими: «Один палец символизирует Будду». Затем, когда другой монах поднял два пальца, он был в полном неведении, что тот имел в виду. Вам не понять другого, пока внутри вас слова, потому что тогда все ассоциируется с вашими словами, с течением ваших мыслей, все окрашивается ими. Странник решил, что два пальца обозначают две вещи, а не одну: Будду и его дхамму — учение, закон.

«Тогда я поднял три пальца» — проследите связь.

Вы вовсе не общаетесь с другим. Вы общаетесь с самим собой. Это и есть умопомешательство. Умопомешательство означает не установление контакта с

другими, а погружение внутрь себя и привязывание этого момента к прошлому, нового к старому — перетолковывая, перекрашивая его.

«Тогда я поднял три пальца» — ведь если он говорит: «Будда, дхамма», я скажу: «Будда, дхамма, сангха» — Будда, его учение и его последователи.

Эти три понятия — три убежища буддизма. Когда бхикку хочет получить инициацию, стать бхикку, он говорит: «*Буддхам шаранам гаччхами* — я принимаю убежище в Будде. *Дхаммам шаранам гаччхами* — я принимаю убежище в его учении. *Сангхам шаранам гаччхами* — я принимаю убежище среди его последователей». Это три убежища, три сокровища буддизма.

Но этот человек не смотрит на то, что делает другой, — тотальная разобщенность! Поэтому он показывает три пальца.

«Я поднял три пальца как напоминание о Будде, его учении и последователях. В ответ твой сообразительный брат потряс кулаком перед моим лицом, показывая, что все три происходят из одного понимания».

На этом странствующий монах удался.

Через некоторое время появился младший брат. Он выглядел очень озорченным.

«Я так понимаю, ты выиграл спор», — сказал старший брат.

«Да ничего не выиграл, — ответил младший, — этот странник оказался ужасным зрubbяном».

«Вот как? — удивился старший. — Расскажи мне, о чем вы спорили».

«Было так, — сказал младший брат, — когда он увидел меня, он показал мне один палец,

чтобы оскорбить, напомнив, что у меня всего один глаз».

Вы судите по себе: вы читаете книгу и воспринимаете только то, что вы уже знаете. Вы слушаете, но вы связываете с прошлым, ваше прошлое вмещивается. Человек с одним глазом всегда помнит о своей ущербности. Он затаил обиду, он отовсюду ждет нападения. Никому до вас нет дела, но если у вас есть чувство неполноценности, то вы всегда ожидаете нападения с чьей-либо стороны. Вы уверены, что так и будет, и истолкуете соответственно. Возможно, другой говорит: «Будда», но вы увидите, что он указывает на ваш единственный глаз. Никому нет дела до ваших глаз, но мы все истолковываем согласно нашему пониманию.

Один человек пришел к Баязиду, суфийскому мистика, и задал ему вопрос. Тот ответил: «Возвращайся через год, сейчас ты болен. У тебя внутри беспорядок — я не могу открыть тебе истину, потому что ты не поймешь ее, ты обязательно поймешь ее *неверно*. Поэтому в течение года постарайся вести здоровый образ жизни, молчать, медитировать, а через год возвращайся. Если тогда я почувствую, что ты готов слушать, я скажу. Или же иди к кому-нибудь еще».

Этот человек послушался и ушел. В течение года он прилагал все усилия к выздоровлению, соблюдал тишину, сохранял спокойствие — и никогда больше не вернулся.

Тогда Баязид стал выяснять: «Что случилось с этим искателем?»

Кто-то рассказал ему: «Мы спрашивали его, почему он не приходит к тебе снова. Он ответил: „Теперь мне не нужно никуда идти, потому что я сам знаю то, что скажет мне Баязид“».

Это парадокс: когда вы не готовы, вы спрашиваете, но вам не может быть сказано ничего. Когда вы готовы, вы не спрашиваете, но только тогда вам может быть сказано что-либо.

Если у вас всего один глаз, вы всегда ищете обидчиков, а если вы ищете обидчиков, вы найдете их — вот в чем проблема. Если вы что-то ищете, в этом беда — вы обязательно найдете это. Не кто-то оскорбляет вас — вы сами способствуете этому. Поэтому не ищите проблем, иначе вы найдете их всюду.

Кто-то засмеется — не над вами, потому что кто вы такой? Что заставляет вас считать себя центром мироздания? Это привычка эго. Вы идете по улице, кто-то смеется, и вы думаете, что смеются над вами. Почему над вами? Кто вы такой? Почему вы считаете само собой разумеющимся, что вы — центр мира? Кто-то смеется — смеются над *вами*; кто-то оскорбляет — оскорбляют *вас*; кто-то разозлился — разозлились на *вас*.

За всю жизнь я не встретил ни одного человека, который бы разозлился на меня. Я видел много злых людей, но никто не злился на меня, потому что я не центр мироздания. Почему они должны злиться на меня? Они злятся — это связано с их жизнью, не с моей. Мне приходилось сталкиваться с людьми, которые хотели применить насилие в отношении меня, но они хотели применить насилие не из-за *меня*. Это насилие было следствием их собственного прошлого, я не был его причиной. Я мог быть поводом, но не причиной. Просто поводом — если бы меня в тот момент не было рядом, нашелся бы кто-то другой, кто-то другой стал бы жертвой. Я лишь по случайности оказывался там.

Когда жена сердится на вас, вы по случайности оказались рядом. Исчезните! И не думайте всерьез, что она злилась на вас. Она злилась, а вы оказались рядом, вот и все. Она бы злилась на прислугу, на ребенка, на пианино, на все что угодно.

Каждый человек живет своим прошлым. Только будды живут в настоящем. Больше никто не живет в настоящем.

Младший брат подумал: «Ну ладно, он показал, что у меня только один глаз. Он грубиян. Он оскорбляет меня, одноглазого. *Но поскольку он странствующий монах, я решил, что буду вежливым*».

Но в тот самый миг, когда вы думаете, что должны быть вежливыми, вы невежливы. Как такое возможно? — мысль материализовалась: если вы думаете, что другой грубиян, вы сами становитесь грубияном. Это не вызывает сомнений: сама мысль «он — груб» возникает из вашей собственной грубости. Ваша грубость породила грубость другого человека, вы приклеили ему ярлык. Другой человек показывает вам палец, имея в виду Будду, он даже не смотрит на ваш глаз. Его это не интересует, он всего лишь хочет переночевать.

Будда... а объяснение таково: «Он показывает, что у меня только один глаз. Он грубиян». Когда вы думаете о ком-то, что он грубиян, посмотрите на себя: это вы грубиян. Вот почему вы так это поняли.

Но почему вы грубы? Потому что грубость — способ скрыть свою ущербность. Грубые люди всегда страдают от чувства неполноценности. Если человек не обременен комплексом неполноценности, он не будет грубым. Грубость — это защита. За грубостью скрывается ущербность. Он говорит: «Я не позволю тебе прикоснуться к моей ране! Я не позволю тебе бередить ее».

Он защищается, но защита становится предотвращением ожидаемого нападения. Он думает, что вы грубы, поэтому может быть грубым и он. Это повод быть грубым. Сначала вы должны убедиться, что другой груб, после чего ваше эго говорит: «Я постараюсь быть вежливым».

Когда вы вежливы, ваша вежливость не что иное, как фасад. За ним прячется грубость, которая рано или поздно вырвется наружу.

«Но поскольку он странствующий монах, я решил, что буду вежливым, и показал ему два пальца, поздравляя с тем, что у него оба глаза на месте».

Это лицемерие. Как вы можете поздравлять кого-либо, если чувствуете себя оскорбленным? Если у вас только один глаз, а у другого — два, как вы можете поздравлять его с этим? Глубоко внутри вы завидуете, как вы можете поздравлять? Какие поздравления могут быть из зависти? Но все ваши поздравления именно такие. Это вежливо, это культурно, это этикет. Если вы побеждены кем-то, даже тогда вы поздравляете его с победой. Сколько лицемерия! Если бы вы на самом деле были таким, вы бы не сражались. Когда вы сражались, вы были врагами, а теперь вы побеждены, и вы поздравляете. Но глубоко внутри вы завидуете, вы кипите от гнева, вам хочется убить этого человека. Вы не упустите такой шанс — в будущем, как только подвернется случай!

Но общество нуждается в этикете. Почему общество нуждается в этикете? Потому что все жестоки. Если бы не было этикета, мы бы постоянно хватали друг друга за горло. Общество должно воспрепятствовать этому. Нам нельзя постоянно хватать друг друга за горло, иначе жизнь станет невыносимой.

Но *на самом деле* мы постоянно хватаем друг друга за горло. Ваш этикет, ваша культура, ваши цивилизованные методы, манеры предназначены для того, чтобы скрыть этот факт. Они препятствуют

возникновению настоящей цивилизованности. Сплошное лицемерие — вот почему каждые десять лет необходима большая война, в которой отбрасываются все этикетки, все манеры, вся мораль, и вы можете броситься друг на друга без всякого раскаяния. Тогда убийство становится соревнованием: чем больше вы убиваете, тем вы значительнее. Чем вы безжалостнее, тем более великим воином вы являетесь.

На Родине вас встретят как героев. Вас ждут награды: *Пад-махвишан*, *Махавирчакра*, Крест победы. Вас увешают медалями. За что дают эти медали? За варварство, за убийство, за то, что вы стали величайшим убийцей, ваша страна дает вам эти медали. И мы называем эти страны цивилизованными — они приветствуют убийц, они ценят убийц.. Но только массовых убийц. Одно убийство — и вы окажетесь в тюрьме, это не дозволено. Лишь время от времени, когда все общество сходит с ума, во время войны, отбрасываются все условности, и возможно проявить свою истинную сущность. Вот почему все счастливы во время войны. Должно быть наоборот — никто не может быть счастлив во время войны. Но все счастливы, потому что теперь вам позволено быть животным. Вам всегда хотелось этого. Ваша культура, ваш этикет, ваши манеры — просто искусные способы скрыть животное начало.

Младший брат сказал:

«Я показал два пальца, поздравляя с тем, что у него оба глаза на месте. После чего этот бессовестный тип поднял три пальца, показывая, что на двоих у нас всего три глаза».

Что бы вы ни делали, ваша душевная боль всегда с вами. Другой человек говорит: «Три сокровища

Будды», — но вы чувствуете, что он берedit вашу рану. Вы пытались быть вежливым, вы пытались не быть грубым, вы даже пытались радоваться. Но вы — это вы, ваш ум продолжает свою работу.

Теперь он поднимает три пальца. Ваш ум снова появляется и говорит: «Негодяй! Он говорит, что на двоих у нас всего три глаза». Снова он тычет в ваш единственный глаз. Это уже слишком! Достаточно!

«Я вышел из себя и угрожающе помахал кулаком перед его носом — он и ушел».

Он был вне себя с самого начала. Еще до встречи в нем клочкотал гнев, потому что нельзя разгневаться, если гнева нет изначально. Можно воспроизвести лишь то, что уже есть, ничего нельзя воссоздать из ничего. Происходит только то, что скрытое становится явным. Гнев есть, вам не надо вызывать его. Кто-то становится поводом — и он проявляется. Вы злитесь не на него, он не причина. Вы носили в себе гнев — а он лишь стал поводом. Безумие внутри, никто не может свести вас с ума, если вы еще не сумасшедший. Но мы всегда думаем, что кто-то делает нас злыми, кто-то делает нас подавленными, кто-то делает нас такими и этакими.

Никто не делает вас никаким. Даже если вы останетесь один, вы будете помешанным, вы будете злым. Даже если весь мир исчезнет, будут моменты, когда вы будете грустным; будут моменты, когда вы будете счастливым; будут моменты, когда вы будете злым; будут моменты, когда вы будете очень великодушным, хотя никого рядом нет.

Это ваша собственная история, разворачивающаяся страница за страницей. Это то, к чему приходит человек понимания: все — это самораскрытие. Дается возможность, дается ситуация, но самое главное — это раскрытие себя.

Семя падает в землю, прорастает, дерево начинает расти. Почва, воздух, дожди, солнце — все это лишь предоставляет возможности, но дерево спрятано в семечке. Вы носите в себе целое дерево вашего раскрытия, а все остальные становятся возможностями. Всякий раз, когда что-нибудь случается, не смотрите вокруг, смотрите внутрь, потому что все, что ни происходит, связано с вашим прошлым, а не с человеком, который рядом.

«Я вышел из себя и угрожающе помахал кулаком перед его носом — он и ушел».

Старший брат рассмеялся.

Старший брат мог видеть ситуацию в целом. Он знал, что странник разговаривал с его братом совсем о другом, он использовал жесты совсем не так, как тот их толковал. Он видел, что его глупый брат не понял ни одного жеста. Они так и не поняли друг друга — была пропасть, но не было моста. Они спорили, они делали умозаключения. Один проиграл, другой стал победителем, но они так и не повстречались — ни на единое мгновение. Старший брат рассмеялся.

Такой смех может стать просветлением. Такой смех может стать глубинным пониманием, трансформацией. Если этот смех не над глупостью младшего брата или над глупостью странника, если этот смех над ситуацией в целом: как устроен ум, как два ума могут никогда не встретиться, как два прошлых могут никогда не встретиться, как два ума всегда остаются разъединенными, — у них нет возможности встретиться и слиться друг с другом... Если он смеется над ситуацией в целом, а не над своим братом или ученым странником — потому что, если он смеется над братом или над ученым странником, такой смех не может стать просветлением, он останется тем же — но если он смеется над ситуацией в целом: как

устроен ум, как ум спорит, как ум продолжает существовать сам в себе, никогда не выходя за пределы, как он всегда остается закрытым, никогда не открывается, он то сокровенная мечта, то кошмар...

Если он понимает это, такой смех станет взрывом. Ведро, полное ведро падает, вода выливается — ни воды, ни луны.

Достаточно на сегодня.

Глава 3

Неужели?

Вся округа почитала мастера гзен Хакуина за целомудренную жизнь.

Но вот однажды выяснилось, что живущая неподалеку от Хакуина прекрасная девушка беременна.

Родители были страшно разгневаны. Поначалу девушка не хотела признаваться, от кого она ждет ребенка, но после длительных расспросов все-таки указала на Хакуина.

Вне себя от возмущения, родители девушки пришли к Хакуину, но он только спросил: «Неужели?»

Когда ребенок родился, его принесли Хакуину, чья репутация на тот момент была подорвана, но казалось, что он не особо сильно взволнован этим обстоятельством.

Хакуин окружил ребенка большой заботой. Он доставал у соседей молоко, еду и все, что нужно было для малыша.

Прошел год, и девушка призналась родителям, что настоящий отец ребенка — молодой мужчина с рязного рязка. Отец и мать девушки бросились к Хакуину, все ему рассказали, долго извинялись, просили прощения и забрали ребенка.

Мастер охотно отдал им дитя и лишь спросил: «Неужели?»

Что такое целомудренная жизнь? Что вы называете целомудрием? Что бы вы ни называли целомудрием — это не настоящее целомудрие. Ваше целомудрие — просто расчет, моральный расчет. Ваше целомудрие не целомудрие святого. Его целомудрие — это невинность. Ваше целомудрие — это разновидность лукавства, практичность.

Это первое, что нужно понять. Только если вы глубоко осознаете это, вы сможете понять, что такое мудрец, что такое святой, что такое человек знания. Потому что, если ваша система понятий неверна, если сами основы суждения неверны, все пойдет не так.

Подлинное целомудрие — это целомудрие ребенка, простодушие. Простодушие в понимании, что хорошо, что плохо, простодушие в любом распознавании. Подлинная невинность не знает, что есть Бог и что есть Дьявол. Но ваше целомудрие — это выбор. Оно предпочитает Бога Дьяволу, предпочитает хорошее плохому. Вы уже определили различия, вы уже поделили существование. А поделенное существование не может вести к невинности.

Нevinность расцветает, только когда существование нераздельно, целостно. Вы принимаете все как есть. Вы не выбираете, не делите, не делаете различий. На самом деле, вы не знаете, что хорошо, а что плохо. Если вы знаете, вы все просчитаете, и целомудрие будет сфабриковано. Оно не будет цветением.

Я расскажу одну историю — Халиль Гибран написал ее. Как-то раз один священник направлялся к храму. На обочине дороги он увидел мужчину на грани смерти — истекающего кровью, умирающего, словно он был очень жестоко избит: везде раны, льется кровь — весь в крови.

Священник спешил, он должен был вовремя прийти в храм, там его ждали люди. Но он был нравственным человеком — я не говорю о целомудрии — он был нравственным. Он стал думать, как ему поступить. Он все взвесил и решил: «Надо помочь этому человеку, он при смерти. Так учил Иисус. Храм и прихожане подождут. А этому человеку нужно помочь немедленно, иначе он умрет».

Он подошел к человеку, но как только увидел его лицо, испугался. Лицо показалось ему давно знакомым, очень злым. Внезапно он вспомнил фреску в храме, на которой был изображен Дьявол, — это был тот самый человек. Сам Дьявол, о Господи! И в ужасе он бросился к храму.

Дьявол крикнул ему вслед: «Послушай, священник! Если я умру, ты будешь раскаиваться до конца своих дней. Если я умру, если зло умрет, что будет с Богом? Если плохое умрет, как ты узнаешь, что такое хорошее? Само твое существование зависит от меня. Подумай об этом!»

Священник остановился. Дьявол был прав: если он умрет, не будет ада. А если не будет страха перед адом, кто будет поклоняться Богу? Все молитвы основаны на страхе. Вы боитесь, ваша любовь к Богу основывается на боязни Дьявола. Мерой вашего добра становится зло. Богу необходим Дьявол.

Дьявол говорил: «Я нужен Богу! Ему не обойтись без меня. Все храмы исчезнут, никто не придет молиться. Ты не встретишь ни одного религиозного человека, если меня не будет. Я искушаю их, благодаря моим искушениям они становятся святыми. Ты

когда-нибудь слышал о святых, которых не искушал Дьявол? Ваш Иисус, ваш Заратустра, ваш Будда — все они были искушаемы мной! Это я сделал из них святых. Так что вернись!»

Некоторое время священник колебался, но Дьявол говорил логично — Дьявол всегда логичен, он воплощение логики. Его невозможно переубедить, невозможно спорить с ним. Если вы вступаете в спор, вы побеждены. Вам не победить Дьявола аргументами.

Священник был вынужден уступить и согласиться. Он сказал: «Похоже, ты прав. Как нам без тебя?» Поэтому он взвалил Дьявола на спину и понес его в госпиталь. Он ждал там, пока не убедился, что опасность миновала и Дьявол выживет, — а вместе с Дьяволом выживут все храмы, все священники и все религии.

Этот священник был нравственным человеком, но не целомудренным. Его жизнь — точный расчет, а если вы просчитываете, вы уже побеждены Дьяволом. Вы не просчитываете лучше, чем он. Если вы спорите, если вы делите жизнь, если она становится логической задачей, тогда у вас нет ни единой возможности когда-либо победить его. Игра уже проиграна. Вы вступили в безнадежную схватку.

Невинный человек не знает, кто такой Бог, а кто такой Дьявол. Невинный человек живет своей невинностью, а не расчетами. Он не расчетливый, он простой. Он живет от мгновения к мгновению, ни прошлое, ни будущее не имеют для него значения. Достаточно именно этого мгновения, самого по себе.

Но ваша мораль... ваша мораль придумана тем священником, тем самым священником, который помог Дьяволу. Потому что Дьявол привел доводы, и его доводы были правильными. Ваша мораль не целомудренна. Поэтому, если появляется человек,

который ведет себя так, как, по-вашему, должен вести себя целомудренный человек, который способен справиться с собой, вы гордитесь им, вы уважаете его, вы называете его святым. Ваши святые так же фальшивы, как вы сами, потому что *вы* решаете и рассуждаете, кто святой. Ваша мораль — просто страх, скрытый страх, но спрятанный так искусно, что обнаружить его непросто.

Может расчет быть невинным? И без невинности — невинности, как у деревьев, невинности, как у животных, невинности, как у детей, — как целомудрие может случиться с вами? Это не то, что вы можете контролировать. Если вы контролируете — это подавление. Если вы принимаете обет безбрачия, секс здесь, спрятанный в подсознании, ожидающий момента, чтобы заявить о себе, взбунтоваться. Если отвергаете насилие, насилие все равно здесь. Противоположность не может быть отброшена. Если вы делаете выбор, противоположное всегда подавляется — это все, что вы можете сделать. Только в невинном сознании противоположности исчезают, потому что ничто не выбирается, а противоположное не может существовать без выбора.

Вот почему Кришнамурти постоянно призывает не выбирать, оставаться без выбора — вот основа невинности. Но вы можете обмануть себя, выбирая не-выбирание: «Так как Кришнамурти говорит: „Не выбирай“, — я не буду выбирать». Если *вы* так решили, ваша воля принялась за дело, а воля лукава. Если *вы* решили не выбирать, ваше не-выбирание станет частью морали, но не целомудрия.

Просто поймите, не выбирайте — не выбирайте даже не-выбирание. Просто осознайте всю ситуацию в целом: любой выбор, любой поступок будет следствием рассчитывающего ума. Это не может быть настоящим. Ваш ум может производить только мечты, он не может произвести истину. Истину нельзя со-

творить, никто не может сотворить ее. Она здесь, ее надо увидеть. Ничего не нужно делать, нужен только взгляд — взгляд без предубеждения, взгляд без всякого выбора, взгляд без всяких различий.

Божий человек, если он подавляет, если он отвергает Дьявола, не настоящий божий человек. Дьявол здесь, за углом. Как только вы начинаете разделять, вы вовлекаетесь в борьбу противоположностей — и вы будете сокрушены. Если вы не решаете — вы не знаете, что есть хорошо, а что есть плохо, — тогда вы просто принимаете все, что бы ни случилось. Это происходит, что с этим можно поделаться? Ничего. Вы просто плывете, как белое облако. Вы не знаете, куда и зачем. Ветер дует на север, вы плывете на север, потом ветер начинает нести вас на юг, и вы плывете на юг. Вы плывете вместе с ветром. Вы не говорите: «Я собираюсь на юг, я не могу плыть на север». Вы не боретесь.

Человек целомудрия — не солдат, он святой. А человек морали — солдат, не святой. Конечно, битва происходит внутри, не снаружи. Конечно, битва не с кем-то, а с собой — но это битва.

Вам не нужно быть воином. А если вы воюете, вы проиграете сражение. Как вы можете победить целое? Вы всего лишь малая часть, атом. Как вы можете победить целое? Целомудренный человек не сражается, не капитулирует — потому что капитуляция тоже часть жизни солдата. Сначала он сражается, потом он понимает, что победить невозможно, и капитулирует. Его капитуляция вторична — она вытекает из сражения.

Целомудренный человек просто существует. Он не воин, ему не надо капитулировать. Нечего отдавать в руки врагов, некому сдаваться. Кто будет капитулировать, и что надо уступить? Он никогда не воевал.

Понимание приводит вас к принятию, а принятие дает вам целомудрие. Но такое целомудрие

не может быть достоянием других людей, соседей — они не могут его понять. Мораль принадлежит обществу, целомудрие вне общества. Мораль принадлежит эпохе, целомудрие — вневременное явление. Мораль принадлежит тому обществу или этому: в мире столько представлений о морали, сколько обществ. Целомудрие одно — куда бы вы ни отправились, оно как вкус моря: куда бы вы ни отправились, оно везде соленое.

Будда, Иисус, Рамакришна — если вы попробуете их, они все как море — одинаковой солёности. Но человек морали другой. Если человек морали мусульманин, он будет другой, если он индуист, он не может быть таким же. Если он христианин, он будет другим. Человек морали должен следовать принципам, законам общества. Обществ много, моралей — миллионы. Общества меняются — меняются и морали. Целомудрие, чистота — вечны, целомудрие — вне времени и пространства. Оно вне стран и национальностей. Оно вне всего, что создано человеком. Целомудрие не создано человеком — мораль создана человеком.

Теперь мы можем приступить к этой чудесной истории — она произошла на самом деле, это исторический факт.

Вся округа почитала мастера дзен Хакуина за целомудренную жизнь.

Они не знали, они не сознавали, что целомудрие в их представлении не могло быть применено к этому человеку. Они не сознавали этого. Они думали: «Он моральный человек», — а он не был моральным человеком. Он был целомудренным человеком, невинным, а не моральным. Он был религиозным человеком — поймите разницу — был частью вечной невинности, он был непорочен. Но люди почитали его,

потому что они не осознавали эту разницу между моралью и внеморальным целомудрием.

Они думали, что он святой, но он не был святым в их понимании. Он был святым, но он был не таким святым, которого вы в состоянии оценить. Ваши стандарты тут неприменимы. Вы должны отбросить ваши системы мер и смотреть. Вы должны отбросить ваши суждения и смотреть, только тогда святой, настоящий святой, откроется вам.

Но вот однажды выяснилось, что живущая неподалеку от Хакуина прекрасная девушка беременна.

Родители были страшно разгневаны. Поначалу девушка не хотела признаваться, от кого она ждет ребенка, но после длительных расспросов все-таки указала на Хакуина.

Вне себя от возмущения, родители девушки пришли к Хакуину, но он только спросил: «Неужели?»

Он не отрицал, он не взял вину на себя. Он не проявил никакой заинтересованности. Он не сказал: «Я не виноват». Он не сказал: «Я виноват». Он сказал ни к чему не обязывающую вещь, он сказал: «Неужели?», словно все это его не касалось — так отрешенно, абсолютно безучастно. Он просто спросил: «Неужели я отец ребенка?»

Что это значит? Это значит такое тотальное принятие, что даже принятие не нужно. Потому что, когда вы говорите: «Я признаю», глубоко внутри вы отрицаете. Когда вы говорите «да», подразумевается «нет». Он даже не сказал «да». Кто он был такой, чтобы говорить «да» или «нет»? Поскольку это случилось, поскольку факт был налицо, ему оставалось только свидетельствовать его. Если люди пришли к заключению, что он был отцом, зачем без всякой необходимости

тревожить их и говорить что-то так или иначе? Он не выбирал. Вот что такое не-выбирание. Он не был тем или этим, он не защищал себя.

Целомудрие никогда не обороняется. Мораль всегда настороже, вот почему мораль очень легко обижается. Просто посмотрите на моралиста, на пуританина, и он почувствует себя обиженным. Если вы скажете что-нибудь, он почувствует себя обиженным. Он немедленно будет все отрицать и защищаться. Но это один из основных психологических принципов всех ищущих: если вы защищаетесь, значит, вы боитесь.

Если бы Хакуин был обычным святым, он стал бы защищаться — и он также был бы прав в этом желании защитит себя, в этом не было ничего предосудительного: позже было доказано, что ребенок не его, не он отец. Обычный святой, так называемый святой, моральный человек, даже если бы он *был* отцом ребенка, стал бы защищаться. А Хакуин — хотя он не был отцом — не стал защищаться.

Невинность — это незащищенность, вот почему она невинность. Если вы защищаете ее и делаете защищенной, это не невинность — вмешался расчет.

Что происходило в душе Хакуина? Ничего! Он просто узнал, что люди поверили, будто он отец ребенка, поэтому спросил: «Неужели?» Вот и все, что было, вот и все! Он никак не реагировал — ни так, ни этак. Он не сказал «да», не сказал «нет». Он не защищался, он был открытым и уязвимым. Невинность уязвима, это абсолютная уязвимость, открытость.

Если вы защищаетесь, если вы говорите, что все не так, значит, вы боитесь. Только страх защищает. Бесстрашие не нуждается в защите. Страх всегда вооружен. Если кто-то обвиняет вас в бесчестии, вы немедленно начинаете защищаться. Зачем? Зачем так волноваться? Зачем реагировать? — потому что

вы сами знаете, что бесчестны. Вот почему это задевает. Правда сильно задевает, потому что задевает рану. Вы знаете, что бесчестны, и если кто-то говорит, что вы бесчестны, вы не можете смеяться, вы воспринимаете это со всей серьезностью. Вы должны защищаться, иначе это станет общеизвестно. Вы должны бороться, иначе кто-нибудь еще начнет так же думать о вас.

А если люди узнают о вашем бесчестии, будет трудно оставаться бесчестным, потому что только тогда, когда люди уверены в вашей честности, можно по-прежнему быть бесчестным. Это логика. Люди должны верить, что вы правдивы, только тогда можно лгать. Если прознают о вашей лжи — все, конец! Как вы сможете дальше лгать? Даже лгать нужно так, чтобы вам доверяли.

Вы можете воровать только тогда, когда люди уверены в вашей святости, — тогда очень просто быть вором, потому что люди не будут стараться защититься от вас.

Аморальный человек всегда оберегает свою репутацию. Он будет стараться доказать, что он человек высоких моральных качеств, но именно это и показывает, что его репутация сомнительна. Если вы не бесчестны, а кто-то говорит, что вы бесчестны, вы скажете: «Неужели? Может быть, не исключено, кто знает!» Вы скажете: «Надо разобраться. Надо еще раз взглянуть в себя. Возможно, вы правы».

Это честность. Как может быть бесчестным человек, который говорит: «Надо разобраться, я попробую это сделать. Может быть, вы и правы»? Это неподдельная честность. Такой человек не может быть бесчестным. Но если вы бесчестны, и кто-либо скажет об этом, вы обидитесь. Вся ваша защита — следствие обиды. Вы всегда настороже и готовы дать сдачи. Вы всегда готовы предъявить сертификат безупречности своей репутации: «Я — добропорядочный человек».

Страх порождает желание защищаться. Глубинная психология в последнее время пришла к выводу, что репутация — это защитная оболочка. Когда рождается ребенок, он не знает, что хорошо, а что плохо. Потом его учат определять разницу. Его наказывают, если он делает то, что считается плохим. Что происходит в уме ребенка? Что происходит в его сознании? Поскольку он невинен, он не видит, что тут плохого. Почему это плохо? Но отец с матерью — а они авторитет — говорят ему: «Это плохо. Если ты будешь так делать, ты будешь наказан. Если ты не будешь так делать, ты будешь отмечен, вознагражден».

Он вынужден слушать их, потому что они авторитет. Ему приходится подавлять себя и свою невинность. Он возводит защитные сооружения вокруг себя. Теперь он боится совершать те поступки, за которые последует наказание. А другие поступки ему следует совершать, потому что за это его ждет награда.

Рождается жадность, рождается страх. Ребенок накапливает опыт различных ситуаций, в которых его либо наказывают, либо поощряют. Постепенно вокруг его духовных качеств вырастает репутация. Репутация означает развитие привычек, которые общество считает хорошими, и искоренение привычек, которые общество считает плохими, — это репутация. И эта репутация становится защитной оболочкой. Если вы не создадите ее, общество уничтожит вас. Общество не позволит вам жить. Чтобы жить, чтобы выжить, вы должны создать репутацию, иначе вас ждет тюрьма, вас ждет наказание.

Почему вы настолько против преступников? Почему вы наказываете их так сурово? Не потому, что их преступления так ужасны, не потому, что этого требует справедливость, нет. Вы мстите. Они не подчиняются обществу, они не подчиняются вам, всей системе, всему устройству. Они мятежники. Вы го-

ворили: «Это плохо», — но они все равно поступают по-своему — общество должно отомстить. И все ваши суды и судьи на самом деле не служители справедливости, они палачи. Они убийцы, назначенные обществом вершить суд во имя справедливости. Они казнят, они убивают, но во имя справедливости.

Человек украл — он вор. Его сажают в тюрьму на пять лет, семь лет, десять лет. Разве это поможет? Когда он выйдет оттуда, разве он перестанет воровать? Нет, напротив, он выйдет оттуда еще более искусным вором, потому что там, в тюрьме, он встретится с мастерами. Там он изучит секреты мастерства, там узнает, почему был пойман, в чем допустил ошибку. В следующий раз будет уже не так просто поймать его. Он станет более умелым, более осторожным.

Ваше наказание никогда никого не исправляло. Но вы продолжаете наказывать, вы говорите: «Наказание исправит его». Человек убивает, потом общество убивает его, «...потому что, — говорят они, — зачем он убил?» Но это очевидная глупость. Он убил, он был неправ — а теперь общество убьет его, и оно будет право! И как ваше убивание исправит его? Его больше не будет.

Нет! Вы мстите. И в глубине души вы знаете, что так поступает не только общество, так поступаете вы сами. Вы отец или мать — и вы наказываете своего ребенка. Вы когда-нибудь задумывались, зачем вы его наказываете? Загляните глубоко внутрь себя, и вы обнаружите желание отомстить. Вы говорите: «Мы учим его. Как он что-то поймет, если его не наказывать?» Но это просто оправдание. В глубине души отец уязвлен, что ребенок не слушает его, что он непослушен, что он делает что-то, что ему запретили делать, — отцовское эго уязвлено.

Если заглянуть в старые писания, в Ветхий Завет, в Коран и другие священные книги, вы сразу же почувствуете, что Бог очень мстителен. Он отправляет

вас в ад не потому, что этого требует справедливость, а потому, что вы ослушались. В Ветхом Завете говорится: послушание — добродетель, непослушание — грех. Не имеет значения, что было сказано вам: послушание — добродетель, непослушание — грех.

Когда послушания добиваются силой, тогда зарождается репутация. Постепенно ребенок начинает учиться, он учится, начинает просчитывать: что делать, чего не делать. Невинность отравлена. Невинности больше нет, ее место занял расчет. Теперь ребенок знает, как влиять на вас, как манипулировать вами, как быть хорошим ребенком, чтобы получить вознаграждение, как не быть плохим ребенком.

И у этой защитной оболочки репутации две стороны. Она защищает от общества, но в самой глубокой не сознание не понимает, что хорошо, а что плохо. Поэтому ему теперь приходится постоянно бороться с самим собой. У репутации две стороны: внешняя защищает от общества, а внутри — непрерывная борьба.

Вы влюблены в женщину, но она замужем за другим. Что делать? Общество уверяет, что это аморально. Но даже ваше сознание влюблено, потому что сознание не знает, что морально, а что аморально. Нечто случилось, вы ничего не можете с этим поделать. Ваша репутация вступает в борьбу и говорит: «Это аморально, не допусти этого, контролируй это. Не потворствуй себе, это неправильно». И затем вы вступаете в бой. Битва порождает беспокойство, ваша непосредственность утрачена. В глазах других ваша репутация безупречна, вы не можете потерять репутацию, иначе будет потеряно и эго.

В глубине души вы знаете, что вы — человек с репутацией. Вы начинаете чувствовать себя виноватым, начинаете наказывать себя. Так много монахов в самых разных монастырях постятся не из-за религиозного чувства, а для наказания себя. Они

чувствуют себя виноватыми, постоянно виноватыми. Очень трудно найти монаха, который не испытывал бы чувства вины, очень трудно, потому что все неправильно: смотреть на красавицу неправильно, есть с аппетитом неправильно, наслаждаться удобствами неправильно — все неправильно. Постоянное чувство вины, что с этим делать?

Остается только одно... Он не преступник, потому что не сделал ничего предосудительного, за что общество могло бы наказать его. Все вы выказываете ему свое уважение. Что ему остается? Остается самонаказание. Он будет поститься. Семь дней подряд он будет бодрствовать. Он не позволит себе заснуть, не позволит себе принять удобную позу, не позволит себе есть с аппетитом, он отведет взгляд от любого красивого предмета — он не будет наслаждаться. Вот как он накажет себя. И чем больше он наказывает себя, тем более достойным он становится в ваших глазах. А он просто больной человек, извращенец.

Это патология, это болезнь. Его надо обследовать, а не уважать. С ним что-то не так. Его ум в беспокойстве — разделенный, расколотый на куски, он постоянно сражается сам с собой. Вот что такое беспокойство: когда вы сражаетесь сам с собой, вы в беспокойстве. Постоянная война с самим собой создает напряжение.

Вы не можете ничего себе позволить, потому что вы постоянно боитесь, что, если вы позволите, все, что вы подавляли, прорвется наружу. Вы не можете расслабиться. Ваши так называемые святые не могут расслабиться. Даже во сне они не могут расслабиться, потому что они боятся расслабленности. Если они расслабятся, что тогда случится? Тело скажет: «Пусть будет удобно». Ум скажет: «Почувствуй вкус пищи. Найди вкусную пищу». Потом тело изъясит желание: «Найди женщину, найди прекрасное тело и обними его. Найди ту, с кем можно слиться, в ком

можно раствориться». Если вы расслабитесь, все, что вы подавляли, тоже расслабится. Поэтому ваши святые не могут расслабиться, они боятся расслабления. Они напряжены, постоянно напряжены, вы можете почувствовать их напряжение. Если вы окажетесь рядом со святым, вы почувствуете вокруг него поле напряженности. Вы сами станете напряженным, оказавшись рядом со святым.

Но с настоящим святым, с мудрецом, человеком целомудренным (не человеком моральным), который всегда расслаблен... рядом с ним вы расслабитесь. Но затем вы можете испытать страх, потому что, когда вы расслаблены, то, что вы сами подавляете в себе, начнет проявляться.

Многие люди приходят ко мне и говорят: «Это опасно, потому что, когда мы медитируем и расслабляемся, многие вещи, не беспокоившие прежде, начинают беспокоить нас».

Женатый человек, отец шестерых детей, пришел ко мне несколько дней назад и сказал: «Никогда в жизни я не смотрел на других женщин, никогда. Что происходит? Я медитирую и впервые — а ведь мне сорок восемь лет, у меня шестеро детей, у меня все в порядке — женщины вдруг стали казаться мне очень привлекательными. Что мне делать?» Он напуган. Должно быть, он постоянно подавлял в себе это на протяжении сорока восьми лет. Теперь вдруг он научился расслабляться. Но когда вы расслаблены, вы расслаблены полностью, так что все, что подавлялось, тоже расслабляется.

Впервые в жизни он становится молодым. «На самом деле, — сказал я ему, — ты никогда не был молодым. Теперь ты становишься молодым, поэтому женщины стали казаться такими привлекательными. Не бойся. Теперь все станет привлекательным: деревья будут выглядеть по-другому, цветы будут выглядеть по-другому — разве женщина исключение? Теперь

все будет по-другому. А если ты боишься этого, тогда существование никогда не сможет повернуться к тебе самой прекрасной стороной.

Когда все существование становится прекрасным, тогда ты приблизишься к дверям божественного, не раньше. Ты боишься женщины — что случится, когда явится Бог? Он будет таким прекрасным, что ты полностью забудешь свою жену. Что ты будешь делать? Тебя пугает маленькая женщина — что случится с тобой, когда неземная красота распустится, как цветок, по всему миру, везде? Поэтому не закрывайся...»

Но он сказал: «Возможно, вы правы, но что станет с моей семьей? У меня дети».

Вот они, страхи. Когда ум подавлен, расслабление очень опасно. Вы приходите ко мне и спрашиваете: «Как расслабиться?» Вы не понимаете, о чем просите, — потому что ваше общество приучило вас не расслабляться, ваше общество научило вас все контролировать, и вот я учу вас расслабляться. Это абсолютно асоциально. Но Бог асоциален. Запредельное асоциально. Ваше общество создано больными умами, такими как ваш. Они создали правила и нормы — больные люди очень продуктивны в создании правил и норм. Они подавлены и угнетены, они хотят, чтобы другие также были подавлены и угнетены. Они не могут позволить вам быть счастливым.

Посмотри на учителя начальных классов с указкой в руке, убивающего маленьких детей, которые все еще счастливы. Общество еще не сломало их — они все еще непосредственны. Посмотри на этого учителя: унылый, злой, постоянно злой, постоянно убивающий естественное, Дао, непосредственность. Он был бы счастлив только в том случае, если бы эти дети стали старыми и мертвыми. Вот тогда он бы успокоился: он сделал свое дело.

Психологи говорят, что люди, которых прельщает работа в школах, которые становятся педагогами, такие люди — садисты. Нет ничего лучше школы, если вы садист, потому что дети так слабы, так беспомощны, вы можете делать с ними все что угодно. Вы бьете их, и они не могут воспротивиться. Вы делаете что угодно, и они не могут ответить, они вынуждены терпеть. Вы делаете это для их же блага, поэтому вас не в чем упрекнуть. Вы помогаете им взростеть.

Паскаль говорил, что общество безумно и что дети попадают в руки огромного количества сумасшедших. Они приходят невинными, но мы незамедлительно берем все в свои руки и превращаем их в безумцев. Некоторые из них ускользают через черный ход, становясь преступниками. А некоторые выходят через парадную дверь, становясь мудрецами.

У мудрецов и преступников есть одно общее свойство — непокорность. Но преступник в своей непокорности отклоняется от правильного пути. Его непокорность разрушительна, не созидательна. И мудрец идет путем неповиновения — но созидательного.

Родители были страшно разгневаны. Сначала девушка не хотела признаваться, от кого она ждет ребенка, но после длительных расспросов все-таки указала на Хакуина.

Вне себя от возмущения, родители девушки пришли к Хакуину, но он только спросил: «Неужели?»

Когда ребенок родился, его принесли Хакуину, чья репутация на тот момент была подорвана, но казалось, что он не особо сильно взволнован этим обстоятельством.

Уважаете вы его или не уважаете, абсолютно безразлично мудрецу, целомудренному человеку. Что вы думаете о нем, для него не имеет значения.

Почему так важно для вас, что думают окружающие? Почему мнение других так значимо для вас? Почему вы так заботитесь об этом? Потому что вы не знаете, кто вы есть. Вы зависите от чужого мнения о себе. Это единственный источник вашего знания о себе. Если они говорят: вы хороший, значит, вы хороший. Если они говорят: вы плохой, значит, вы плохой. У вас нет внутри никого, кто мог бы сказать: «Их мнения — это их мнения. Если я хороший, я хороший, что они говорят — не имеет значения. Если я плохой, я плохой. Весь мир может считать меня святым, но если я порочен, я знаю, что порочен, моя репутация ничего не меняет — она бесполезна. Но если я добродетельный, а весь мир считает, что я не добродетельный, а порочный, злой, настоящее воплощение дьявола — какое это имеет значение?»

Того, кто знает себя, никогда не волнует, что думают о нем другие. Но тот, кто себя не знает, всегда обеспокоен, потому что все его знание складывается из чужих мнений. Все его знание — просто хранилище, в которое он собрал то, что люди думают о нем. Это не знание, не самопознание. Это само-незнание, которое вы прячете, маскируете чужими мнениями. Вся ваша личность, весь ваш образ созданы другими. Вы обречены на постоянное беспокойство, потому что другие продолжают менять свои мнения.

Мнения как погода, они постоянно меняются. Утром было облачно, а теперь облака разбежались. Сейчас солнечно, а через миг пойдет дождь. Мнения как облака, как погода. Что можно с этим поделать? Посмотрите на Ричарда Никсона: буквально мгновение назад он был все, одно мгновение — и он ничто. Мнение изменилось, люди, которые были за него, теперь против — те же люди!

В этом есть своеобразная прелесть: те люди, которые возвели вас на трон, вас же и свергнут. Это динамический, внутренний закон: люди, которые

уважают вас, глубоко внутри также вас не уважают. Люди, которые любят вас, также и ненавидят вас, потому что они разделены. Они не целостны. Поэтому после того, как они помогут вам добраться до трона, одна их часть закончит свое дело — часть, которая любит. А что с частью, которая ненавидит? Она немедленно начинает действовать. Поэтому, как только человек добивается признания, погода меняется. Как только человек становится президентом или премьер-министром, избиратели немедленно меняют свои предпочтения. На самом деле, в тот момент, когда они проголосовали, одна их часть закончила свое дело — та, которая любит. Теперь пришел черед другой части, которая ненавидит. Так что одни и те же люди возводят вас на трон и свергают.

Только мудрец остается бесстрастным. Почему? — потому что он не уделяет внимания тому, что вы говорите. Все, что вы говорите, — вздор. Вы ничего не знаете о себе, а вы что-то говорите о Махавире, Будде, Христе. Вы ничего не знаете о себе, но вы так уверены в Иисусе, хороший он или плохой. Такой вздор. Только тот обратит внимание на ваш вздор, кто похож на вас. А мудрец не похож на вас, и в этом разница.

Когда ребенок родился, его принесли Хакуину, чья репутация на тот момент была подорвана.

Конечно, как обычно, те же люди, которые думали, что он мудрец, стали думать, что он дьявол. Он совершил страшный грех, потому что для людей секс — величайший грех.

Вы настолько против жизни, что секс стал величайшим грехом, потому что он — первоисточник жизни. Вы *очень мертвы*, вот почему секс стал величайшим грехом. Секс — самое жизнетворное явление в мире. Ничто больше не является таким жиз-

нетворным, как секс. Вы появились благодаря ему, деревья появились благодаря ему, птицы появились благодаря ему — все появляется благодаря ему. Все, что живет, появляется благодаря ему — это первоисточник жизни.

Если вы и можете провести в этом мире какую-либо параллель Богу, то это секс. Вот почему индуисты сделали своим символом *шивалингам*. Индуисты, действительно, являются исключением — нигде в мире ничего подобного не было — только очень смелые люди могли сделать шивалингам, сексуальный орган Шивы, символом божественного.

Секс — самое божественное явление в мире. Но почему вы называете его грехом? — потому что с самого начала вас учили, что это грех. Вы совершенно забыли, что вы появились благодаря сексу. И вы полностью исключили тот факт, что, когда ваша сексуальная энергия будет исчерпана, вы умрете. Именно сексуальная энергия, пульсирующая в вас, и есть жизнь.

Вот почему в юноше больше жизни, чем в старце. В чем разница между юношей и стариком? В юношах сексуальная энергия бьет ключом. В стариках запас иссяк, и энергия струится еле-еле. Она вытекает капля за каплей. В тот момент, когда сексуальная энергия будет исчерпана, вы умрете.

Секс — это жизнь, а мы сделали его величайшим грехом.

Глубоко внутри мы против жизни.

Поэтому, когда вы узнаете, что святой вступил в интимную связь, его репутации конец. Если бы он был вором, это было бы не так ужасно, вы могли бы простить его. Если бы он копил деньги — *ваши* святые копят — тогда вы простили бы его. Это не большая проблема, жадность не большая проблема. Что бы он ни делал, вы могли бы простить его, но секс? — невозможно!

Мы стали настолько беспощадны к сексу, что христиане говорят, Иисус был рожден без секса. Потому что как мог Иисус появиться благодаря сексу, первородному греху? Как Иисус мог появиться благодаря сексу? Кто угодно мог появиться благодаря сексу — но не Иисус. Только потому, что секс — такое отвратительное явление, христиане утверждают, что Иисус появился на свет от Святого Духа. У Иисуса не было отца, не было сексуального контакта. Он появился из материнского лона без всякого секса.

Зачем этот вздор? Оставим Иисуса и христиан. Вы сами! Когда вы думаете, что время от времени ваш отец занимается любовью с вашей матерью, вы чувствуете себя виноватым? Как вы были рождены? Вы не внебрачный ребенок. Но даже мысль о том, что ваш отец занимается любовью с вашей матерью... все это кажется гадким. Все это кажется настолько гадким, что вы не можете представить, что ваш отец занимался *этим* — другие, возможно, занимались этим, но *ваш* отец? Невозможно! Вы были рождены от *брахмачарья*, непорочного отца. Это то же самое, что христиане говорят об Иисусе.

И когда вы поверили, что из-за святого, из-за великого мудреца вроде Хакуина забеременела девушка — не только уважение уходит. Его надо оскорблять так, насколько это возможно. Для него становится невозможным ходить по городу и просить подаяние. Люди должны забросать его камнями, те же люди, которые приносили ему гирлянды цветов, которые кланялись ему в ноги, — те же люди. Но Хакуин не был взволнован.

Хакуин окружил ребенка большой заботой. Он доставал у соседей молоко, еду и все, что нужно было для малыша.

Год спустя девушка не смогла больше это выносить, она призналась родителям...

Должно быть, ей было очень тяжело — видеть, как иссякает уважение к Хакуину, слышать, как его оскорбляют, видеть, что против него настроен весь город, видеть, как он вымаливает для ее ребенка молоко, еду, а двери захлопываются перед ним. Это, должно быть, на самом деле было очень тяжело.

...она призналась родителям, что настоящий отец ребенка — молодой мужчина с рыбно-го рынка.

Они всегда работают на рыбных рынках — настоящие отцы.

Отец и мать девушки бросились к Хакуину, все ему рассказали, долго извинялись, просили прощения и забрали ребенка.

Мастер охотно отдал им дитя и лишь спросил: «Неужели?»

В страдании, в счастье мудрец остается одним и тем же. Уважают его, оскорбляют, мудрец остается одним и тем же. В жизни, в смерти, мудрец остается одним и тем же. Он снова сказал то же самое слово: «Неужели?» По-прежнему не связанный, по-прежнему не связывающий себя никакими условностями, не говорящий ничего, просто принимающий факт: «Раз так, хорошо».

Это осознанность целомудрия — что бы ни преподнесла жизнь — приветствовать это. Если она приносит страдания и оскорбления — принимайте это, приветствуйте это. Если она дарит почет, счастье — приветствуйте это, принимайте это. И не делайте различий между тем и этим. Если вы начнете проводить различия, ваше равновесие нарушится, а равновесие — это целомудрие.

Когда вы уравновешены, вы мудрец. Когда равновесие утеряно, вы сами утеряны, вы становитесь грешником. Грех — это не то, что вы делаете, грех — это то, что случается внутри вас, когда утрачено равновесие. Это не действие, это внутреннее равновесие. Это то, что Махавира называл *самъяктвой* — внутренним равновесием; ни то, ни это, Упанишады называли его *нетти, нетти* — ни то, ни это. Точно между — не двигаясь ни к тому, ни к этому, потому что, если вы начнете двигаться, даже малейшее движение, которое никто не сможет уловить, кроме вас... Запомните это: никто не может уловить ваше внутреннее равновесие. Только вы можете уловить его, настолько оно неуловимо. Но даже малейшее движение — и вы больше не в покое, вы больше не дома, вы утратили божественное. Ведь что означает этот легкий уклон? Он означает, что вы выбрали. Это значит, что проведены различия. Это значит, вы сказали: это хорошо — это плохо. Это значит — появились ожидания. Это значит — желание пустило в вас свои корни. Это значит — теперь вы мотивированы.

Разве Хакуин сказал: «Хорошо! Теперь вы знаете правду»? — это означало бы, что он вовсе не был мудрецом, потому что это означало бы, что он весь год ждал этого момента, он был не в настоящем, он думал о будущем. «Однажды правда откроется. Люди снова будут уважать меня. Когда они узнают, что ребенок не мой, они снова будут уважать меня — мое уважение вернется». Он ждал бы этого, но равновесие было бы утрачено..

Если бы Хакуин не был мудрецом, он бы думал и молился Богу, чтобы Бог открыл людям правду. Но зачем? Если случилось так, что у тебя случайно оказался ребенок, а люди думают, что этот ребенок твой — если жизнь принесла ребенка тебе, какая разница, кто настоящий отец? Никакой разницы! Хакуин заботился о ребенке, как настоящий отец.

Ребенку нужен отец, вот в чем дело. И Хакуин заботился о ребенке с такой любовью, на какую способен не всякий отец. Даже если бы вы имели собственного ребенка, было бы сложно заботиться о нем так, как заботился Хакуин.

Не было никакого греха в этом ребенке. Хакуин не был против ребенка. Если бы вы оказались на месте Хакуина, вы могли бы убить ребенка, потому что он стал причиной ваших страданий. Вы могли бы бросить ребенка и переехать в другую деревню, где люди снова могли бы уважать вас, потому что они не знали вас. Вы могли бы сделать что-либо, чтобы защитить уважение к себе — ведь пострадал ваш авторитет. Но Хакуин просто заботился о ребенке, не беспокоясь о том, что думают о нем в деревне. Что скажут люди — неважно, это не имеет значения. Ребенку нужен отец, вот Хакуин и стал отцом. Он не был обеспокоен, он не реагировал.

Затем, через год... если вы заботитесь о ребенке с такой любовью, возникает привязанность — вы приваиваете к новым обстоятельствам. Даже если ребенок не ваш, он становится вашим. Жить с ребенком целый год, перенести столько страданий ради ребенка, столько жертвовать ради него — глубокая связь, глубокие отношения возникают. Появляется привязанность. Но когда пришли родители, рассказали, как было дело, попросили прощения и забрали ребенка, *мастер охотно протянул им ребенка*, не было ни единого признака привязанности. Он просто отдал ребенка — он сказал: «*Неужели?*» — как будто ничего не случилось. Весь этот год был сновидением. Сон закончился, вы проснулись.

Мудрец проживает свою жизнь среди вас так, как будто он живет во сне. Он живет среди вас так, как будто играет роль, он не вовлечен. Он здесь, но не в этом — он остается в стороне. А если вы можете оставаться в стороне, рано или поздно придет понимание:

ни воды, ни луны. Потому что когда вы вовлечены — появляется вода. Тогда вы живете среди отражений, вы не можете двигаться к реальности, вы живете среди нереального.

Ваша привязанность создает иллюзию. Иллюзия — это не то, что снаружи вас, *майя* — не снаружи вас. Это внутри вас, в вашем мироощущении: это ваши привязанности, выбор, за это, против того, различение, приязнь и неприязнь. Это внутри вас. Вы создаете себе иллюзию, затем живете в ней, вы затуманены ею. В этом затуманенном состоянии вы можете видеть только отражения, вы можете никогда не увидеть настоящую луну.

Хакуин оставался в равновесии. Что бы ни происходило снаружи, оно никак не влияло на внутреннее. Внутреннее оставалось в равновесии — ни волны, ни колебания снаружи не проникали внутрь. Он оставался спокойным, как будто это был сон. Что бы ни происходило, он принимал это. Он не становился деятелем, *карма*, он оставался свидетелем.

Это слово «Неужели?» принадлежит свидетельствующей душе, не совершающей никаких суждений, просто говорящей: «Неужели?» И это все, что было внутри него: «Неужели? Если так, хорошо».

Мудрец приветствует все, что происходит, он не выбирает. А когда нет выбора, нет воды. Нет воды — исчезает отражение, *майя* исчезает — нет луны.

Достаточно на сегодня.

Глава 4

Om̐ мертвецца

Впоследствии Мамия стал известным учителем, но когда он обучался у мастера, тот попросил его объяснить значение хлопка одной ладони.

Хотя Мамия усердно трудился над этим, мастер как-то сказал ему: «Ты недостаточно усерден. Ты слишком привязан к еде, богатству, прочим вещам — и этому хлопку. Лучше бы ты умер».

Когда Мамия предстал перед мастером в следующий раз, тот снова попросил его показать хлопок одной ладонью. Мамия в тот же миг свалился как мертвый.

«То, что ты умер, хорошо, — сказал мастер, — но как насчет хлопка одной ладонью?»

Приоткрыв глаза, Мамия ответил: «Я еще не выполнил задание».

«Что? — рявкнул мастер. — Мертвецы не разговаривают. Убирайся!»

Нужна абсурдная ситуация, чтобы выйти из ума, потому что ум размышляет. С помощью размышления вы не можете выйти из него. Размышляя, вы будете двигаться и двигаться, но это движение по кругу.

Это то, что вы делали в течение многих жизней. Одно ведет к другому, но это «другое» — такая же часть круга, как и первое. Вы чувствуете, что двигаетесь, потому что есть изменения, но вы следуете по кругу. Вы продолжаете двигаться вокруг и вокруг, по кругу и по кругу — вы не можете выбраться из него. Чем больше вы размышляете, как выбраться, чем больше вы придумываете способов, приемов, методов, как выбраться из него, тем более вовлеченным в него вы становитесь. Потому что основная проблема в том, что размышления не могут помочь вам выбраться, так как размышления и есть тот самый круг.

Что-то иррациональное необходимо. Что-то, выходящее за пределы разума, необходимо. Что-то абсурдное, что-то безумное — только это может вырвать вас. Все великие мастера были искусными выдумщиками: все их проделки абсурдны. Если вы думаете о них, вы упускаете. Вы должны придерживаться их пути, не размышляя. Вот почему от философии мало пользы. Только религия может помочь, религия — религия абсолютно безрассудна.

Тертуллиан сказал: «Я верю в Бога, потому что Бог — это абсурд». Нет никаких причин верить в него — есть ли хоть одна причина верить в Бога?

Хоть кто-нибудь когда-нибудь умудрился доказать, что Бог существует? Нет размышлений, которые могли бы доказать это, — только вера. Вера и есть абсурд. Вера означает, что нет причин верить, но ты веришь. Вера означает, что нет доводов, нет доказательств, и вы всю жизнь ставите на кон. Никто не может доказать, что Бог есть, а вы совершаете прыжок в пропасть. Любой разумный человек скажет, что вы сошли с ума, так всегда говорили разумные люди. Будда, Кришна, Иисус — они были безумцами, они говорили вздор.

Есть целая философская школа на Западе, которая доказывает, что все религии — это вздор. Я религиозный человек, и я говорю: они правы — они правы из-за изначально неправильных рассуждений. Они думают: если мы докажем, что религия — это вздор, мы обесценим религию, докажем ее несостоятельность. Нет!

Религиозные люди всегда говорили: «Мы нелепы! Мы принадлежим не миру здравого смысла, мы принадлежим чему-то за его пределами». А за его пределами норма — это абсурд. Какой смысл можно видеть в религии? Если вы можете видеть в религии какой-либо смысл, вы упустили. Вы принадлежите миру теологии, философии, систем, но вы никогда не сможете достичь той чистоты, которая за пределами разума.

Тертуллиан прав, он справедлив. Он говорит: «Я верю, потому что Бог — это абсурд». Вера означает веру в абсурдное. Вам нет необходимости верить в мир, который окружает вас, — он уже здесь. Никому не надо верить в него. Как можно в него не верить? Он *такой* реальный, такой настоящий, все доказывает его существование. Кто-нибудь может бросить в вас камень, и это будет доказательством, потому что польется кровь. Вас ударили, вот камень.

Но Бог не может поразить вас, как камень. Вы не можете даже дотронуться до него. Это невозможно. Как почувствовать его запах? Как увидеть его? И все же вы верите. Вера всегда означает верование в абсурд.

Но что происходит, когда кто-то способен верить в абсурд? Он вне разума. Вдруг круг прерывается, колесо останавливается, вы больше не поддерживаете его. Доказательства исчерпаны, мысли закончились. Внезапно вы оказались вне всего этого, как будто вы пробудились ото сна. А величайший сон проистекает из разума, потому что разум создает такие прекрасные сновидения, такие реальные, что вводят всех в заблуждение.

Как только вы проснулись и вырвались из порочного круга, есть Бог, больше ничего нет. Теперь нет необходимости верить. Теперь ты знаешь. Но пока это узнавание не случится, вера будет нужна. Все эти философы, которые веками пытались доказать, что Бог есть, они не были религиозными, они не служили Богу, они служили плохую службу. Потому что, когда вы находите доказательства, вы делаете Бога обычной частью ума. А когда кто-нибудь верит вследствие того, что Бог — доказанный факт, он не может выбрать за пределы ума.

Поэтому все религиозные люди, все мастера завещали вам пути выхода за пределы разумного. У дзен есть своя особая техника, эта техника известна как *коан*. Коан — это бессмысленная загадка. Вы не можете ее решить. Как бы вы ни старались, ваши усилия бесполезны. «Усердней, усердней, — повторяет мастер, — твоих усилий недостаточно». Он обманывает вас, поскольку, что бы вы ни делали, ваших усилий будет недостаточно, чтобы решить загадку, — потому что загадка нерешаема! Неважно, усердно вы трудитесь или нет. Но если вы погружены в это тотально, внезапно вам откроется вся абсурдность поставленной

задачи — не раньше. Внезапно вы начнете смеяться. Все это оказалось бессмысленным. И если вы сможете рассмеяться, как смеется сумасшедший, когда его разум перестает функционировать...

Вы когда-нибудь видели, как смеется сумасшедший? Его смех тотально отличается от вашего смеха. Ваш смех вызван определенной причиной, есть причина для него. Кто-то пошутил, кто-то упал на улице, поскользнувшись на банановой кожуре, — и вы смеетесь. Есть причина, случилось что-то смешное. Почему вы смеетесь, когда человек падает на улице, поскользнувшись на банановой кожуре? Почему? Что в этом смешного? Дело в том, что эго — самое нелепое, что есть в человеке, и когда кто-то падает, поскользнувшись на банановой кожуре, очевидно, что даже банановая кожура сильнее эго. Это доказывает полную бессмысленность эго, человеческую ничтожность — даже банановая кожура может вывести вас из равновесия.

Вся человеческая цивилизация эгоцентрична. Целые культуры, нации, грезы о величии явились человеку только потому, что он единственное животное, прямо стоящее на двух ногах, именно поэтому человек продолжает считать, что он не животное — он иной, он уникальный, он не относится к животному миру. Но когда вы поскользываетесь на банановой кожуре, вертикальная поза неожиданно пропадает. Неожиданно вы попадаете в животный мир, вы беспомощное животное, и никто больше. Вот почему смешно видеть упавшего человека.

И вот еще что — если нищий поскользнется на банановой кожуре, вы не будете очень сильно смеяться, но если упадет премьер-министр, вы будете смеяться гораздо сильнее. Почему? — потому что нищий — это нищий, он и так уже почти часть животного мира, ничтожество. Но премьер-министр, президент, король, королева — разве можно представить,

что королева Англии может упасть, как обычный человек?! Невозможно! Они создали обманчивый ореол непогрешимости вокруг себя. И вдруг банановая кожура! Вы разоблачены — вы лишь беспомощное человеческое существо. И не просто беспомощное человеческое существо, а животное — на всех четырех, а не на двух конечностях.

Это смешно. Вы смеетесь, но есть причина. Понаблюдайте за смеющимся сумасшедшим — его смех без причины. Вот почему вы называете его сумасшедшим. Вы спрашиваете его: «Почему ты смеешься?» Если он может ответить — почему, он не сумасшедший. Если он не может ответить — почему, вы говорите, что он сошел с ума.

Когда коан изучен в первый раз... не решен, потому что коан не может быть решен, коан неразрешим, он не может быть решен. Нет способа решить его, это невозможно, это тупик для ума — вы не можете двигаться дальше. Вдруг вы застряли, а мастер продолжает говорить: «Трудись усердней! Ты недостаточно усердно трудишься». И чем более усердно вы трудитесь, тем больше застреваете, никуда не продвигаетесь: вы не можете идти назад, вы не можете идти вперед — вы застряли. А мастер продолжает долбить вас: «Быстрее, быстрее, упорней! Трудись упорней!» Приходит момент, когда вы не контролируете ни одну часть своего существа, все ваше существо вовлечено, но все равно вы застряли.

Внезапно, когда вовлечена вся энергия, вы становитесь осознанным. Это случается только тогда, когда вы полностью вовлечены, когда вы вложили все, что могли. Только на этом пике, в высшей точке энергии, вы осознаете, что задача бессмысленна — ее невозможно решить. Смех разливается по всему вашему существу, это безумный смех. С этим смехом все изменяется, трансформируется. Это первое.

Второе — а потом мы приступим к той истории — второе: вы все великие подражатели. Легче подражать, чем быть подлинным, потому что подражание на поверхности. Подлинности нужен ваш центр, нужны вы в вашей тотальности. Это очень много. А вы вовлекаетесь на поверхности, глубоко внутри вы остаетесь отстраненными.

Подражать очень просто, вся культура, все общество построены на подражании. Все рассказывают вам, как себя вести, и все, чему вас учат, не что иное, как подражание. Религиозные люди — так называемые религиозные люди: священники, теологи — они тоже учат вас: «Будь как Иисус, будь как Будда, будь как Кришна». Никто никогда не говорит вам: «Просто будь самим собой», — никто. Кажется, что все против тебя. Никто не позволяет вам быть самим собой, никто не предоставляет вам свободу. Вы можете оставаться в этом мире, но вы должны подражать кому-либо.

Все это нелепо, потому что даже Будде говорили то же самое. Будде говорили: «Будь как Рама, будь как Кришна». Он не пошел по их следам, поэтому и стал Буддой. Он достиг просветления, потому что не стал жертвой подражания. Никто не может преуспеть в подражании. Если ты подражаешь, ты всегда будешь фальшивым.

Я слышал...

Лев и заяц пришли в ресторан. Заяц сказал официанту: «Принесите мне простой салат, без приправы».

Официант был напуган, но все-таки переспросил: «А что для вашего друга? Что принести ему?»

Заяц ответил: «Ничего».

Официант поинтересовался: «Разве он не голоден?»

Заяц посмотрел на официанта и сказал: «Если бы это был настоящий лев, как вы думаете, сидел бы я здесь сейчас? Это всего лишь актер».

Весь мир стал фальшивым, лицемерным, нет никого подлинного. Очень трудно встретить настоящего человека. Если вам посчастливится встретить такого человека, не покидайте его, будьте рядом с ним, его неподдельность однажды перейдет и на вас. Просто будьте рядом с ним — этого будет достаточно для вашей трансформации. Не надо ничего делать. Это то, что мы называем *сатсангом*: быть рядом с искренним человеком, настоящим человеком, с подлинным человеком. Больше ничего не нужно. Просто быть рядом с ним, наблюдать за ним, чувствовать его — этого достаточно.

Но общество сделало вас подражателями, актерами. Вы ненастоящие, вы фальшивые. Вам никогда не позволяли быть самими собой, но это единственное, кем вы можете быть, больше никем вы быть не можете. Вы можете стараться, подражать, но все это останется только на поверхности, глубоко внутри вы всегда будете самими собой... так и должно быть. Фальшь, которой вы покрываете себя, никогда не сможет стать вашей сущностью. Как такое возможно? Самое большее, она может стать маской.

Весь мир способствует тому, чтобы вы были подражателем. Поэтому, когда вы приходите в монастырь, около мастера вы используете старые трюки, которыми вы пользовались в миру. Вы начинаете подражать и здесь. Но здесь от трюков не будет никакой пользы, здесь они — препятствия. В миру — да, потому что весь мир — мир подражателей. Если вы настоящий, вы окажетесь в беде, если вы фальшивый, вас примут. Этот так называемый мир хочет, чтобы вы были тенью, а не настоящим человеком, потому что настоящий человек опасен.

Только тени могут быть покорными, тени могут быть послушными, тени могут подчиняться; что бы им ни сказали сделать, они сделают. Реальный человек не всегда говорит «да», иногда он говорит «нет»,

а когда он говорит «нет», это значит «нет»! Вы не можете покорить его, вы не можете подавить его.

Поэтому с самого детства мы учим детей фальшивить. И это то, что мы называем «репутацией». Если они становятся действительно фальшивыми, ненастоящими, мы высоко оцениваем их, мы награждаем их медалями, мы говорим, что они настоящие. Такую фальшивку называют настоящей, идеальной. А если ребенок бунтует, пытается быть самим собой, его называют «проблемным ребенком». Его необходимо показать психоаналитику или отправить в какое-либо заведение, где смогут исправить его, — с ним что-то не так. На самом деле он просто отстаивает свое право быть собой. Он говорит: «Разрешите мне быть собой».

Один малыш по имени Томми первый раз в жизни попал на свадебную церемонию. Кто-то из гостей спросил его: «Томми, на ком бы ты хотел жениться и когда?»

Томми ответил: «Никогда. Я не хочу жениться».

Спрашивающий удивился: «Почему?»

Томми сказал: «Я давно живу с женатыми людьми, они такие ненастоящие».

Жена не позволяет мужу быть самим собой. Муж не позволяет жене быть самой собой. Никто не позволяет никому быть собой, потому что это считается опасным.

Подавление! И оно подавило все общество. Если общество печально, так и должно быть, это естественно. Фальшивые люди не могут быть счастливы. В лучшем случае, они могут быть печальными; в лучшем случае, на своем пике они могут быть печальными, унылыми. Фрейд сказал, что для человечества нет возможности, нет надежды познать счастье. И он прав: на пути, по которому движется человечество,

если оно собирается и дальше по нему двигаться, его ждут только печаль, уныние, безнадежность. Только тащить себя как-нибудь, как непомерную ношу — ни танцев, ни бурлящей энергии, ни жизни, ни пения, ничего, ни цветов — только понуро тащиться.

Фальшивые люди способны только на это. Но когда фальшивые люди начинают скучать, пресыщаются этим так называемым обществом, они идут к мастеру в поисках истины. Там они тоже используют свои старые трюки, но очень скоро они начнут скучать и там. Нормально быть фальшивым в кругу фальшивых людей, потому что сложно быть с ними настоящим. Но когда вы в поиске истины, когда вы пришли к мастеру и почувствовали желание узнать, что такое реальность, вам притворяться нельзя. Если вы притворяетесь, вы несете с собой вашу старую систему, ваш образ жизни, и этот образ жизни станет препятствием.

В религии притворство непозволительно. Но взгляните на религиозных деятелей: вы увидите храмы, церкви, мечети, и там вы обнаружите величайших притворщиков. Это значит, что там не осталось религии, храмы, церкви, мечети — сейчас мертвые склепы. С Иисусом вы были бы настоящими, но с Папой из Ватикана вы вынуждены быть притворщиками. Теперь христианство Ватикана — часть общества.

Иисус никогда не был частью общества. Он оставался странником. Все по-настоящему религиозные люди оставались странниками, они посторонние. Когда они умирают, на месте их упокоения воздвигают церковь. Эта церковь — часть общества, она управляется обществом, контролируется обществом.

У общества множество хитроумных планов. Если вы ускользаете с рынка, вас заманят в церковь, потому что церковь — просто продолжение рынка. Рынок снабжает церковь, рынок контролирует церковь,

рынок на самом деле — хозяин церкви. И священник представляет не божественное, он представляет рынок.

Священник представляет экономику общества. И Маркс прав, когда говорит, что религия играет на руку капиталистам, феодалам, эксплуататорам и власть имущим. Религия до наших дней используется ими как орудие эксплуатации. И Маркс прав, если речь идет о религии Ватикана, или о религии Пури Шанкарачарьи, или о религии Мекки и Медины. Но это не так, если мы говорим о Магомете, это не так, если мы говорим о подлинном Шанкарачарьи, это не так, если мы говорим об Иисусе. Он неправ, потому что они существовали не как часть общества, они жили в уединении, они жили как странники, они были против общества и подражания. Они жили как посланники божественного. В этом смысл существования *аватара*, в этом смысл существования Сына Божьего, в этом смысл существования пророка, *паигамбера* — они жили, как посланники запредельного.

Помните о первом и о втором, а теперь мы приступаем к самой истории.

Впоследствии Мамя стал известным учителем...

И помните: только тот, кто был настоящим учеником, способен стать учителем. Тот, кто никогда не был учеником, тот, кто никогда не знал, что такое ученичество, тот, кто никогда не был учащимся, не сможет стать учителем. Прежде чем учить, вы должны учиться. Но все хотят быть учителями, не обучаясь. Ваше эго хочет быть мастером, а не учеником, — и вы становитесь фальшивым мастером. И тогда не только вы в опасности, вы ведете к опасности многих других. Слепой ведет слепых — они обязательно упадут.

Помните об этом, потому что эго хочет учить. Для эго так приятно давать советы, учить. Время от времени сдерживайте свое эго, потому что вам это тоже свойственно. Вы не упускаете возможности поучить. Вы упускаете тысячи возможностей поучиться, но вы не можете упустить возможность... Кто-то беседует, вы тут как тут. Кто-то задает вопрос — вы не поняли смысла вопроса, вы не знаете ответа, но вы дадите ответ, потому что эго чувствует себя прекрасно, когда вы производите впечатление знающего человека. Вы знаете, а остальные невежды, вот почему так привлекательно сделаться учителем. Учи — и ты знаток, а другие превращаются в невежд.

Это старый фокус: если у тебя есть богатство, то остальные — бедняки; если у тебя есть положение, то остальные — ничтожества; если ты знающий, то остальные — невежды. Когда бы вы ни почувствовали, что другой отброшен далеко назад, вы на вершине. Это эксплуатация, вот почему в мире так много учителей, но так мало подлинных мастеров. Но так будет всегда, так было всегда.

Когда Махавира родился... он был настоящим мастером, и джайны в Индии ждали *тиртханкару* много-много лет. Двадцать четвертый мастер должен был прийти, двадцать четвертого ждали. У джайнов был расчет, что в каждой *кале* рождаются двадцать четыре великих мастера. Двадцать три уже были рождены, ждали двадцать четвертого. Очень ждали двадцать четвертого, но как узнать, кто двадцать четвертый? Когда появился Махавира, он *и был* двадцать четвертым, но еще восемь человек объявили, что они настоящие, — и эти восемь многих сбили с толку.

Они были великими учителями, но не мастерами. Они умели говорить, умели проповедовать, умели спорить; они были убедительными, непревзойденными ораторами, они влияли на многих людей — потому

что вас убеждают аргументы. Вас не убеждает *сущность*, так как, чтобы видеть сущность, вы должны поднимать ваше сознание выше и выше. Только тогда вы сможете увидеть вершины. Если вы живете в долине, как вы сможете увидеть вершины? Вы должны подняться выше.

Заметить Махавиру было сложно, потому что был Гашалак, был Прабуддха Катаян, был Пурн Кашьяп и другие. Они были обычными людьми, но с необычными умами. Обычными в том смысле, что их осознанность не была развита, они не были просветленными. Но они были великими учеными, более великими, чем Махавира, они были великими спорщиками — они могли заставить замолчать любого — софистов, казуистов. И многие люди слушали их заявления, тогда как Махавира оставался в абсолютном молчании двенадцать лет.

Кто бы пришел к Махавире? Его прогоняли из каждой деревни. Куда бы он ни пришел, люди прогоняли его, потому что он молчал. Вроде бы мелочь, но вы всегда с подозрением относитесь к молчащему человеку: он может быть из полиции, из ФБР. Поэтому в каждой деревне Махавиру встречали настороженно. Этот человек ничего не говорил, он даже ни на кого не смотрел. И он был голый! Это создавало еще больше проблем, потому что люди спрашивали: «Почему ты без одежды?» А он ничего не отвечал. Так что он был либо сбежавшим каторжником, либо голым сумасшедшим, ведь только сумасшедшие ходят голышом. Почему он голый? Должно быть, он безнравственный человек, потому что нет ничего безнравственнее, чем появляться голым в обществе.

Да еще и не отвечает! Либо он глуп и поэтому не может ничего ответить, либо он шпион из другой страны или кто-нибудь в этом роде. Его изгоняли из города, его прогоняли отовсюду в течение двенадцати лет. А мы помним, люди ждали его.

Но просто ждать недостаточно. Вам нужны глаза, чтобы видеть. Евреи ждали Иисуса тысячи лет. Они все еще ждут, а Иисус уже приходил. Что делать с человеческим умом? Евреи все еще ждут, когда же придет мессия, а он уже приходил. Прошло двадцать столетий. Он пришел к ним, он постучал в их двери, а они отказались признавать его, потому что он говорил не то, что они ожидали услышать. Ну как может божественный посланник говорить то, что вы ждете? Он не такой как вы, он приходит из запредельного, он не может говорить на вашем языке. Что бы он ни сказал будет разрушительно для вас, это разрушит вас. Вы, такой, какой вы есть сейчас, должны быть разрушены, только тогда родится новое. Но евреи отказались поверить, и они все еще ждут.

И знаете, если он снова найдет в себе мужество... Я думаю, Иисус больше не найдет в себе мужества, потому что того, как вы с ним обошлись, вполне достаточно! Если он снова найдет в себе мужество, если забудет то, что случилось двадцать веков назад, как вы распяли его, как вы оскорбляли его, как вы отвратительно себя вели, если он забудет это и снова придет и постучит в двери евреев — которые до сих пор ждут — они снова откажутся от него.

Они могут принять обычных людей с необычными умами, но они не могут принять людей с необычным принятием бытия. Чтобы принять такое бытие, вы должны трансформироваться. Такие, какие вы сейчас, вы не можете *увидеть* Иисуса, не можете понять его.

Помните: это хочет стать мессией, это хочет стать тиртханкарой, это требует того, чего у него нет. Это — великий стяжатель, у него ничего нет, но оно требует и требует. Вокруг много учителей, будьте бдительны, иначе можете оказаться жертвой.

Помните: не давайте никому советов, пока не научитесь сами, пока не пройдете процесс ученичества.

Учиться трудно, потому что для этого вам необходимо сдаться. Вы должны отбросить ваше эго, стать не-«Я». В этом парадокс: до тех пор, пока вы не станете не-«Я», вы не станете собой. Фальшивое должно быть отброшено, только тогда проявляется настоящее. Фальшивка должна быть выброшена, только после этого начнется поиск настоящего и подлинного.

Впоследствии Мамия стал известным учителем, но когда он обучался у мастера, тот попросил его объяснить значение хлопка одной ладони.

Позже Мамия сам стал великим учителем, но прежде, чем это произошло, он прошел школу ученичества у мастера. Ему нужно было решить одну задачу...

«Каким будет звук хлопка одной ладонью?» — это один из самых известных коанов дзен.

Ум немедленно говорит: «Бесполезно! Искать ответ бесполезно, бессмысленно, потому что как можно хлопнуть одной ладонью? Чтобы хлопнуть, нужна еще одна ладонь. Какой же может быть звук при хлопке одной ладонью? Звук возникает, когда два предмета ударяются друг о друга. Все звуки возникают, когда два предмета ударяются друг о друга, так что какой звук можно издать одной ладонью? Поэтому, если у вас все в порядке с логикой, вы немедленно покинете этого мастера, ведь он говорит вздор. Это невозможно, что бы вы ни делали, у вас ничего не получится. Это простая логика, простое объяснение. Но вы упустили суть дела. Вот суть!

Много раз в ваших прошлых жизнях вы уходили от мастера, потому что он требовал невозможного. Но мастер всегда будет требовать невозможного, только так вы сможете измениться. Выполняя возможное,

вы останетесь тем же. Все, что ваш ум считает возможным, в его пределах. Все, что ваш ум считает невозможным, за его пределами. Попытайтесь достичь невозможного. Религия — это попытка достичь невозможного. Религия — это попытка заставить случиться то, что случиться не может.

...тот попросил его объяснить значение хлопка одной ладони.

Если бы он был логичным человеком, он бы ушел немедленно. Но Мамия остался с мастером, прекрасно зная, что тот требует невозможного. «Если мастер так говорит, должно быть, что-то в этом есть. Это может быть невозможным, это может казаться мне абсурдным, но если мастер требует этого, в этом должно быть что-то, что я не могу пока понять». Это вера. Это доверие.

Если вы говорите: «Я не понимаю. Пока ты не объяснишь мне, я не собираюсь прикладывать никаких усилий...» Но мастер не сможет объяснить вам ничего, потому что объяснять нечего, дело не в объяснении. Только изменение вашего сознания даст вам глаза, с которыми вы сможете познавать и смеяться вместе с мастером; но и тогда не будет никакого объяснения.

Мастер требует невозможного — он требует доверия. Если бы он требовал возможного — доверие было бы не нужно. Вы сами могли бы все объяснить, вы сами могли бы все понять. Вы доверяете своему уму, когда все понимаете. Но когда вы не можете чего-либо понять, когда ваш ум чувствует себя неспособным что-либо сделать, когда он просто отказывается что-либо делать, а вы все равно остаетесь, — это доверие. Мамия остался, он доверял своему мастеру.

Хотя Мамия усердно трудился над этим...

И он начал трудиться.

Есть только два пути: либо вы отказываетесь от мастера, либо вы отказываетесь от ума. Сражение происходит не между вами и мастером, сражение происходит между вашим умом и мастером. Когда ум повержен и нет препятствий между вами и мастером, вы становитесь единым целым. Ученик становится мастером, мастер становится учеником, все преграды разрушены. Преграда — это ум, ум скажет то и это и попробует... «Этот мастер сумасшедший. Он требует чего-то невозможного — никто не сможет этого сделать. Не трать время понапрасну. Найди кого-нибудь более благоразумного».

Но Мамия старался, он усердно трудился над задачами. Он отказался от ума, отказ от ума — это доверие. Ум благоразумен, доверие неблагоразумно.

Мастер как-то сказал ему: «Ты недостаточно усерден».

А он был усерден! Но мастера невыносимы, им никогда не угодишь. Они продолжают долбить вас, настойчиво, безжалостно, потому что вы сами не знаете, как много вы можете сделать. Вы ничего не знаете о себе.

Когда вы говорите: «Я стараюсь изо всех сил», мастер знает, что трудится лишь часть вас. Психологи знают, что даже очень талантливый человек, даже гений, никогда не использует более пятнадцати процентов своей энергии. Даже Эйнштейн никогда не использовал более пятнадцати процентов своей энергии. А что говорить об обычных людях? Они используют около трех процентов, пяти процентов в лучшем случае. Девяносто пять процентов вашей жизненной энергии растрачивается впустую. Поэтому, когда вы говорите: «Я стараюсь изо всех сил», — вы не осознаете, что говорите. Только одна

часть, которую вы используете, возможно, трудится усердно, но это лишь одна десятая, а девять десятых спят. Мастеру же нужно, чтобы вы были вовлечены тотально, потому что, когда вы вовлечены тотально... только тогда происходит трансформация.

«Ты недостаточно усерден. Ты слишком привязан к еде, божатству, прочим вещам — и этому хлопку. Лучше бы ты умер».

Что имел в виду этот мастер? Это обычные мирские привязанности. Еда — это привязанность, и она становится крепче после отказа от секса.

В монастыре, в буддийском монастыре, вы отказываетесь от секса, вы принимаете обет безбрачия. Когда вы отказываетесь от секса, вся ваша энергия все больше и больше привязывается к еде. Это проблема, которую надо понять: секс и еда — две самые сильные привязанности.

Если вы озабочены сексом, вы не будете излишне беспокоиться о еде. Но если вы не занимаетесь сексом, вся ваша энергия устремляется к еде. Поэтому все ваши святые — те, которые отказались от секса, — всегда очень привязаны к еде. Посмотрите на индуистских садху, индуистских саньясинов с большими животами. Что случилось? Почему у этих индуистских саньясинов такие огромные животы? Они едят, едят и едят — но это вполне естественно; надо понимать, почему так происходит. Они отказались от секса, поэтому энергия, которая превращалась в секс, во что ей теперь превращаться?

Еда и секс — это основы. Еда — более фундаментальная потребность, чем секс, потому что без секса прожить можно, без еды прожить нельзя. Прожить без секса — вообще не проблема. На самом деле те, кто знает, что такое секс, однажды обнаруживают, что без секса жить легче, потому что в секс вовлечен еще

один человек, а это создает дополнительные сложности. Вы сами переполнены проблемами, а другой человек добавит к ним свои. Когда же два человека начинают жить вместе, проблемы не удваиваются, нет, они умножаются. Это не просто сложение, это умножение.

Поэтому тот, кто знает, что такое секс, прекрасно понимает, что секс создает больше проблем, чем решает. Но к тому времени, когда вы осознаете это, вы уже настолько привязаны, что выбраться не можете. В этом проблема: опыт приходит с опытом — но поздно, потому что вы уже вляпались. И если вы поделитесь своим опытом с кем-то, кто еще не пережил этого, он не станет вас слушать, он скажет, что очень тяжело быть одному, что нужен кто-нибудь, с кем можно поделиться. Он не представляет, что будет, когда он начнет делиться. Потому что тогда вы начнете делиться проблемами — больше вам делиться нечем.

Еда важнее, чем секс. Еда нужна с самого первого момента появления ребенка на свет. Не секс. Четырнадцать лет ребенок может жить без всякого секса. Но в самый первый день, в самый первый миг самый первый крик — о еде, потому что еда — основа вашего биологического существования. Секс — это не основа вашего биологического существования, секс — это основа биологического существования общества — не вашего. Без секса общество исчезнет, вы сможете жить без секса, но не сможете размножаться, не будут рождаться дети — общество исчезнет.

Если бы все стали брахмачарья, придерживались целибата, что невозможно, по всей Земле воцарился бы мир, подлинный мир, потому что никого бы не осталось. Это было бы глобальное самоубийство. Но вы *можете* жить без секса, это не слишком большая проблема.

Так что, когда энергия, которая превращается в секс, остановлена, та же самая энергия направляется на еду. Это основа. Индуистские саньясины слишком много едят. Поэтому все писания — джайнов, буддистов, индуистов — требуют ограничивать себя в еде. Почему? Потому что, если вы перестали заниматься сексом, вы должны знать, что теперь энергия будет направлена на еду. Поэтому необходимы правила, чтобы защитить саньясина, иначе он станет рабом еды, он сойдет с ума — будет есть, и есть, и есть.

Еда может доставить вам сексуальное наслаждение, потому что сексуальный центр и рот взаимосвязаны. Поэтому поцелуи так возбуждают. Иначе почему?.. Если вы страстно целуетесь, вы тут же чувствуете, как растет сексуальное желание. Почему? Ведь рот и сексуальный центр так далеки друг от друга. На самом деле, нет — они взаимосвязаны, это два полюса одной энергии.

Поэтому, когда вы лишаете пищи сексуальный полюс, энергия двигается ко рту, и вам приходится есть больше, жевать жвачку, готовить еду или делать что-нибудь еще в этом роде. Например, вы можете говорить без остановки, потому что при разговоре задействован рот. Вот почему люди говорят, не переставая, целыми днями. И даже дня им мало. Если вы проведете ночь у их кровати, то узнаете, что некоторые говорят и ночью.

Мулла Насреддин пришел к врачу и сказал:

— Сделайте что-нибудь! Это действует мне на нервы. Моя жена очень много говорит по ночам!

— Где ваша жена? Приведите ее, я постараюсь что-нибудь сделать, — ответил врач.

— Вы не поняли. С *ней* ничего делать не надо. Сделайте что-нибудь *со мной*, чтобы я бодрствовал. Ведь это так интересно. Я засыпаю... а она говорит, и это так интересно! Она рассказывает такие чудесные

истории. Она никогда так не говорит, когда не спит. Когда она не спит, она болтает о всяких глупостях. Так что сделайте что-нибудь, чтобы я мог не спать и слушать ее!

Если вы понаблюдаете за людьми, то убедитесь, что всю ночь они говорят — без остановки. Их губы шевелятся, издают звуки. Если один полжос энергии остановлен, начинает действовать другой, потому что энергии нужен выход. Вы не можете сдерживать ее. Это как если вы будете есть и перестанете справлять нужду — что случится? Вам придется срыгивать еду, по-другому никак, потому что если вы едите, то остатки необходимо удалять из организма. Если вы едите, накапливается сексуальная энергия, ее тоже надо удалять. Если вы не используете секс для разрядки, тогда необходимо найти какой-либо другой способ.

Должно быть, Мамя очень пристрастился к еде. Мастер сказал: «Ты слишком привязан к еде, богатству, прочим вещам — и к этому хлопку».

Когда человек привязан, когда он обусловлен, он может оставить этот мир, но это не будет иметь никакого значения. Он может бросить все, но привязанность останется, она будет развиваться в новом направлении. Вы можете покинуть дворец — у вас не будет ничего, кроме трех рубашек, но тогда вы привязываетесь к этим кускам ткани. Вся привязанность, вся энергия, которая была направлена на дворец, теперь будет направлена на эти тряпки. Нет никакой разницы. Ты можешь избавляться от вещей, но привязанность остается той же.

Этот Мамя ушел в монастырь, оставил мирскую жизнь, стал буддийским монахом, у него почти ничего не было. Буддийскому монаху не позволено иметь много вещей: только миску для еды и питья, самую необходимую одежду, коврик для сна — и все, ничего

больше, о чем стоило бы переживать. Он может все это собрать в котомку за спиной и двинуться в путь, потому что буддийский монах должен быть странником и должен носить все свои вещи сам. Будда взял это за правило, чтобы вы не продолжали копить вещи. Если кому-то еще будет позволено носить ваши вещи, вы продолжите копить их.

Совсем немного вещей — но привязанность! Мастер сказал: «Ты все еще привязан к еде, богатству...» У него уже не было никакого богатства, но привязанность может оставаться и без богатства. Потому что это вопрос не объективного, это вопрос субъективного... и даже этот звук — он тоже становится проблемой. Если вы слишком привязаны к медитации, медитация становится вашим миром. Если вы слишком привязаны к молитве, молитва становится препятствием.

Есть одна изумительная притча в хасидской литературе. Хасиды — одни из самых прекрасных людей на Земле, это еврейские вольнодумцы. У них есть обычай, бесценный обычай: что бы ваш ум ни требовал, не давайте это ему сразу — подождите. Если хотите дать — дайте, но только тогда, когда позыв пройдет. Если ум говорит: «Я голоден», — не давайте ему сразу пищу — подождите. Когда позыв пройдет, поешьте, но не ешьте тогда, когда ум этого требует, не потакайте уму, оставайтесь хозяином.

Случилось вот что: один из учеников Баал Шема был болен, он умирал. Баал Шем пришел, чтобы проститься. И он почувствовал, что его ученик очень встревожен.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил он.

— Да, мой ум просит меня помолиться, но я не могу, пока не пройдет позыв. Когда позыв пройдет, я помолюсь, но я не знаю, буду ли я еще жив к тому времени... И вот я все никак не могу позволить себе умереть, потому что жду, когда позыв пройдет...

Баал Шем сказал, обращаясь к ученикам, собравшимся вокруг:

— Смотрите! Этот человек знает, что такое молитва!

Если привязанность сохраняется и вы молитесь, молитва становится частью этого мира, потому что привязанность все материализует. Даже молитва — грех, когда ты превращаешь ее в привязанность. Когда ты молишься не по привязанности, не по призыву ума, только тогда молитва достигает цели.

Поэтому мастер сказал: «И этот звук тоже стал твоей привязанностью. Ты постоянно думаешь, как решить задачу. Не привязывайся. Решай ее, да, но без привязанности. Не сходи с ума. Трудись усердно, но не сходи с ума — иначе будет лучше, если ты умрешь».

Но Мамия понял неправильно — ученики часто понимают все неправильно. Мастер сказал: «Лучше бы ты умер». Кому сказал мастер: «Лучше бы ты умер»? Он сказал это уму Мамии, потому что сам Мамия не может умереть, Мамия бессмертен. Мастер сказал это эго Мамии, которое пытается решить задачу.

Задачу можно решить только тогда, когда ум мертв, когда ум сделал все, что мог, почувствовал себя беспомощным и сказал: «Больше не могу! Я ухожу». Когда ум удалился и вы впервые остались одни, когда осознанность с вами, свидетельство с вами, но мышление не с вами, тогда задача решена, тогда вы услышали хлопок одной ладонью.

Этот звук... индуисты называют его омкар, аум — вот этот звук. Если вы полностью безмолвны, вы услышите его. Он не рождается в результате столкновения двух предметов. Он не рождается через конфликт. Это музыка Вселенной, это звук самого существования. Он не рождается, он есть.

Индуисты говорят: сама Вселенная родилась из этого звука. Вселенная — трансформация этого звука, без начала и конца... основы всего сущего. Одним и тем же знанием обладают буддисты, джайны, суфийи, хасиды — все те, кто знает, — одним и тем же знанием. Есть звук — мелодия — непрекращающаяся. Если ты замолчишь и ум удалится, ты впервые услышишь этот звук. Он везде. Это самое сердце существования. И все существование — трансформация этого звука.

Мистики говорят, что даже материя — не что иное, как концентрированный омкар, камень — не что иное, как концентрированный аум. Как современные ученые говорят, что материя — не что иное, как концентрированное электричество, просто электрические вибрации, так мистики говорят, что материя — не что иное, как концентрированный звук, просто вибрации звука.

Теперь появилась возможность создать мост между наукой и мистикой. Если вы спросите ученых, они скажут, что звук — не что иное, как вибрации электричества. Если вы спросите мистиков, они скажут, что электричество — не что иное, как вибрации звука. Вот почему у индусов есть предания, что с помощью музыки можно создать огонь. Особая звуковая волна — и можно создать огонь. Теперь это уже и научно доказанная истина.

Постоянно издавая особый звук, можно создавать тепло — попробуйте сами. В холодную ночь, находясь вне помещения, издавайте звук омкар. Произносите аум столько, сколько сможете, чтобы от кончиков пальцев до макушки звук аум вибрировал внутри вас. И внезапно вы почувствуете, что телу тепло. А если вы продолжите, то скоро, даже в самую-самую морозную ночь, вы начнете потеть. Вот как Махавира жил нагишом. Вот как в Тибете, где температура ниже нуля, буддийские монахи живут нагишом. Они

сидят всю ночь под открытым небом, падает снег, а они потеют. Они издают особый звук.

Но этот звук — не тот омок, что издаете вы. Этот звук может быть создан, это снова хлопок двумя руками. А есть звук, не созданный человеком, звук, из которого рождается само существование. Вот поэтому аум стал всемирным символом абсолютной реальности. Аум не слово, это символ. Все концентрируется в нем, все проявляется через него.

Мастер Мамии сказал: «Лучше бы ты умер, чем привязывался к еде, богатству, прочим вещам и... этому звуку. Лучше бы ты умер». Мамия понял неправильно. Он подумал, что это, должно быть, такая техника. Он подумал: «Итак, я могу управлять смертью. Итак, я умру». Но как вы можете управлять смертью? Вы можете притвориться, но вы будете живы.

Даже самоубийство — это не выход. Вы не можете совершить самоубийство. Вы пойдете и повеситесь, это вы можете сделать, но ум останется здесь. И этот ум поведет вас к новой жизни, к новой матке, к новому рождению. Вы не можете совершить самоубийство. Известен только один способ самоубийства — самадхи. Вот тогда ум перестает манипулировать. Вот почему Будда умирает и никогда больше не рождается. Вот почему мы говорим, что, когда человек достигает самадхи, окончательного просветления, он никогда больше не рождается. Потому что, когда ум уходит, кто может повести вас к новому желанию, кто может повести к новому телу? Ум ушел.

Есть только одна смерть, и это смерть ума. Но умом нельзя сделать это: если вы сделаете это с помощью ума, ум останется и выживет.

Когда Мамия предстал перед мастером в следующий раз, тот снова попросил его показать хлопок одной ладонью.

Поскольку на эти вопросы ответа нет, ты должен показать ответ своими глазами, всем своим существом, своим лицом. Ответ должен пройти через вас, вы сами должны стать этим ответом. Вы не можете дать ответ, потому что, если вы *дадите* ответ, это ум даст ответ. Ты можешь только *быть* ответом.

Итак...

...тот снова попросил его показать хлопок одной ладонью.

Мамия в тот же миг свалился как мертвая.

Он притворился. Он подумал: «Мастер сказал: „Умри!“ — значит, лучше умереть». Он подумал, что это правильно, и упал. Но ум трудится, это именно ум решил сделать так.

«То, что ты умер, хорошо, — сказал мастер, — но как насчет хлопка одной ладонью?»

Приоткрыв глаза, Мамия ответил: «Я еще не выполнил задание».

Прекрасно, ведь мастер говорит: «Если ты мертв, значит, проблема решена. А что со звуком? Ты должен был услышать его». Потому что, если ума больше нет, звук должен быть услышан. Не может быть, чтобы ты не расслышал его, если ума больше нет. Когда ума нет, звук всегда тут. Только из-за ума, только из-за суеты ума вы не можете услышать его. Он всегда здесь, его ритм всегда здесь. Если ум уйдет хотя бы на мгновение, звук появится, и ты сможешь узнать его — ты не сможешь упустить его.

Итак, мастер сказал:

«То, что ты умер, хорошо, но как насчет хлопка одной ладонью?»

Приоткрыв глаза, Мамия ответил: «Я еще не выполнил задание».

«Что? — рявкнул мастер. — Мертвецы не разговаривают. Убирайся!»

Только ум разговаривает. Если бы Мамия промолчал... Но как он мог промолчать?.. Он просто притворился, он замолчал не по-настоящему. Вы не можете обмануть мастера, даже если умрете. Притворством его не обмануть.

Мастер крикнул: «Мертвецы не разговаривают».

Когда ум исчезает и мастер спрашивает: «Как насчет звука?» — ответа не последует. Все существо — это ответ. Ученик молчит, он показывает собой. Теперь ничего не нужно, и мастер увидит... ответа не требуется. Если вы отвечаете, все ответы будут неправильными.

Множество раз такое случалось с этим коаном. Это случилось с Ринзаем, он получил тот же самый коан для работы. Он трудился, и трудился, и трудился, все усерднее и усерднее, а мастер продолжал подталкивать его, вперед и вперед. И однажды это случилось — ум исчез, звук был услышан.

Ринзай пришел к мастеру, и мастер спросил: «Как насчет звука?» Ринзай ударил мастера. И мастер сказал: «Вот как. Значит, ты слышишь. Я долго ждал, когда ты избавишь меня от необходимости колотить тебя. Теперь ты можешь ударить меня. Теперь нет повода для волнения, теперь мне незачем бить тебя — все! Теперь иди и учи других слышать звук хлопка одной ладони».

Ответ не нужен, ты должен выразить его всем своим существом. Но это может произойти только тогда, когда ум исчезнет, — ни воды, ни луны.

Достаточно на сегодня.

Глава 5

Палец

Гуinea

Мастер Гутей поднимал палец всякий раз, когда разъяснял учение дзен.

Один очень юный ученик начал подражать ему, и всякий раз, когда его спрашивали о наставлениях мастера, мальчик поднимал палец.

Гутей услышал об этом и однажды поймал мальчика, выхватил нож, отсек ему палец и выбросил его.

Когда мальчик, рядая, побежал прочь, Гутей крикнул: «Стой!»

Мальчик остановился, обернулся и посмотрел на мастера сквозь слезы. Гутей показал ему свой палец.

Мальчик хотел показать ему свой, но, осознав, что пальца больше нет, поклонился.

В тот же миг он достиг просветления.

Это очень странная история, и есть большая вероятность, что вы поймете ее неправильно, потому что труднее всего в жизни понять поведение просветленного человека.

У вас свои ценности, вы всегда смотрите на мир сквозь призму этих ценностей. Просветленный находится в совершенно ином измерении, где он живет без ценностей, где он живет без всяких критериев, где он живет без всякой морали, где он просто живет без этого, так как любые ценности принадлежат эго. Просветленный просто живет. Он не управляет своей жизнью, он — плывущее по небу облако. Ему не нужно никуда стремиться, ничего добиваться. Ничто не является хорошим для него, ничто не является для него плохим. Он не знает никакого Бога, он не знает никакого Дьявола. Он знает только жизнь, и эта жизнь в своей тотальности прекрасна.

Бог же уродлив, потому что он — часть, не целое. И Дьявол уродлив, потому что он тоже часть, не целое. Бог неживой, Дьявол тоже мертв, потому что жизнь существует как движение между двумя полюсами — между хорошим и плохим, Богом и Дьяволом. Жизнь существует между этими двумя полюсами. Жизнь не может существовать с одним полюсом. Это два берега, между которыми течет река жизни.

Просветленный пришел к осознанию этого. Он ни против чего-либо, ни за что-либо. Он живет от момента к моменту, безо всяких суждений с его стороны. Вот почему это очень сложно. Просветленный всегда

кажется сумасшедшим. Поэтому первое, что надо понять: не оценивайте просветленного через призму собственных ценностей. Это очень сложно, потому что как иначе вы можете сделать это?

Я слышал...

Однажды гениальный художник попросил своего друга-доктора прийти и посмотреть на картину, которую он только что закончил. Художник думал, что это величайшее творение из всех, которые он когда-либо создавал. Поэтому, естественно, он хотел, чтобы его друг, доктор, пришел и посмотрел.

Доктор изучал картину очень внимательно, рассматривал с одной стороны и с другой. Так прошло десять минут. Художник встревожился и спросил доктора: «В чем дело? Что ты думаешь об этой картине?»

Тот ответил: «По-видимому, двусторонняя пневмония!»

Это случается со всеми, потому что у любого врача своя точка зрения, свой собственный взгляд на вещи. Он смотрел на картину — он не мог смотреть никак, кроме как в своей привычной манере, по-другому он не умел — он ставил диагноз. Картина же не нуждалась ни в каком диагнозе, он упустил. Произведение искусства превратилось в пневмонию.

Так работает ум. Когда вы смотрите на вещь, ваш ум раскрашивает ее. Не делайте так с просветленным, потому что для него это не будет иметь значения, но вы упустите возможность увидеть его красоту.

Второе: просветленный действует из центра, никогда не из периферии. Вы всегда действуете из периферии, вы живете на периферии, в замкнутом круге. Для вас этот замкнутый круг — самое главное. Вы убили вашу душу и спасли ваше тело. Просветленный может пожертвовать своим телом, но не

может позволить потеряться своей душе. Он готов умереть — он готов умереть в любой момент, это не проблема, но он не готов потерять свой центр, самое сердце своего существования.

Для просветленного тело — просто инструмент. Поэтому, если необходимо, просветленный может сказать вам даже такое: «Брось тело, но не бросай свою внутреннюю сущность». Так рождается *тапашарья*, аскетизм. Периферия приносится в жертву центру. Даже если надо отсечь голову — если это сможет помочь вам, если вместе с головой будет отсечено эго — просветленный скажет вам отбросить голову, отсечь ее: «Не держись за эту голову, если она помогает эго, потому что из-за *ничего* ты теряешь *все*».

Это нужно помнить: когда вы живете из центра, перспективы тотально отличаются. Тогда никто не умирает, никто не может умереть — смерть невозможна. Если вы живете из периферии, тогда все умирают, смерть — это логический конец каждого, вечной жизни нет.

Разговор Кришны с Арджуной, о котором говорится в Гите, — это разговор центра с периферией. Арджуна живет на периферии: он думает о теле, он ничего не знает о душе. А Кришна говорит из центра, он говорит: «Не беспокойся об этих телах. Они умирали много раз и будут умирать много раз. Смерть — не что иное, как трансформация, как если кто-то оставляет свои одежды, оставляет свой старый дом и переезжает в новый. Тело — это ничто, Арджуна, не беспокойся о нем. Смотри внутрь». Но как Арджуна может посмотреть внутрь других, если он никогда не смотрел внутрь себя?

Помните: этот мастер дзен, Гутей, — это Кришна. Он живет из центра и поступает соответствующе. И этот случай произошел с учеником, который на периферии. Гутей не стал бы отсекал *ваш* палец, помните. Ученик заслужил это, он получил по заслугам —

только поэтому мастер пошел на такую крайность. Такое обращение должно было научить ученика, он заслужил такое обращение — иначе Гутей не пошел бы так далеко. Даже Арджуна не заслужил подобного обращения, как этот ученик Гутея, ведь Кришна только *говорил*, а Гутея *сделал*.

Помните об этом различии. Мастер делает определенные вещи с вами только тогда, когда вы заслужили это, в других обстоятельствах он будет разговаривать. Действие возможно только тогда, когда вы готовы, когда момент настолько близок, что его нельзя упустить; нечего говорить, можно только сделать. Если вы говорите, нужно время; если вы говорите, другой должен понять вас. Нечто должно быть сделано сейчас, немедленно. Мастер сделает что-либо только тогда, когда он увидит, что вы уже на краю и говорить уже бесполезно, теперь он должен столкнуть вас. Вы уже перед самой дверью, один момент упущен — и вы можете пройти мимо, и еще многие жизни вам может не представиться возможности подойти к ней снова.

Жизнь очень сложна. Вы крайне редко оказываетесь рядом с дверью. И если мастер скажет: «Посмотри, вот дверь!» — и начнет тебе объяснять, к тому моменту, когда ты поймешь, двери уже здесь не будет. Жизнь — это постоянное движение. Мастеру надо *сделать* что-либо. Если он решит, что, убив тебя, он поможет, — он убьет тебя. Вот почему необходимо подчинение.

Подчиниться нелегко, потому что подчиниться означает сказать мастеру: «С этого момента моя жизнь и моя смерть твои». Подчинение означает: «Я готов. Если ты скажешь: „Умри!“ — я умру. Я не стану спрашивать, зачем». Если вы спрашиваете, зачем, в этом нет подчинения, нет доверия. В древние времена многие люди достигали просветления, потому что они умели подчиняться. Доверие было

в самой атмосфере, вера была везде, доверие расцветало повсюду. Не проходило и дня без того, чтобы не встретился человек, который не был бы доверчивым человеком. И в тот миг, когда вы видели человека доверия, вы чувствовали зависть — до того он был прекрасен.

Но в наше время почти невозможно встретить доверчивого человека. Та красота исчезла. Вы встречаете сомневающихся, скептиков, говорящих «нет», они уродливы, они повсюду. И постепенно вы тоже впитываете сомнение. С самого первого дня вместе с молоком матери вы впитываете сомнение. Вся наука строится на сомнении. Вы должны ко всему относиться скептически, сомневаться, только тогда наука развивается.

Религия опирается на абсолютно противоположное. Вы должны быть доверчивым, очень позитивным, только тогда подчинение возможно. Ученик Гутея подчинился, именно потому этот случай стал его просветлением.

Сейчас мы приступим к этой странной истории. Каждое слово в ней имеет значение.

Мастер Гутея поднимал палец всякий раз, когда разъяснял учение дзен.

Мастер никогда не делает ничего без надобности, даже не поднимает палец. Все несущественное исчезло. Осталось только существенное. Мастер не сделает ни одного движения, ни одного жеста, если это несущественно. Несущественное — часть невежества; тогда все, что бы вы ни делали, незначительно, несущественно — если вы не будете делать это, ничего не потеряете.

Посмотрите на свою жизнь, что бы вы ни делали — если вы перестанете, что потеряете? Ничего не достигнуть с помощью этого — пустая суэта

с утра до вечера. Когда вы устаете, вы идете спать, а с утра вы снова готовы продолжать это же самое не-нужное. Это замкнутый круг, одно несущественное перетекает в другое несущественное, они тесно связаны друг с другом.

Но вы так боитесь признать эту незначительность жизни, что всегда отворачиваетесь от нее, потому что признание незначительности жизни вгоняет вас в депрессию: «Что я делаю?» Если вы признаете, что все, что вы делаете, абсолютно бесполезно, ваше эго будет низвергнуто. Потому что эго чувствует свое значение, только когда вы делаете что-то значительное. Поэтому вы придаете значение всякой ерунде и считаете, что исполняете священный долг перед семьей, перед нацией, перед человечеством — словно без вас жизнь остановится. Ничего важного, что бы вы ни делали — но вам необходимо придать этому значение, потому что значимость питает эго, укрепляет его.

В невежестве все несущественно. Что бы вы ни делали — даже ваша медитация, ваша молитва, ваше посещение храма — все суета. Даже ваша молитва не глубже, чем чтение газеты. Дело не в молитве, дело в вас. Если в вас есть глубина, тогда, куда бы вы ни пошли, что бы вы ни делали, в каждом действии будет глубина. Если в вас нет глубины, даже если вы пойдете в храм — разницы не будет: вы войдете в храм точно так же, как вошли бы в отель. Вы тот же, храм это или отель — разница небольшая.

Дайте ребенку очень дорогую игрушку из бриллиантов, и он сделает с этой дорогой игрушкой то же самое, что делал с обычными игрушками, потому что он ребенок. Он поиграет с ней немного, потом бросит в угол и забудет.

Ваша глубина придает глубину вашим действиям. Даже когда просветленный мастер поднимает палец, это исполнено смысла, исполнено значения. Почему

Гутей привык поднимать свой палец... *всякий раз, когда разъяснял учение дзен?* Не все время — только тогда, когда он разъяснял вопросы, касающиеся учения дзен, он поднимал палец. Почему? Потому что он объяснял и показывал, потому что один поднятый палец будет являться ответом на все, что бы вы ни спросили о религии.

Все ваши проблемы от того, что вы не целостны. Все ваши проблемы от того, что вы состоите из фрагментов. Все ваши проблемы от того, что вы разъединены, хаос — это не гармония. Что такое дзен, что такое йога, что такое медитация? Не что иное, как путь к единству. Само слово йога означает «единство»: быть единым, тотальным, целым.

Когда Гутей объяснял дзен, его объяснения были вторичны, поднятый палец — вот что было главное. Он говорил что-то и одновременно показывал. Именно так живет просветленный: он говорит и показывает. Само его существо, все жесты, все движения показывают, что такое религия.

Если вы не можете видеть, если вы слепы или утратили способность к пониманию, видению, тогда вы только слышите слова. Но если вы знаете, как смотреть, слова не нужны. Слова бесполезны, их можно отбросить, они вторичны. Но поднятый палец нельзя отбросить, это главное, это единственный ответ. Все те, кто узнал, они поднимали палец. Они говорят о единстве, а вы живете во множестве.

Когда вы живете во множестве, возникают проблемы, потому что, живя во множестве, двигаясь одновременно во множестве направлений, вы разрываетесь на части, вы не собраны воедино. Одно желание влечет вас на юг, другое желание влечет вас на север. Одна часть ума любит, другая часть ума ненавидит. Одна часть ума мечтает накопить богатство, а другая часть ума говорит: «Это бесполезно. Откажись!» Один из умов хочет медитировать, стать глубоким,

стать молчаливым, а другой говорит: «Зачем ты тратишь на это время?»

Я слышал...

Однажды случилось так, что человек совсем молодым отрекся от мира и уехал в Гималаи. Почти двадцать лет он там медитировал. И вот ему исполнилось сорок лет. Он сидел и медитировал, сидел и медитировал, больше ничего не делал. Даже птицы и дикие животные постепенно перестали его бояться. Он был очень миролюбивым, просто сидел и медитировал. Звери подходили к нему и садились рядом, а когда им надо было поохотиться, они оставляли ему своих детенышей, чтобы он позаботился о них. Его волосы выросли, и птицы вили в них свои гнезда и откладывали яйца, а он заботился о них.

Через двадцать лет он пресытился всем этим. Он сказал: «Если мне приходится заботиться о чужих детенышах, почему бы мне не жениться на какой-нибудь женщине и не заботиться о собственных детях? Это абсурд, я никуда не продвинулся. Я потерял двадцать лет. Больше я не хочу терять ни минуты, мне уже сорок, скоро моя жизнь начнет угасать».

В чем проблема? Он действительно медитировал. Так в чем же проблема? Двадцать лет — большой срок, но ум был постоянно расколот. Одна часть медитировала, другая все время повторяла: «Бесполезно! Зачем ты тратишь время? Другие наслаждаются жизнью. Возвращайся вниз, в долину. Люди счастливы там — они танцуют, пьют, едят, занимаются любовью. Мир в экстазе, а ты сидишь тут, как дурак». В течение двадцати лет он постоянно слушал эту часть ума, а другая часть постепенно слабела.

Снаружи он повторял мантру: «Рам, Рам, Рам». Но глубоко внутри звучала другая мантра. Другая часть ума постоянно говорила: «Бесполезно! Сидишь, как дурак, а все наслаждаются жизнью, а твоя жизнь

угасает. Скоро ты уже не сможешь ничему радоваться. Ты стареешь». Это и была настоящая мантра. Снаружи: «Рам, Рам, Рам», а глубоко внутри была другая мантра.

Когда ваш ум разделен, вы не можете молиться, вы не можете медитировать, потому что одна часть всегда против этого, и рано или поздно она победит. Помните: та часть, которая вовлечена, теряет силу с каждым мигот. А та часть, которая не вовлечена, критическая часть, не тратит сил. Рано или поздно она станет более могущественной.

Вы любите женщину, а другая часть ее ненавидит. Вы можете скрыть это — все стараются скрыть часть — но до тех пор, пока вы не стали просветленным, эта часть здесь. Любящая половина рано или поздно ослабнет, потому что она в работе, ее энергия расходуется. Другая, скрытая часть, которая ненавидит, становится сильнее. Поэтому каждый брак ведет к разводу. Сделаете вы это или нет, другой вопрос, но любой брак становится разводом, пока вы не женитесь на просветленном — а это очень трудно.

И вот этому человеку однажды все надоело. Он решил вернуться в мир и думал: «С чего же начать?» Он совсем забыл, как все в мире происходит, он столько лет провел вне его. «С чего начать?» Если вы хотите начать жить в мире, вам нужен проводник. Кто может быть лучшим проводником в этом мире? И тут он вспомнил, что в прежние времена короли отправляли своих сыновей, принцев, к проституткам, чтобы те приобщили их к этому миру.

Лучшего проводника по этому миру, чем проститутка, не найти. Она — воплощение этого мира. Даже любовь стала для нее работой — это самое ужасное в этом мире — даже любовь стала профессией, товаром, она продает любовь. Деньги стали гораздо важнее любви. Это самое ужасное в этом мире, и это может послужить дверью в него.

Поэтому монах направился прямо к проститутке. Был вечер, проститутка собиралась к королю. Она сказала: «Добро пожаловать, но я приглашена к королю. Он скуп, я не надеюсь, что заработаю много, но все-таки — кто знает? Иногда даже скупец может расщедриться. Пойдем со мной, собирайся». И бывший монах пошел.

Всю ночь проститутка танцевала и пела. А король сидел молча, он не давал ей ничего. Ночь заканчивалась, приближался рассвет, женщина очень устала. Она спела своему мужу, который играл на *табле*: «Все, что можно было сделать, я сделала». Она спела это так, чтобы понять ее мог только муж. Она сказала: «Все, что можно было сделать, я сделала. Кажется, надежды нет. Нам лучше уйти».

Про себя монах подумал: «Я был в такой же ситуации. Все, что можно было сделать, я сделал. Больше ничего нельзя было сделать, и я оставил попытки». Он слушал очень внимательно.

Муж ответил ей: «Все, что мы могли сделать, мы сделали, но ночь еще не закончилась. Кто знает? Надо довести дело до конца, потерпи еще немного».

Услышав это, монах подумал: «Как быть? Возможно, я был уже на краю, когда покидал Гималаи, нужно было лишь потерпеть немного».

На нем было только одеяло и больше ничего. Охваченный порывом, он бросил это одеяло к ногам проститутки и собрался покинуть дворец. Король воскликнул: «Стой! Это против правил». Существовал такой обычай, что в присутствии богатого человека нельзя было первым преподносить подарки. Это было оскорблением — в присутствии короля этот человек совершил преподношение.

Монах ответил: «Ты можешь убить меня, если я нарушил обычай, но эта женщина спасла мою жизнь. Она наполнила меня таким экстазом, что я не мог не подарить ей хоть что-то. У меня ничего нет, кроме

этого одеяла, и я не могу ждать своей очереди. Я возвращаюсь в Гималаи. Эта женщина и этот мужчина, который играет на *табле*, открыли мне секрет: еще немного терпения». Говорят, этот человек в тот же миг достиг просветления. Он не вернулся в Гималаи. Спускаясь по ступеням дворца, он стал просветленным.

Что случилось? Впервые две части стали единым целым. В этом смысл терпения. Терпеть значит не позволять второй части бороться; терпение означает, что вы уже готовы ждать бесконечно. Если ты готов ждать бесконечно, у второй части не остается возможности сказать: «Это еще не случилось». Нет смысла говорить «Зачем ты растрачиваешь свою жизнь?» Если вы готовы ждать бесконечно, ничего не растрачивается зря. Если ваше ожидание вечно, бесконечно, другая твоя часть не сможет высказать свое мнение.

Необходимо единство, чтобы прекратить постоянную борьбу. Вот почему Гутей всегда показывал один палец, когда разъяснял учения дзен. Он говорил: «Будь единым! И все твои проблемы исчезнут».

Существует множество религий, множество путей, множество методов, но суть у них одна: будьте целостны. Что бы вы ни выбрали, будьте единым. Если вы сможете быть бесконечно терпеливым, вы станете единым. Если вы сможете тотально подчиниться, вы станете единым. Если вы станете абсолютно молчаливым, вы станете единым. Если нет мыслей в вашей медитации, вы станете единым. Если молитесь Богу, и молитва становится такой глубокой, что человек, который молится, исчезает, человек, который молится, полностью растворяется в молитве, тогда достигается единение — так будет.

Если вы вскапываете сад и можете делать это с такой тотальной поглощенностью, что не остается

того, кто копает, и вы становитесь самым вскапыванием, деятель становится действием, наблюдатель становится наблюдением, медитирующий становится медитацией — внезапно все волны *майя* исчезают, все иллюзии рассеиваются. Вы достигли другого уровня, другой плоскости бытия. Вы пришли к единению.

Когда *вы* едины, вы достигаете единства. Когда вас много, вы в мире. Миров много, а Бог один. Но чтобы узнать, что он один, сначала вы сами должны стать одним, иначе вы не сможете познать его. Только когда вы уподобитесь Богу, вы будете способны познать.

Мастер Гутей поднимал палец всякий раз, когда разъяснял учение дзен.

Слово «дзен» пришло из санскрита, оно произошло от слова «дхьян». Это японская форма слова «дхьян». Когда Бодхидхарма принес учение Будды в Китай, «дхьян» по-китайски стали произносить как «чань». Когда слово «чань» попало в Японию, оно превратилось в «дзен». Но первоначальное слово — «дхьян». Когда Гутей заговаривал о дхьяне, медитации, он всегда поднимал один палец. Единство — это дхьян, единство — это все, чего нужно достичь, это завершение.

Один очень юный ученик начал подражать ему...

Конечно, он, должно быть, был очень юн, потому что только дети подражают. Чем более зрелыми вы становитесь, тем меньше подражаете, чем больше незрелости, тем больше подражательства. Если вы все еще подражаете, значит, вы не достигли зрелости, вы еще не повзрослели. Что такое «взрослость»?

Если вы спросите меня, я отвечу — это осознание необходимости быть самим собой, а не кем-то еще, вот что такое зрелость.

Если вы заглянете в себя, вы не найдете этой зрелости. Вы подражаете другим. Кто-нибудь купил новую машину — вы тут же начинаете подражать, вам нужна новая машина. Кто-то переехал в более просторный дом, и вам тоже нужен новый дом. Соседи постоянно действуют вам на нервы. Они покупают то и это, и вам приходится подражать. А когда вы подражаете, вы похожи на обезьян. Не подражайте. Будьте зрелыми. Потому что подражание не может вас никуда привести. Почему? Что такое подражание, и что такое подлинность и истинность?

Подражание означает, что идеал приходит извне, это не *ваше* желание. Это не то, что происходит внутри вас, это не цветение вашей души. Кто-то другой подсунил вам идеал, и вы последовали за ним. Если вы не достигнете его, вы будете страдать, потому что вы не достигли идеала. Если вы достигнете его, вы тоже будете страдать, потому что этот идеал никогда не был *вашим*. Вы никогда не хотели его, потому что он никогда не являлся вашему внутреннему существу.

Вот почему столько страданий в мире: люди подражают друг другу. Если они терпят неудачу, они страдают, потому что думают о том, чего не получили. Если они преуспевают, то все равно страдают. Помните: ничто так не разочаровывает, как успех, если этот успех — подражание. Вы можете достичь своей цели в конце долгого, тяжелого путешествия, полного напряжения, и вдруг обнаружить: «Я никогда не хотел этого — хотел кто-то другой. Я позаимствовал идеал». Не заимствуйте идеалы, это несерьезно.

Один очень юный ученик начал подражать ему...

Должно быть, он был очень молод, юн, ребячлив. Он начал подражать мастеру.

...и всякий раз, когда его спрашивали о наставлениях мастера, мальчик поднимал палец.

Так же, как привык делать мастер. Людям, должно быть, это нравилось, они, должно быть, смеялись. Мальчик подражал великолепно, он делал такое же выражение лица, он поднимал тот же самый палец, он старался выглядеть так же. Он делал это хорошо.

Но как бы искусно ты не играл, ты остаешься незрелым. Будьте честны с собой, даже если вы не настолько искусны. Все равно будьте честны с собой, потому что ваша честность приведет вас к предельной истине. Чужая правда не может быть вашей правдой.

Внутри вас есть семя. Только если это семя прорастет и станет деревом, вы сможете расцвести. Тогда вы испытаете экстаз, получите благословение. Но если вы следуете путем других, это зерно останется мертвым. Вы можете собрать все идеалы на свете и преуспеть, но вы будете чувствовать пустоту, потому что ничто не способно наполнить вас — только ваше зерно. Когда оно станет деревом, оно наполнит вас. Вы почувствуете удовлетворение только тогда, когда ваша правда превратится в цветок, не раньше.

Люди могут высоко ценить ваши способности подражателя — они всегда ценят это. Должно быть, этот мальчик был предметом восхищения в монастыре, потому что он вел себя в точности как мастер. Должно быть, он стал известным. Подражатели становятся известными, они не знают, что совершают самоубийство. Но вы можете пойти и на самоубийство, если люди восхищаются вами.

Я слышал об актере, который умер. На его похороны пришли тысячи людей. Его жена была без-

утешна, она плакала и причитала. Когда она увидела всех этих людей, пришедших на похороны мужа, она сказала: «Если бы он знал, что так много людей соберется, он умер бы раньше».

Вы можете совершить самоубийство, если вами восхищаются. Вы все совершаете самоубийство, потому что подражателями всегда восхищаются. Подлинными людьми никогда не восхищаются, потому что подлинный человек всегда бунтарь. Он не станет никому подражать. Он скажет: «Я не собираюсь быть Буддой, я не собираюсь быть Кришной или Иисусом. Одного достаточно! Одного Иисуса достаточно, зачем подражать?» Второй Иисус, каким бы он ни был прекрасным, будет всего лишь копией, ничего не стоящей копией. Зачем подражать Иисусу? Бог не собирается спрашивать вас в конце жизни, почему вы не стали Иисусом. Он спросит, почему вы не стали самим собой.

Я слышал об одном хасидском мистике, очень бедном, его звали Магид. Мало кто знал о нем, но он был настоящим, подлинным человеком. Он умирал, и кто-то спросил его: «Магид, ты просил Бога сделать тебя подобным Моисею?»

Магид открыл глаза и сказал: «Перестань! Не говори таких вещей, когда я умираю. Бог и не подумает спросить у меня: „Почему ты не стал Моисеем?“ Он спросит: „Магид, почему ты так и не стал подлинным Магидом?“»

Остальные не следуют этому, они не могут понять, потому что это кажется оскорблением Моисея. Нет. Это не оскорбление Моисея. Моисей стал Моисеем, в этом его красота. Магид должен стать Магидом, в этом его красота. Только красота может стать преподношением, только распутившееся бытие может быть преподнесено Богу. Разве Бог спросит у розы: «Почему ты не стала лотосом?» Разве может Бог быть таким глупым, чтобы спросить у розы: «Почему ты

не стала лотосом?» Нет! Он не настолько глуп, как вы думаете. Он спросит у розы: «Почему ты не раскрылась полностью? Почему ты осталась бутонем, а не стала цветком?»

Цветение — вот смысл. Неважно, роза ты, или лотос, или какой-нибудь неизвестный, безымянный цветок. Неважно, кто ты. Либо ты приходишь к божественным вратам как цветок, распустившийся, открытый, либо появляешься все еще закрытым...

Один очень юный ученик начал подражать ему...

Если вы пришли к мастеру, перед вами открываются возможность, самая первая возможность — начать подражать ему. Помните: это не поможет, это опасно. Вы совершаете самоубийство. Понимайте мастера, пейте его присутствие, впитывайте его присутствие столько, сколько можете, но не становитесь подражателем. Не становитесь фальшивым.

Гутей услышал об этом и однажды поймал мальчика, выхватил нож, отсек ему палец и выбросил его.

Кажется, что мастер чрезвычайно жесток, чрезвычайно безжалостен. Мастера, *действительно*, безжалостны, иначе от них не будет пользы. Они безжалостны, потому что их переполняет глубокое сострадание. Почему мастер отсек палец? Что-нибудь менее суровое — и он не смог бы помочь мальчику. Необходимо что-то очень пронзительное, необходимо что-то, что дойдет до самого сердца. Это надо понять.

Вы слушаете меня. Если вы пришли просто из любопытства, вы поймете все поверхностно. Если вами движет интеллектуальное любопытство, вам интересно узнать, что я говорю, тогда вы поймете

все поверхностно, вы совсем не сможете понять, что я говорю. Если вам пришлось много страдать в жизни, если вы здесь из-за ваших страданий, если вы хотите понять, как преодолеть их, тогда то, что я говорю, проникнет глубоко. Страдание наделяет вас глубиной. Страдание ведет вас к центру.

Если вы любите меня, если вы эмоционально связаны со мной, тогда вы проникнете еще глубже. Потому что, когда вы любите человека, вы слушаете его сердцем, не головой. А голова — самая непригодная вещь на свете, мусор, просто корзина для мусора — ничего больше. Все, что вы продолжаете собирать в голове, — мусор. Мусор никогда не попадает в сердце, он скапливается в голове. Только самое существенное проникает в сердце.

Поэтому, если вы просто любознательны, если вы здесь из любопытства, вы будете слушать меня поверхностно. Это ничего вам не даст. Если вас привело сюда страдание, если вы не просто любознательны, а знаете жизнь, вы много страдали, к вам пришла зрелость, и вы действительно хотите трансформироваться, тогда вы будете слушать меня из самой своей глубины.

Но глубина может становиться еще глубже. Если вы любите меня, если у вас есть доверие, вы будете более открыты, потому что только доверие может помочь открыться; иначе вы всегда испуганы, вы всегда закрыты. Когда вы тотально открыты — вы страдали, жизнь дала вам глубину, и теперь вы доверяете, вы тотально открыты — тогда все сразу идет к самому сердцу. Вы никогда больше не будете прежним, однажды услышав это.

Гутей узнал об этом... Мастеру всегда становится известно о том, кто ему подражает. Подражание так заметно, так очевидно. Мне хорошо известно, кто здесь подражатели. Подражателю никогда не обмануть того, кому он подражает. Он может обмануть

кого угодно, но он не может обмануть того, кому он подражает. Его фальшь очевидна.

Люди приходят ко мне, они повторяют мои слова, мои жесты, они думают, что могут обмануть меня. Они могут обмануть других, но они не могут обмануть меня, потому что их слова поверхностны. Вы можете повторять те же слова, в этом нет ничего сложного; повторить слово не проблема, проблема — какую глубину вы вкладываете в эти слова, *то, что* идет из вашего существа. А повторять слова может любой.

Вы можете пропеть всю Гиту, но слова не будут такими, какими были, когда их произносил Кришна. Вы можете повторить всю Библию, но когда эти же слова говорил Иисус, они обладали колоссальной энергией, трансформирующей силой, потому что сам Иисус был в этих словах. В каждом слове все его существо устремлялось навстречу вам. Вы можете использовать те же самые слова... Миллионы христианских священников повторяют с амвонов те же самые слова — Нагорную проповедь — и слова их до того поверхностны, они только наносят вред. Лучше бы они не повторяли этих слов, потому что, когда вы продолжаете повторять определенные слова, они теряют свою магию. Они становятся такими привычными, люди настолько привыкают слышать их, что они становятся бесполезными штампами.

Гутей, конечно же, узнал об этом ученике, подражающем ему, и *...поймал мальчика, выхватил нож, отсек ему палец и выбросил его.*

Слишком жестоко! Но этот человек, Гутей, должен быть, был очень и очень сострадательным. Только из сострадания можно быть таким жестоким. Это трудно понять, потому что мы считаем, что жестокость, безжалостность несовместимы с состраданием. Нет. Не поняв этого, вы не сможете понять просветленного. Просветленный не был бы суров с вами, если бы им не двигало сострадание, иначе зачем бес-

покоиться? Но он будет суров с вами, потому что он беспокоится, потому что он волнуется за вас. Он хочет помочь вам.

Что случилось? Когда он выхватил нож и отрезал мальчику палец, что случилось? Когда мальчик увидел, что мастер выхватил нож, что должно было случиться? Если внезапно кто-либо идет к вам с ножом, что случится? Вы перестанете думать. Вы не сможете думать, это так ново, так непривычно. Старый ум просто остановится, он не сможет понять, что происходит. Никто и предположить не мог, что Гутей принесет нож.

Можете ли вы представить, что я однажды принесу нож? Это было невозможно, непостижимо. А Гутей выхватил нож, и мальчик, должно быть, был в шоке. Мышление остановилось. Это был шок. И исходил он от Гутей, это невообразимо. Мальчик даже представить не мог... а Гутей не просто выхватил нож, но еще и отсек палец.

Когда Гутей отрезал палец, когда палец был отсечен от руки, что происходило у мальчика внутри? Впервые в жизни он был бдителен без мыслей. Он не мог оставаться спящим в такой момент. Кто может оставаться спящим, когда кто-то отсекает твой палец? Вы не смогли бы остаться спящим. Боль была настолько невыносима, страдание было настолько невыносимо, что в одно мгновение мальчик пережил трансформацию. Он перестал быть ребенком, он стал зрелым.

Это может случиться в один миг, это может не случиться и в течение многих жизней. Подражательство должно быть сурово отсечено. Палец — просто символ. Мальчика необходимо было жестоко ранить, страдание должно было проникнуть к самым корням его существа, и оно должно было быть настолько неизведанным, чтобы он не смог вывести из этого никакой теории. Чтобы он не мог думать об этом, не мог

размышлять. И мальчик был в шоке. Его ум застыл. Должно быть, он впервые в жизни взглянул на все новыми глазами, безо всяких мыслей. Боль была настолько сильной и настолько неожиданной, что она, должно быть, проникла в самое сердце.

Помните, удовольствие никогда не затрагивает так глубоко, как боль. Удовольствие никогда не проникает глубоко. Оно не может проникнуть, сама природа удовольствия поверхностна. Поэтому люди, которые проводят свои дни в одних удовольствиях, всегда остаются поверхностными, неглубокими. Вы не сможете найти глубину в богатом человеке — это сложно. Вы можете найти глубину в бедняке, вы можете и не посмотреть на бедняка, потому что вы думаете, что он бедняк, но не будьте настолько зациклены на своих понятиях. Когда мимо проходит бедняк, взгляните! Он много страдал, он перенес много боли, а боль наделяет глубиной. Богатый человек всегда поверхностный, неглубокий, он жил в свое удовольствие. Удовольствие никогда не проникает глубоко.

В этой притче страдание от боли было настолько сильным и настолько внезапным, что ум перестал ходить по кругу и сердце испытало потрясение.

Когда мальчик, рыдая, побежал прочь, Гутей крикнул: «Стой!»

Это то, что я говорю вам. Но вы должны быть в страданиях и рыданиях, только тогда это «Стой!» обретет смысл. Мальчик побежал, рыдая и страдая от боли, а Гутей крикнул: «Стой!» Если крикнуть «Стой!» в правильный момент, оно проникает глубоко.

Вдруг он остановился! Что случилось в этот момент? Боли больше не было. Если вы резко остановитесь, все внимание переключается на крик «Стой!».

Тело осталось позади, вы становитесь бдительным. А когда вы настолько бдительны, тело не может беспокоить, тело не может отвлекать. Пальца не было, кровь текла — боль осталась, но это «Стой!» притянуло все его внимание к мастеру.

Когда внимания нет, нет и боли. Боль существует не в теле, а во внимании. Если вы больны и лежите в постели, что вы делаете? Вы постоянно сосредоточиваетесь на своей болезни. Вы подпитываете ее. С этим надо что-то делать, потому что это стало настоящей проблемой во всем мире.

Когда бы вы ни заболели, доктора предлагают «лечь в постель и отдохнуть». Но что вы станете при этом делать? Вы будете концентрироваться на боли и тем самым подпитывать ее. Внимание подпитывает боль. Вы постоянно думаете о ней, это становится мантрой, ритуальным внутренним песнопением: «Я болен, я болен. То не так и это не так». Одни жалобы — вы снова и снова исследуете свое тело вдоль и поперек, пытаясь выявить, что не так. Это становится навязчивой идеей, патологией. Это может стать продолжением болезни. Болезнь гипнотизирует вас.

Если слишком много внимания уделять болезни, вы становитесь жертвой гипноза. Если вы постоянно жалуетесь на что-либо, получается замкнутый круг: вы жалуетесь на что-то, тем самым привлекая это, потому что любая жалоба означает, что вы снова уделяете внимание, снова внимание. Все многократно повторяется.

Я слышал — и это происходило много раз — один человек был болен, парализован; пятнадцать лет он лежал без движения. Вдруг однажды ночью дом загорелся. Кругом огонь, дом горит, все бросились из него. Больной забыл, что он парализован, и тоже побежал из дома. Только снаружи, когда его домочадцы, увидев, как он бежит со всех ног, воскликнули: «Что такое! Ты же парализован!» — он упал.

Что случилось? В момент особенного напряжения — пожар в доме — больной забыл на время, что он парализован. Если вы можете забыть про свою болезнь, она проходит быстрее, чем от любых лекарств. Если вы не можете про нее забыть, если вы постоянно лелеете ее, то вы постоянно бередите рану. Чем больше вы ее бередите, тем глубже она становится.

Что случилось, когда Гутей крикнул: «Стой!»? Мальчик посмотрел на Гутея, рыдания прекратились, боль исчезла, словно палец и не был отсечен.

Мальчик остановился, обернулся и посмотрел на мастера сквозь слезы.

Его глаза были полны слез, он рыдал. Но в этот миг перестал! Боль исчезла, однако слезы не могут исчезнуть так быстро — они еще стояли в глазах.

Гутей показал ему свой палец.

Мальчик хотел показать ему свой, но, осознав, что пальца больше нет, поклонился.

В тот же миг он достиг просветления.

Гутей показал ему свой палец — вот тот самый значимый момент появления осознанности, величайший символ, ситуация, созданная мастером. Ума больше нет, боль исчезла, потому что внимание переключилось... как если бы у мальчика перехватило дыхание. «Стой!» — и дыхание остановилось, мышление остановилось, он забыл, что у него больше нет пальца. По привычке, когда мастер поднял свой палец, он поднял свой — которого больше не было. Это показывает, что он полностью забыл, что случилось.

В этот момент он не был телом, иначе как вы можете забыть? Боль, отсеченный палец, текущая кровь, глаза, все еще полные слез, всего мгновение назад он рыдал... Это «Стой!» сотворило чудо.

Мальчик остановился, обернулся и посмотрел на мастера сквозь слезы.

Гутей показал ему свой палец.

Только по привычке он поднимал палец всякий раз, когда мастер разъяснял учение дзен. Он мог стоять сбоку или сзади, и когда мастер поднимал свой палец, он делал то же самое. Он уже делал это автоматически. Тело — это автомат, машина, оно механистично.

Мальчик хотел показать ему свой, но в тот момент, когда осознал, что пальца больше нет...

И тут он увидел, что пальца больше нет, —

он поклонился.

Что случилось? Почему он благодарно поклонился?.. Потому что впервые осознал, что он не тело. Он — бдительность, не тело; он — осознанность, не тело; он — сознательность, не тело. Пальца больше нет, боль исчезла, рыдания закончились. Мысли не крутятся вокруг раны, он больше не концентрируется на этом. Он больше не тело, он не телесный. Он вне своего тела. Впервые он осознал, что он — душа, сознательность, а тело — просто дом.

Вы — не тело, вы в нем, но вы не тело. Если ваше внимание сможет достичь такой глубины, вы осознаете, что вы — не тело. И когда вы осознаете, что вы — не тело, вы поймете, что вы бессмертны. Кто может отсечь ваш палец? Как единое может быть жестоким к вам? Никто не может разрушить вас. Вот почему он поклонился мастеру с глубокой благодарностью: «Ты подарил мне возможность познать глубочайший уровень моего существа, его бессмертие».

В тот же миг он достиг просветления.

Что такое просветление? Приближение к пониманию, приближение к осознанию, что вы не тело. Вы свет, не лампа. Вы не тело и не ум. Ум принадлежит телу, ум не за пределами тела, он часть тела — самая тонкая, самая изящная, но часть тела. Ум точно так же состоит из атомов, как и тело. Вы ни тело, ни ум — только так вы придете к осознанию, кто вы. Осознание того, кто вы, — и есть просветление.

Когда Гутей отсек палец ученику, ведро, старое ведро упало, разбилось, вода вытекла — ни воды, ни луны! Ученик стал просветленным.

Но Гутею нужно было выбрать правильный момент. Долгие, долгие годы этот юноша повторял его жест. Он ждал, ждал. Вы не можете ускорить наступление правильного момента, он приходит, когда пора. Вы растете навстречу ему, вы ощупью продвигаетесь навстречу ему, а мастер ждет. Когда он приходит, когда он здесь, что угодно может стать стимулом, что угодно. Даже крик «Стой!» — и старое ведро разбито. Вдруг отражения исчезли, потому что воды нет. Вы смотрите на настоящую луну, вы просветленный.

Просветление означает, что вы осознали, кто вы.

Достаточно на сегодня.

Глава 6

Не пора ли
вернуться?

Токусан изучал учение дзен под руководством Рютана. Однажды ночью Токусан пришел к Рютану и задал ему множество вопросов.

Учитель сказал: «Темнеет — не пора ли вернуться?»

Токусан поклонился, и когда он открыл дверь, чтобы выйти, то отметил: «Снаружи очень темно».

Рютан предложил Токусану зажженную свечу, чтобы тот мог найти дорогу, но едва Токусан взял свечу, Рютан ее задул.

В этот миг ум Токусана открылся.

Токусан изучал учение дзен под руководством Рютана. Однажды ночью Токусан пришел к Рютану и задал ему множество вопросов.

Первое, что необходимо понять: вы не можете изучать дзен. Это невозможно. Вы можете *быть* в нем, но вы не можете его учить, потому что дзен, *дхьяна*, — не предмет изучения, это образ жизни. Дзен — это то, как вы живете. Вы не сможете постичь дзен через писания, не сможете постичь дзен, обучаясь у кого-то. Никто не сможет обучить вас, это не то, чему учат. Это не то знание, которое передается. Это образ жизни. Вы можете позволить себе двигаться в него, вы можете плыть в него, вы можете быть восприимчивым к нему, открытым для него — вот чем нужно заниматься с мастером.

Вы не можете учиться, вы лишь можете позволить себе заразиться им. Это что-то вроде вируса. Если вы восприимчивы, вы поймаете его. Достаточно просто жить рядом с мастером: открыться, не сопротивляться, быть с мастером; есть моменты, когда вы безмолвны... вы сможете распознать их.

В этой истории говорится, что Токусан изучал дзен... Значит, он выбрал неправильный путь. Никакой университет не предложит вам курс религии. Они предлагают, но то, чему они вас учат, совсем не религия. Это может быть курс истории религии, но это не религия. Это может быть философией религии, но это не религия. Они могут помочь вам изучить Коран, Библию, Гиту, но это не религия. Они могут говорить об Иисусе, Будде, Кришне, вы узнаете много, но упустите самую основу, самую суть.

Поэтому первое, что надо понять: никто не объяснит вам, что такое дзен, что такое дхьяна. Вы мо-

жете изучить это, но никто не сможет научить вас этому. Я постоянно говорю, что ученики есть, а мастеров нет, потому что мастер абсолютно ничего не может сделать. Он не может дать вам это, он не может научить вас этому. Что он может? Если бы он мог научить, он бы сделал это. В этом случае одного Будды было бы достаточно, чтобы сделать весь мир просветленным. Но было много будд, а мир все тот же. Определенно, сделать ничего нельзя. Предмет настолько тонок, настолько неуловим, что если вы попытаете передать его ученику, то во время передачи его и не станет.

Я слышал...

Один христианский священник послал своему другу в подарок Библию, он очень красиво ее упаковал. Когда он пришел на почту, служащий в окошке спросил: «Есть там что-нибудь хрупкое, что может разрушиться-нарушиться?»

Священник рассмеялся и ответил: «Да, десять заповедей».

Религия настолько неуловима, настолько хрупка, что никакая упаковка не сможет защитить ее. В тот миг, когда вы передаете ее, она уже мертва. Она живет своей внутренней жизнью. Она живет в Будде, в мастере. Он не может передать ее вам, но вы можете открыть себя для нее.

Это подобно солнцу, встающему рано утром. Солнце не может дать жизнь цветку — нет! Но цветок открывается ему навстречу и впитывает его, открываясь. Если цветок останется закрытым, солнце ничего не сможет сделать. Солнце не может постучать в дверь, не может принести свет, не может подарить энергию и жизнь — нет! Солнце пройдет стороной. Будда приходит, я здесь, я с вами, вы можете открыться. Но если вы остаетесь закрытыми,

ничего нельзя будет сделать. Вот почему это только ваше дело, все полностью зависит от вас, научитесь вы или нет, но это не учеба.

Учеба — это мертвая вещь, интеллектуальная. Познание живое: оно не из головы, оно из сердца. Вы познаете сердцем, а учитесь — головой. Когда вы учитесь, вы становитесь великими учеными. Сходите и посмотрите на великих ученых, все университеты заполнены ими, вы не найдете людей, более мертвых, чем они. Они уже почти в могилах, они уже почти там! Они никогда не жили, они настолько одержимы словами, что пренебрегли жизнью.

Они могут говорить о любви, но они никогда не любили. Они не могут себе этого позволить — это так рискованно, а они так много знают об этом, что не могут предпринять этот опасный шаг. Они говорили о медитации, читали о ней, но они никогда не медитировали. Ведь это опасно. Нет ничего опаснее медитации. А ученый всегда в поиске безопасности: безопасных слов, безопасных доктрин, безопасности во всем. Он не игрок, он не может ставить на кон свою жизнь. Но пока вы не поставите на кон свою жизнь, вы не сможете познать.

Это познание идет из сердца, оно как любовь. Вот почему Иисус не уставал повторять, что Бог есть любовь. Не имеет значения, что христиане поняли, вернее, неправильно поняли, будто Бог полон любви. Нет! Это не значит, что Бог полон любви. Это значит, что, если вы хотите постичь Бога, способ тот же, как если бы вы хотели погрузиться в любовь. «Бог есть любовь» значит: дорога, что ведет к храму любви, та же, что ведет к храму Бога. Эти слова указывают на путь — он идет через сердце, не через голову.

Токусан изучал дзен под руководством Рютана — вот в чем он упускал. С самого начала все пошло неправильно, а когда с самого начала все идет неправильно, то и все, что последует, пойдет неправильно.

Всегда помните: первый шаг должен быть сделан правильно. Если первый шаг сделан правильно, тогда половина пути уже пройдена, он почти завершен. Потому что, если первый шаг сделан правильно, все, что за ним последует, последует автоматически, и вы достигнете цели. Поэтому не идите к мастеру учиться, идите познавать. Если вы идете учиться, мастер научит вас, но самому важному нельзя научить. Идите познавать.

В чем разница между этими двумя подходами? Разница огромная: когда вы идете учиться, вы хотите большего знания; когда вы идете познавать, вы хотите большего бытия — это не знание. Когда вы познаете, ваше *бытие* расширяется. Когда вы учитесь, расширяется ваша память. Когда вы учитесь, ваше знание становится все больше, и больше, и больше. Когда вы познаете, *вы* становитесь все больше, и больше, и больше — а это абсолютно разные вещи.

У человека может быть колоссальная память, он может много знать, но глубоко внутри своего существа он совершенный бедняк, нищий, не имеющий ничего. Он может обманывать себя, что он знает так много, но знания не помогут. Пока вы *есть*, знания бесполезны. Только существо помогает.

Если вы умираете, что с вами остается: ваши знания или ваше существо? Что поможет? Что станет мостом? Что вы возьмете с собой за пределы смерти? Знания? Мозг остается, потому что мозг — часть тела. Только ваше существо последует за вами. Но вы никогда не смотрели на него, оно оставалось в нищете и голоде — вы никогда не кормили его.

Познание из существа, знания только из памяти, из ума. Университеты могут дать вам знания, преподаватели могут дать вам знания, но только просветленный может позволить вам, может помочь вам приобрести больше существа. Вы можете принять эту помощь, но последний шаг зависит от вас.

Если вы идете учиться, вы упустили первый шаг. А первый шаг очень важен, потому что первый шаг в конечном счете становится последним. Семя очень важно, семя — это первый шаг, оно станет деревом. Может пройти много лет, прежде чем оно зацветет, но если вы посадили неправильное семя, то даже миллионы жизней не помогут. Токусан ошибся с самого начала — он учился.

Учась, он больше интересовался писаниями, не самим мастером. Какая глупость! Когда рядом живой мастер, вы увлечены писаниями. Когда повсюду бриллианты, вы цепляетесь за мишуру! Когда рядом живой мастер, вы интересуетесь мертвыми словами.

Однажды ночью Токусан пришел к Рютану и задал ему множество вопросов.

У человека, который пришел к мастеру учиться, всегда полно вопросов, потому что так учатся. Вы должны задавать вопросы, чтобы получить ответы, а потом вы копите ответы и становитесь все более знающими.

У человека, который пришел к мастеру познавать, не учиться, всего один вопрос. И помните, на множество вопросов нельзя ответить, можно ответить только на один. На множество вопросов нельзя ответить, потому что, если вы принадлежите к тому типу людей, которые задают много вопросов, любой ответ, который вы получите, вызовет еще больше вопросов — и больше ничего. Любое объяснение станет источником еще большего количества вопросов.

Вы приходите ко мне и спрашиваете: «Кто сотворил этот мир?» И если я отвечаю: «Бог», — то вы начинаете спрашивать про Бога: «Кто такой Бог? И почему он сотворил этот мир?» И если я отвечаю: «Потому что...» — то вы начнете спрашивать... Каждый ответ будет вызывать все больше и больше вопросов.

Но если у вас всего один вопрос... это очень трудно. Только очень мудрый человек задает всего один вопрос. Остановившись на одном вопросе, вы уже стали зрелым, потому что множество вопросов говорит о вашей пытливости, но один вопрос говорит, что ваше существо подошло к краю. Теперь на кону все: если ответ на этот вопрос найден, найдено все. Это вопрос жизни и смерти.

Один вопрос означает, что вы стали однонаправленным. Один вопрос означает, что вы уже почти единое целое. А когда вы единое целое, вам может быть дан ответ — в ином случае вы не готовы. Ни один мастер не будет тратить время и энергию на вас, если вы задаете много вопросов. Задайте один вопрос!

Но для начала разберитесь, что это за единственный вопрос, это важно. Не перемещайтесь по периферии, идите в центр! На периферии можно спросить о многом, а в центре — только об одном. Когда вы перемещаетесь по периферии, вы продолжаете двигаться по кругу, один вопрос ведет к другому, другой ведет к третьему, и это может продолжаться до бесконечности.

Но в центре существует только один вопрос. На этот вопрос можно ответить, не отвечая. Если вы пришли с одним вопросом, мастер может посмотреть на вас — и ответ станет ясен. Мастер может коснуться вас — и ответ будет ясен. Потому что, когда вы настолько однонаправлены, когда вы настолько живы, ваше пламя горит настолько ярко, ваш ум настолько чист, вы настолько безоблачны, все прозрачно, ясно, горячо — тогда один взгляд мастера может стать ответом, одно прикосновение может стать ответом. Но когда вы переполнены вопросами, даже если мастер будет вбивать в вас ответы, ничего не случится.

Однажды ночью Токусан пришел к Рютану и задал ему множество вопросов.

Эти притчи дзен так прекрасны, в них каждое слово имеет значение. *Однажды ночью...* — не утром — ночью. Утром вы приходите с единственным вопросом, ночью вы приходите со множеством. Утром вы чисты, свежи, молоды. Ночью вы стары, немощны. «*Однажды ночью...*» значит, что вы в темноте, вы бредете вслепую. Даже если вы подойдете к двери, вы не будете в состоянии увидеть ее. Даже если ответ будет дан, он не будет понят.

Ум — это темнота души, это ночь души. Но вы так доверяете этому уму, а он не дал вам ничего, кроме обещаний. Он дает вам одни обещания, в этом его сложно превзойти. Ум не перестает обещать.

Я слышал...

Однажды Мулла Насреддин вернулся домой очень поздно. Он постучал, жена спросила: «Насреддин, который час?»

Насреддин как ни в чем не бывало ответил: «Еще рано, всего одиннадцать пятнадцать».

Жена ответила: «Не лги мне. Я взглянула на будильник. Не одиннадцать пятнадцать, а три пятнадцать. Уже вся ночь прошла».

Насреддин возмутился: «Минуточку! Ты доверяешь старому будильнику за двадцать рупий больше, чем любимому мужу?! Что это за семья? Что ты за женщина?»

Вы всегда верите старому уму за двадцать рупий, купленному в старом магазине подержанных умов. Он даже не ваш! Он был во многих руках, тысячи раз. Что нового в вашем уме? Все старое, подержанное. Что свежего в вашем уме? Что оригинального в нем? Все заимствованное. Когда человек покупает старую-старую подержанную машину, он подумает тысячу раз, покупать ее или нет.

Вы никогда не думаете об уме, что он был использован многими. Все ваши мысли заимствованные,

старые, потрепанные, многие уже отбросили их. Но вы продолжаете им доверять, потому что ум усвоил один трюк, и этот трюк — обещания. Он постоянно обещает: «Я дам тебе все. Тебе нужен Бог? Я дам тебе Бога, только подожди чуть-чуть. Сделай вот это и вот то. Прикладывай усилия, и надейся, и молись, и ты получишь его». Он всегда откладывает. Он говорит: «Завтра это случится». Но завтра никогда не приходит. Завтра не может прийти — все, что приходит, приходит уже сегодня, а все, что делает ум, — переносит все на завтра. Он обещает вам — в будущем. Небеса это, или Бог, или *мокша*, или нирвана — он всегда обещает вам все это «в будущем».

Медитация, дзен ничего вам не обещают. Они просто дают вам все здесь и сейчас. Ум — это отсрочка, он говорит: «Это случится позже. Это случится через какое-то время. Иди, но не торопись, ничего нельзя сделать сразу». Ум говорит: «Нужно время. Дорога долгая. Много должно быть сделано, и пока ты все это не сделаешь, как ты можешь получить то, что ищешь?» Ум всегда разделяет цели и средства.

В действительности, такого деления нет. Каждый шаг — цель, каждый момент — нирвана. Настоящее — это все, что существует. Будущее — самая большая иллюзия, это творение ума. А ты веришь своему уму, и это просто удивительно — ты никоим образом не разочаровался!

Я слышал...

Один человек купил старую машину. Через две недели он вернулся в магазин и спросил продавца: «Скажите, это вы продали мне ту машину?»

Продавец ответил: «Да». Он был слегка испуган и встревожен, потому что знал, какую машину продал.

Покупатель попросил: «Тогда повторите, пожалуйста, те самые слова, которые вы мне сказали пе-

ред тем, как продать эту машину — я так разочарован. Подбодрите меня немного, и я буду заходить к вам время от времени, чтобы получить порцию водущевления».

Вы даже не разочаровались в уме. Вы продолжаете слушать его. А ум — это темнота, темная часть вашего существа, куда не проникает свет. Это ночь.

Поэтому все правильно: «*Однажды ночью Токусан пришел к Рютану и задал ему множество вопросов. Учитель сказал...*»

Он не ответил. Он не ответил ни на один вопрос. Он просто их выслушал.

Учитель сказал: «Темнеет — не пора ли вернуться?»

Послушайте! Столько вопросов было задано, а мастер просто сказал: «Темнеет. Там, куда ты идешь, становится все темнее и темнее».

«Темнеет — не пора ли вернуться?»

Это единственный ответ на множество вопросов: «Не пора ли вернуться?»

Вы — это и вопрос, и его создатель. Вы — это, ум — *ваша* болезнь.

Не пора ли вернуться? Много вопросов было задано, и только один ответ получен, но и этот ответ не может быть понят, потому что тот, кто задает много вопросов, не может понять один ответ.

Его ум не способен понять ничего, что относится к единству. Он способен понимать только множество. «Множество» всегда снаружи, «единство» всегда внутри, потому что центр внутри вас, а периферия снаружи.

Мастер произнес одно из самых прекрасных изречений: «*Темнеет — не пора ли вернуться?*» Оно кажется неуместным. Он должен был отвечать на вопросы... И он *ответил*, потому что он сказал: «Пожалуйста, вернись».

Пока вы здесь, вопросы будут продолжать появляться. Вопросы появляются в уме, как листья появляются на деревьях. И вы продолжаете поливать дерево, и листья продолжают появляться. Естественно, старые листья будут опадать, а новые будут появляться. Мастер может ответить на вопрос: старый уйдет, но придет новый, а затем его место займет следующий. И каждый новый вопрос заводит вас все дальше, потому что старый вопрос — вы им уже пресытились, вы можете отбросить его. Вы достаточно пробыли с ним.

Новый вопрос как новая жена — вы снова влюблены, у вас новый роман, снова поэзия и снова вся эта чепуха. Новая мысль намного опаснее старой, потому что старой вы уже пресытились, она вам уже надоела, вы хотите избавиться от нее. Вот почему ни Будда, ни Рютан, ни подобные им никогда не отвечали на ваши вопросы. Они не хотели предоставлять новые убежища для вашего ума. Они не хотели предоставлять вам новые суррогаты вместо старых.

Будда говорил: «Не спрашивайте, если хотите, чтобы я ответил. Когда вы не спрашиваете, я отвечаю. Если вы спросите — дверь закрыта».

Всем вновь прибывшим Будда настойчиво повторял: «В течение года оставайтесь со мной, ничего не спрашивая. Если вы спросите, вам нельзя будет больше оставаться со мной, вам придется уехать. В течение года просто молчите». И тут речь идет не о внешнем расспрашивании — Будда знает... если вы продолжаете спрашивать внутри, он знает.

Однажды это случилось с Махакашьяпой. Он ни о чем не спрашивал. Великий ученик Будды, он появился всего за несколько месяцев до этого, и Будда сказал ему молчать в течение года, ни о чем не спрашивая. Там же сидели еще несколько учеников. Вдруг Будда спросил: «Махакашьяпа, ты спросил?»

Махакашьяпа ответил: «Я не сказал ни слова».

И другие подтвердили: «Он не сказал ни слова».

Будда сказал: «Загляни в себя. Ты спросил. Ты нарушил обещание».

Махакашьяпа заглянул в себя, поклонился и сказал: «Прости меня». Он *действительно* спросил. Он спросил не так, чтобы вы могли слышать, вопрос появился глубоко внутри него. Даже если вы не спрашиваете, а ум спрашивает, вы спросили, ведь мысль — это едва уловимое действие. Но рано или поздно оно станет заметно. Пузырек возник, рано или поздно он поднимется на поверхность. Вы можете подавить его, но вы не сможете обмануть Будду.

Когда вам будет позволено спросить? Когда не останется вопросов. Это кажется парадоксальным: если нет вопросов, тогда о чем спрашивать? Только тогда вы зададите тот самый единственный вопрос, и сделать это можно без слов. Все ваше существо становится одним вопросом, одним поиском, одним исследованием. Все ваше существо — исследование. И когда вы стоите перед Буддой, и все ваше существо трансформировалось в исследование, жажду, глубокий голод, такой глубокий, что вас больше нет, есть только голод — только тогда Будда сможет насытить вас, только тогда может быть дан ответ. В ином случае, что бы Будда ни говорил, все будет казаться неуместным — и эти истории дзен весьма неуместны.

Существуют миллионы историй дзен, которые абсолютно неуместны. Вы спрашиваете про А, а мастер

говорит про Б — никакой взаимосвязи! Мы не знаем, какие вопросы задавал Токусан. Мы знаем одно: учитель, мастер, ничего на них не ответил. Он только сказал: «Токусан, *темнеет* — не пора ли вернуться?» Вот что такое дзен.

Это все, о чем говорит дзен: *возвращайся!*

Вы еще не достаточно устали от ума? Возвращайтесь! Разве ум еще не достаточно сделал? Разве ум создал не достаточно хаоса внутри вас? Почему вы цепляетесь за него? Какие надежды, какие обещания заставляют вас цепляться за него? Он постоянно обманывает вас. Он говорит: «Твоя цель — это имущество, этот дом, эта машина, эта женщина, эти богатства — все это». И вы устремились туда, а когда добрались, ничего не оказалось в ваших руках, кроме разочарования. Каждое ожидание ведет вас к разочарованию. Каждое желание становится сожалением. А этот ум обещал и обещал вам — и ни одно из обещаний не было исполнено, но вы никогда не скажете уму: «Ты обманщик, остановись!» Вы боитесь сказать это.

Однажды Мулла Насреддин вышел из деревенской таверны, а новый священник увидел его — он проходил в это время неподалеку. Священник воскликнул: «Насреддин, ты же религиозный человек! Что я вижу? Ты был в этом злачном месте? Сын мой, выпивка от Дьявола. Если Дьявол снова позовет тебя туда, откажись. Почему ты не отказался?»

Насреддин ответил: «Ваше преподобие, я бы отказался, но Дьявол может затаить обиду и в следующий раз меня не пригласит».

Вот в чем проблема. Вы бы и рады отказать уму, этот ум никогда ничего не выполнял, но вы боитесь: ум может затаить обиду и больше вам ничего не пообещает. Что тогда?.. Вы не можете жить без

обещаний, не можете жить без надежды — вы так устроены.

Пока вы не готовы жить без надежды, вы не сможете стать религиозным. Даже ваши так называемые религии — не что иное, как надежды, сотворенные умом. Вы готовы жить без надежды? Вы готовы жить без будущего? Тогда нет нужды возвращаться, ум удалился сам. Тогда нет цепляния за ум. Но вы боитесь — ум может затаить обиду. Ум — это Дьявол, и он может больше ничего не предложить, что вы тогда будете делать?

Ко мне приходят люди, которые думают, что их поиск религиозен, а их поиск все еще от ума. Они все еще бродят по темным долинам ума, они все еще слушают ум, они надеются. Они связывают надежды с деньгами — эти надежды не сбываются. Они связывают надежды с сексом — и эти надежды не сбываются. Они связывают надежды со многими, многими вещами, но они не сбываются. Теперь они надеются на медитацию, теперь они надеются на мастера — их надежда жива. Запомните как следует: если вы *надеетесь* на меня, вы упустите *меня*. Я не могу оправдать ваши надежды.

Почему не отбросить все это? Почему вы надеетесь? Почему так происходит? Неудовлетворенность превращается в надежду, это обман. Так как здесь и сейчас вы находитесь в таком неудовлетворенном состоянии, в таком страдании, что вам просто необходима надежда на лучшее будущее. Эта надежда поможет вам двигаться дальше. Вы как-нибудь перетерпите настоящее... надежда — анестезия. Настоящее убого, мучительно, надежда — это алкоголь, это наркотик, она делает вас в некоторой степени бессознательным, в силу чего вы можете перетерпеть настоящее.

Надежда означает, что здесь и сейчас плохо. Вы когда-нибудь пробовали посмотреть на всю ситуацию

в целом? В первую очередь, почему вам плохо здесь и сейчас? Почему? Потому что вы надеялись в прошлом, вот почему здесь и сейчас вам плохо. Сегодня было *завтра-вчера*. Вчера вы надеялись на сегодня, потому что тогда это было завтра. Сейчас эти надежды не оправдались, поэтому вы несчастны, разочарованы. Чтобы укрыться от этого страдания, как-то пережить этот день, вы снова надеетесь на завтра.

Вы в своей колее, да еще в такой колее, что вам будет очень трудно выбраться из нее. Завтра будет то же самое: вы будете разочарованы, потому что ум обещает, но никогда ничего не выполняет. Иначе не было бы нужды в медитации...

Если бы ум мог выполнять свои обещания, тогда все медитирующие были бы глупцами, все просветленные были бы дураками.

Нет никакого другого рая, сегодня — это и есть нирвана. Если бы вы не слушали ум... Просто не слушайте ум, и тогда страданиям конец, потому что страдания не могут существовать без ожиданий и надежд. А когда страдания живы, вам нужно больше надежд, чтобы заслониться от них, чтобы как-то выжить. Живите без надежд — тогда вы будете подлинным, тогда вы вернетесь.

Эти слова прекрасны. Мастер сказал: «Темнеет — не пора ли вернуться? Не достаточно ли уже этой ночи? Не достаточно ли уже вы слышали от своего ума и слушали его? Выходите уже из него. Не слушайте его больше. Возвращайтесь!»

Но Токусан понял его неправильно, ведь человек, наполненный множеством вопросов, не может понять ответ. Из сострадания Рютан дал ответ, но ученик понял его неправильно — ученики часто понимают все неправильно.

О чем он подумал? Он подумал о том, что снаружи ночь... а она была совсем не при чем. Мастера никогда не говорят о том, что снаружи, они всегда говорят о

том, что внутри. Мастер говорил о темной ночи внутри, а ученик подумал: «Да, темнеет». Он выглянул наружу — он посмотрел на периферию. А мастер говорил о центре. Мастер говорил на языке внутреннем, а ученик понял на языке внешнем. Но язык внутренний невозможно перевести на язык внешний. Нет, не получится перевести. Либо вы понимаете, либо вы не понимаете — перевести нельзя.

Можно перевести с хинди на английский, а с английского можно перевести на китайский, но религию нельзя перевести ни на один язык. С внутреннего языка нельзя перевести на внешний. Почему можно перевести с китайского на английский? Потому что оба языка внешние, они оба находятся на периферии.

«Не пора ли вернуться?»

Так сказал мастер.

Токусан поклонился, и когда он открыл дверь, чтобы выйти, то отметил: «Снаружи очень темно».

Он подумал, что понял. Он поклонился: «Да, уже поздно, темнеет, пора идти спать».

Мастер же, говоря это, имел в виду, что пора пробудиться. Для человека, который знает внутренний язык, «вернуться» означает «пора выйти из сна, из ума», потому что ум — это сон.

Вы слышали про сонную болезнь? Ум и есть эта болезнь, это глубокий сон. Даже когда вы не спите, он не разрешает вам пробудиться, вы пребываете в глубоком сне, это сомнамбулизм. Вы делаете все механически, автоматически, как машина. Вы как автомат; вы едите, вы разговариваете, вы что-то делаете, но не думайте, что вы бодрствуете. Вы не пробуждены.

Есть много видов сна: иногда вы спите с закрытыми глазами, иногда вы спите с открытыми глазами. Иногда вы спите в постели, иногда вы спите в храме, иногда на улице. Иногда вы спите прямо в магазине. Иногда вы спите со сновидениями, иногда вы спите с размышлениями — но все это разновидности сна.

И утром вы не становитесь пробужденными. С утра начинается новый вид сна, сон с открытыми глазами: мечты плывут, мысли текут, вы исполняете ритуал. Пробуждение не нужно для исполнения каждодневного ритуала. Вот почему никто не любит, чтобы что-то новое случалось каждый день — потому что, если что-то новое случится, вам придется пробудиться. Во всем старом, в рутине вы можете двигаться, не пробуждаясь, — нет необходимости. Если за семьдесят лет жизни вы пробуждались хотя бы на семь секунд, это уже очень много. Вот почему, когда Сиддхартха пробудился, его стали называть Буддой, пробужденным. Это такое редкое явление — пробудиться.

Мастер имел в виду: «Вернись из ума, чтобы ты мог пробудиться». Ученик понял по-своему. «Действительно, — сказал он, — очень темно снаружи, пора идти спать. Пора возвращаться». Вот так, когда бы мастер ни открывал истину, она искажается в уме ученика.

Токусан поклонился...

...чтобы поблагодарить мастера за то, что он верно заметил, что уже глубокая ночь...

и когда он открыл дверь, чтобы выйти, то отметил: «Снаружи очень темно».

Рютан предложил Токусану зажженную свечу...

Мастер предложил ученику зажженную свечу.

...чтобы он мог найти дорожку, но едва Токусан взял свечу...

Он собирался выйти.

Рютан ее задул.

В этот миг ум Токусана открылся.

Что случилось? Рютан предложил Токусану зажженную свечу. Он сказал: «Верно, снаружи очень темно, возьми эту зажженную свечу, чтобы видеть путь».

Свеча нужна снаружи, не внутри, потому что как вы можете взять свечу внутрь? Для внутреннего не нужен свет из внешнего. Мастер не может дать вам свет, который осветит вас внутри.

На самом деле, внутри всегда горит свет. Он там, но вы продолжаете выглядывать наружу. Если вы заглянете внутрь, вы увидите свет. Он всегда был там. Вы никогда не упускали его ни на миг. Вы не можете упустить его. Это ваше Дао, ваша природа, сама ваша душа — не нужна никакая свеча для внутреннего, никакая свеча не может попасть внутрь. Но для внешнего свеча нужна.

Поэтому помните: все те, кто предлагает вам взять что-либо в дорогу, все эти свечи могут быть использованы только снаружи. Они могут осветить ваш путь к мирскому, но никогда — к Богу.

Увидев, что ученик не понял, мастер попробовал еще раз. Он создал ситуацию, очень редкую ситуацию: он предложил Токусану зажженную свечу.

Токусан задавал множество вопросов, но мастер не предложил ему ни единой свечи для внутреннего освещения — не предложил ответа ни на один вопрос. Он просто сказал: «Возвращайся!» Но если темнота снаружи, можно что-то сделать, можно помочь. Если ваше тело болеет, вы можете найти доктора,

но если ваша душа болеет, ни один доктор не сможет помочь — тогда *вы сами* должны делать что-то. Тогда мастер может лишь подвести вас к тому, что вы сами должны что-то делать, потому что внутрь никто не сможет проникнуть, кроме вас. Если кто-нибудь может проникнуть к вам внутрь, значит, это не внутри — потому что как кто-либо еще может вступить в самый сокровенный храм вашего существования? Там нет пространства — там только вы в своем тотальном одиночестве.

Вот почему Махавира сказал, что даже любовь не может проникнуть туда. Вы тотально один. Махавира использовал слово для обозначения предельного освобождения, предельного спасения, это слово *каивалья*. Каивалья означает абсолютное одиночество. В своем сокровенном существе вы абсолютно один — никто не может войти туда. Даже мастер не может войти туда. Если кто-нибудь может проникнуть туда, значит, это внешнее, тогда это не сокровенная сущность. В центре круга может быть только одна точка, никак не две. Если их две, это не центр. Тогда это часть маленькой окружности.

Вы один в своем глубочайшем существе. Мастер может помочь вам осознать этот факт, и когда вы понимаете это, всякая боль внутри исчезает. Как только вы признаете свое тотальное одиночество, вы освобождаетесь, привязанностей нет — любовь может течь свободно. На самом деле, только *теперь* любовь и может течь, потому что теперь любовь — это не зависимость, вы больше не зависите от других. Если вы зависите от другого, тогда вы будете и противодействовать ему. Вот почему любовники постоянно ссорятся, любовник — враг, возлюбленный — враг. Вы стали зависимы, вы не можете жить без другого, ваша свобода разрушена, а всякая любовь, которая разрушает свободу, рано или поздно превращается в ненависть.

Только та любовь, которая дает вам больше свободы, никогда не превратится в ненависть, она будет вечной. Поэтому только такие, как Иисус, такие, как Будда, могут любить вечно. У них не бывает переменны настроения, гармония сохраняется. Почему? Потому что Будда или Иисус достигли тотального одиночества и приняли этот факт. Это так прекрасно... быть тотально одним, как Эверест.

На самой вершине... вы один. В самом сердце сокровенного существа вы один. Когда вы примете это, тогда любовь может течь, как Ганг, теперь нет никаких тревог, теперь вы можете любить без всяких условий. Теперь вы можете любить, не становясь зависимым и не делая другого зависимым от вас. Теперь любовь может быть свободой.

Мастер помогает вам осознать ваше тотальное, предельное одиночество. Слово одиночество не очень подходит, потому что в нем чувствуется печаль. Но дело не в самом слове, дело в вас. Из-за привычных ассоциаций вы всегда испытываете печаль, когда остаетесь одни.

Это произошло в Японии. Один мастер дзен был непревзойденным садовником. Даже у короля его сад вызывал зависть, и вот однажды к королю пришел придворный и сказал: «Сходите и посмотрите на его сад».

Японцы очень любят цветы ипомеи, и тот человек, который пришел к королю, воскликнул: «Я никогда не видел подобных цветов, их миллионы, весь сад мастера дзен полон цветов. Их благоухание так прекрасно. Поспешите, вы должны видеть это».

Для короля это было слишком — идти и смотреть на сад бедняка. У него был собственный огромный сад — сотни акров оранжерей, сотни садовников работали в них — и он должен поспешить?

Но придворный настаивал: «Возможно, вы такого никогда больше не увидите».

Тогда король сказал: «Отправляйся и передай ему, чтобы ждал меня завтра утром».

Мастеру передали. На следующее утро король прибыл со своей свитой, со своими генералами, с королевой, с наследниками. Столица опустела, тысячи людей собрались вокруг монастыря. Прибыл король, огляделся и сказал: «Что такое? Мне доложили, что здесь миллионы цветов, а я вижу всего одну ипомею в саду».

Мастер сказал: «Да, здесь росли миллионы, но ночью мы их все удалили, потому что мы верим в единственное. И этот цветок самый прекрасный из всех — среди других ты мог бы не заметить его. Поэтому мы удалили все. Только самый лучший, самый прекрасный цветок был сохранен для тебя».

Король опечалился. Он сказал: «Цветок выглядит так одиноко».

Мастер только рассмеялся и сказал: «Он не одинок, он один».

Помните: когда вы достигаете своего сокровенного центра, вы не одиноки, вы один. Это одиночество не пустота — это наполненность. Это одиночество не пустое, оно переполненное. Это одиночество — не ничто, оно — абсолютно все.

Мастер может лишь помочь вам осознать этот факт. Он не может дать вам ничего нового. Он дает только то, что у вас уже есть, что вы уже несете в себе, но никогда не осознавали. Он только обращает ваше внимание на то, что уже есть, есть в вашем существе. Он только помогает вам осознать правду: сокровище спрятано совсем рядом, а вы даже не замечаете его.

Божественность вашего существа уже факт, мастер просто помогает вам осознать его. Это не прорыв.

Рютан предложил Токусану зажженную свечу. Он сказал: «Так и быть. Раз ты не способен заглянуть внутрь и увидеть темноту внутри себя, темноту ума... Я говорю о внутреннем, а ты выглядываешь наружу. Но если ты видишь только это, я дам тебе свечу».

Рютан дал ему... зажженную свечу, чтобы тот мог найти дорогу, но едва Токусан взял свечу... и собрался уходить, покинуть обитель мастера... Рютан задул ее.

Вдруг — темнота! С зажженной свечой было светло. И вдруг — темнота.

В этот миг... что случилось? ...ум Токусана открылся — он стал просветленным.

Что случилось в этот миг? Много всего случилось одновременно. И случилось все в один момент. Ни секунды не было упущено. Свеча была задута, и сразу же, немедленно, ученик достиг просветления.

Что случилось? Первое: вдруг Токусан осознал, что мастер говорил не о темноте снаружи. Вот почему он задул свечу — чтобы показать, что эта свеча не поможет. Он говорил о внутреннем, о темноте внутри. Он говорил не о том, что надо вернуться и лечь спать. Он хотел сделать его бдительным и осозанным. И когда вдруг свет пропал, ум вдруг остановился. Он не мог осмыслить... это было так неожиданно. Мастер дал ему свечу и тут же задул ее. Это противоречило здравому смыслу! Зачем тогда ее давать?

Это было настолько противоречиво, что на мгновение ум перестал думать — так как ум не может думать, наталкиваясь на противоречие. То и дело я протягиваю вам свечу и тут же задуваю ее. Я говорю одно и тут же опровергаю это, чтобы ваш ум не смог ничего подумать об этом, не смог сделать выводы. Если ваш ум сможет сделать выводы, возможность будет упущена. Это было так противоречиво: ночь была темна, мастер протянул свечу, и, едва ученик

собрался уйти, мастер задул ее. Что он имел в виду? Такой непоследовательный!

Просветленные всегда непоследовательны. Последовательность всегда от ума. Вы можете встретить последовательного мыслителя, но не сможете встретить последовательного Будду. Каждое мгновение он ведет себя по-разному, потому что он не опирается на прошлое, он откликается на настоящий момент. А это было настолько неожиданно, что ум не мог сделать никаких выводов — и вдруг повсюду темнота.

Ученик понял, что мастер говорил не о том, что снаружи. Он не говорил о ночи снаружи, он говорил о ночи внутри. Он протянул свечу и тут же задул ее. Он этим сказал, что никакая помощь невозможна внутри. Ты должен сам продвигаться в своей темноте, эти свечи не помогут. Никто не может быть проводником здесь, только знаки...

Говорят, Будда сказал: будды только указывают путь — двигаться должны *вы сами*, они не могут идти с вами. Если они пойдут с вами, вы станете зависимым от них, они станут вашим миром, вашей привязанностью. Они не могут идти с вами. Будды только указывают дорогу, идти должны *вы сами*.

Вдруг стало темно — ум остановился. Ум не смог постичь, не смог определить это непоследовательное поведение. Вдруг его ум открылся. Когда ум не может действовать, когда ум обнаруживает, что что-то невозможно привести в соответствие, объяснить, ум терзается.

Если ум может обнаружить логику, он остается. Поэтому мастер должен быть алогичным, помня о твоём уме. Только тогда возможны прорывы. Сейчас он ведет себя так, а в следующий момент противоречит сам себе. Сейчас он что-то говорит, а в следующий момент он говорит нечто совершенно противоположное. Из-за этого вы не можете выстроить никакую систему.

Вот почему, когда Будда умер, возникло множество систем: каждый стал создавать свою собственную систему. Будда был непоследователен, он не был создателем систем, у него было множество противоречий. Поэтому все — философы — взялись за дело, и теперь в буддизме множество различных философских систем. В этих философских системах они отбросили противоречия и создали логическое целое.

Но когда вы отбрасываете противоречия, вы отбрасываете и Будду, потому что он весь — в своих противоречиях. Он весь — в прорывах. Он шокирует ваш ум. Это шок: Токусан в этот самый момент вдруг стал бдительным. Он не мог предвидеть этого. Если ум сможет предвидеть что-либо, это не будет шоком. Если я повторю это с вами... если я дам вам свечу этой ночью, а вам хорошо известна эта история, а потом задую ее — ничего не случится, потому что вы ожидаете этого.

Этот прием не может быть использован снова, невозможно использовать его снова. Вот почему всегда нужны новые будды, так как старые будды... ваш ум уже впитал их, он хорошо осведомлен. А новый будда может все сделать с точностью до наоборот. Он может дать вам свечу и не задувать ее, и вы пойдете в ночную тьму с этой свечой, не переставая думать: «Что случилось? История кажется незавершенной». Новый будда должен предложить новые приемы, новые методы, новые техники, потому что ваш ум очень хитер: узнав что-то, он все делает частью этой системы.

В этот момент ум Токусана открылся. А когда ум открыт, вы становитесь просветленным. Ум — это закрывание, ум — это закрытая дверь. А существо — открытая дверь, в этом единственное различие. Ум открыт — вы существуете; ум закрыт — вы прошлое, память, не живущая, не живая энергия. Ум закрыт, вы можете смотреть только наружу, потому что как

вы можете заглянуть внутрь? Ум закрыт, дверь закрыта. Только когда ум открыт, вы можете заглянуть внутрь.

Заглянув внутрь, вы тотально трансформируетесь. Достаточно единственного мимолетного взгляда внутрь — и вы уже никогда не будете прежним. Вы можете двигаться, вы можете смотреть наружу, вы можете путешествовать; вы можете быть хозяином магазина, вы можете быть служащим, вы можете быть учителем в школе, вы можете быть мясником — вы можете быть тем, кем вы были раньше, но ваше качество поменялось.

В дзен говорят, что до того, как человек становится просветленным, реки — это реки, а горы — это горы. Затем, когда человек становится ищущим, реки — не реки, горы больше не горы — все в смещении, хаос. А когда человек становится просветленным, реки снова реки, горы снова горы.

Люди дзен говорят, что просветленный человек живет так же, как и любой обычный человек — внешне никакой разницы. Он ест, когда голоден, спит, когда устал, — внешне никакой разницы. Только природа существа, качество существа изменились: теперь его ум открыт. Он может смотреть наружу, но он остается внутри. Он может передвигаться в мире, но мир не может передвигаться в нем. Он остается в мире, но мир больше не является частью его существа. Он может делать все, что необходимо, но он никогда не привязан. Он и не отчужден, нет — он не привязан и не отчужден. Мир стал сном, мир стал пьесой, игрой. Он больше не реален, он больше не материален. Если просветленному приходится быть мясником, он останется мясником, он вынесет это до конца.

Дзен говорит, что обычный ум — это просветленный ум, с одной лишь разницей: ум открыт, дверь открыта, ум бдительный, пробужденный. Сон завершен.

Вы больше не под воздействием гипноза, вы больше не под воздействием наркотиков. Вы бдительны.

Если вы слишком стараетесь изменить внешнее, это показывает, что вы все еще привязаны. Когда человек старается быть отчужденным, это показывает привязанность. Зачем думать об отчуждении, если вы не привязаны? Если мужчина избегает женщин, это значит, что секс все еще наваждение. Иначе зачем избегать женщин?

Если человек избегает рынка, перебирается в Гималаи, значит, он так или иначе все еще на рынке, или рынок в нем. Он по-прежнему напуган, а страх всегда показывает, что вы не изменились. Напротив, просветленный человек вел бы себя так обычно, как все остальные. Даже еще более обычно, чем все остальные! Необычайно обычно! Почему? — потому что он не выставляет себя напоказ. Он может быть вашим соседом напротив, и вы можете даже не знать его, потому что ваше внимание привлекают необычные люди.

Если человек остается в одном положении годами, вы отправитесь в путь... преодолете огромное расстояние. Это будет настоящим паломничеством, потому что вы собираетесь посмотреть на человека, который не меняет положения десять лет. Возможно, это подвиг, но он ни о чем не свидетельствует. Это всего лишь еще одна демонстрация эгоизма, жизнь напоказ. Вы можете пойти и преклониться перед человеком, который голодает, ведь сами вы не способны голодать. Этот человек достиг своей цели, а вы не можете достичь ее. Вы чувствуете превосходство этого человека. Вы преклоняетесь, потому что в глубине души вы хотите быть таким же — незаурядным. Вы хотите каких-то способностей, чего-то выдающегося, а этот человек уже достиг.

Человек соблюдает *брахмачарью*, целибат. Вы испытываете благоговение, вы глубоко впечатлены,

поражены, потому что вы не можете жить без женщины, а этот человек может. Он осуществил желание, которое вы лелеете глубоко внутри, желание жить без женщины, потому что женщина — это зависимость. Вы чувствуете, как она оплетает вас, она овладевает вами. Вы не можете вырваться из этих пут, вы боитесь женщин.

Один человек спросил Насреддина: «Эй, Насреддин, что ты так рано сегодня?» — тот собирался покинуть таверну.

Насреддин ответил: «Каждый день одна и та же проблема. Моя жена».

Человек спросил его: «Ты что, боишься своей жены? Мужчина ты или мышь?»

Насреддин подтвердил: «Я мужчина».

Тогда тот человек спросил: «Тогда что же ты так рано собрался, раз ты мужчина? Ты уверен, что ты мужчина?»

Насреддин ответил: «Я уверен, абсолютно уверен в этом, ведь моя жена боится мышей. Я уверен, что я мужчина. Я боюсь ее, она боится мышей. Вот если б я был мышью!»

Жена, муж, семья, работа, ответственность, мир — все вокруг становится бременем, путами, связывающими вас. Вы чувствуете себя лишенным свободы, заключенным. И перед человеком, который оставил все, который пребывает в своем величественном одиночестве, не обремененный ни женой, ни детьми, ничем не обеспокоенным, ничего не боящимся, — перед таким человеком вы преклоняетесь, потому что вы чувствуете: «Вот цель. Это то, чего бы я тоже хотел достичь».

Но этот человек — ваша противоположность. Он может стать мышью, а вы можете оставаться мужчиной, жена может бояться его, но ничего не изме-

нится. Он просто ваша противоположность. Он так же скрывает те же страхи. Он так же скрывает те же желания, просто он двигается в противоположную сторону. Он плывет против течения, вот и все — но поток тот же, борьба продолжается. Он может быть более бесстрашным бойцом, чем вы, или более глупым бойцом, чем вы, — потому что глупые люди всегда бесстрашны, и они гораздо легче плывут против течения, чем все остальные. Дураки могут сделать то, что умные люди никогда сделать не смогут.

Дураки могут зайти даже туда, куда ангелы боются заглядывать. Поэтому, если вы увидите среди монахов в монастыре, среди саньсяинов, среди так называемых *садху*, недалеких людей, это нормально. Загляните им в глаза, вы не увидите там света разума, вы не увидите ясности, вы не увидите огня. Вы увидите бессодержательных, идиотичных людей, тупоумных тупиц! Они могут легко проделать все что угодно. Они могут стоять на головах, в позе *сиришасана*, они могут делать это годами, но *они* не изменились, трансформация не случилась.

Дзен говорит, что обычный ум — это просветленный ум. Вы никуда не идете, обычный мир — рай. Здесь и сейчас, все есть. Вам не нужно никуда идти.

У человека, чей ум открыт, жена исчезает. Не то что он уходит, бежит от жены — просто жена исчезает, рядом — прекрасное существо. Когда нет жены, рядом прекрасное существо. Когда вы превращаете это существо в жену, мужа, это ужасно. Есть друг, прекрасный любящий друг — а в результате вражда. Это ваш ум, закрытый ум создает проблемы, не жена.

Впервые в жизни вы осознаете красоту мира... все юное, свежее и живое, и Бог здесь! Если вы думаете, что Бог где-то еще, вы все еще слушаете ум, это его слова: «Где-то еще, где-то еще. *Никогда* здесь», — а он всегда здесь.

Медитация открывает вам «здесь и сейчас». Тогда обыкновенный ум становится самым необыкновенным, и обыкновенная жизнь становится предельной, идеальной. Единственное различие в том, закрыт ум или открыт.

Когда есть мысли, ум закрыт. Когда мыслей нет, облаков нет, ум открыт. А когда ум открыт, старое ведро падает, вода выливается, отражения исчезают — ни воды, ни луны.

Достаточно на сегодня.

Глава 7

Будда с черным носом

Одна монахиня, которая искала просветления, сделала деревянную статуэтку Будды и позолотила ее. Статуэтка получилась очень красивая, и монахиня всегда брала ее с собой, куда бы она ни направлялась.

Прошли годы, монахиня устроилась при небольшом деревенском храме, где было много изваяний Будды.

Каждый день она курила ароматом перед своим золотым Буддой, но ей не нравилось, что ее благовония достаются и другим статуям, поэтому она придумала такое устройство, через которое духам доходил только до ее Будды.

Из-за этого нос позолоченной статуэтки почернел, что сделало ее чрезвычайно уродливой.

Одна из самых серьезных проблем, с которой обязательно столкнутся все, кто следуют пути, — провести четкое различие между любовью и привязанностью. Кажется, что это одно и то же — но это не так. На самом деле, даже ненависть больше похожа на любовь, чем привязанность. Привязанность прямо противоположна любви, ее подлинная сущность — ненависть, но она выступает под личиной любви и убивает ее. Нет сильнее яда, чем привязанность, чувство собственности. Попробуйте понять это, и мы приступим к чудесной истории о Будде с черным носом.

Подобное случалось со многими, это происходит и с вами, потому что ум совсем запутался между привязанностью и любовью. И те, кто смотрит на вещи извне, всегда становятся жертвами. Привязанность принимается за любовь, а если вы однажды приняли привязанность, чувство собственности за любовь, вы всегда будете упускать истинную суть. Вы выбрали фальшивую монету. И теперь вы и не посмотрите на настоящую монету, так как думаете, что уже нашли настоящую. Но вы обманулись.

Чувство собственности, привязанность — это фальшивая любовь. Уж лучше ненависть, потому что она хотя бы реальна, по крайней мере, она действительно есть. В любой момент ненависть может стать любовью, но чувство собственности никогда не превратится в любовь. Вы должны отбросить его, чтобы прорасти в любовь. Почему привязанность

производит впечатление любви? В чем разница? Понять это сложно.

Любовь значит, что вы готовы раствориться в другом. Это смерть, полное, насколько это возможно, исчезновение; глубочайшая, насколько это возможно, пропасть, в которую вы падаете, и падаете, и падаете без конца. У нее нет конца, у нее нет дна, это бесконечное падение в другого. Оно никогда не заканчивается. Любовь значит, что другой стал настолько важен, что вы можете потерять себя. Любить — значит сдаться, сдаться безоговорочно, безусловно, так как если есть хоть одно условие, тогда важнее вы сами, а не другой, тогда вы — центр, а не другой. А если вы центр, то другой — средство. Вы используете другого, эксплуатируете другого, получаете удовлетворение, наслаждение с помощью другого, но цель — вы. А любовь говорит: сделай целью другого, и растворись, и исчезни в нем. Это процесс умирания, это движение в смерть. Вот почему люди боятся любви. Вы можете говорить о ней, вы можете петь о ней, но глубоко внутри вы боитесь любви. Вы никогда не вступали в любовь.

Все ваши стихи, все ваши песни о любви — всего лишь заменители, чтобы вы могли петь, не вступая в любовь, чтобы вы могли ощущать, что любите, не любя. Но любовь — потребность настолько глубинная, что вы не можете жить без нее — либо настоящая любовь, либо ее заменитель необходимы. Заменитель — фальшивка, но хотя бы на время, на небольшой срок, он даст вам ощущение, что вы влюблены. Даже фальшивое чувство дарит радость. Рано или поздно вы осознаете, что оно фальшивое, но и тогда вы не решитесь поменять фальшивую любовь на настоящую — вы меняете любовника или возлюбленную.

Есть два варианта: когда вы приходите к заключению, что эта любовь фальшива, вы можете все из-

менить. Вы можете отбросить эту фальшивую любовь и стать настоящим влюбленным. Второй вариант — сменить партнера. Так работает ваш ум: всякий раз, как вы чувствуете: «Эта любовь не дала мне того блаженства, которое обещала, скорее, наоборот, я стал более несчастным», — вы думаете, что обманывает другой, но нет, обманщик вы.

Никто не может обмануть вас, кроме вас самих... а вы думаете, что обманывает другой, что ответствен другой: поменяйте жену, поменяйте мужа, поменяйте мастера, поменяйте бога, смените храм Будды на храм Махавиры, поменяйте религию, поменяйте молитву, ходите не в мечеть, ходите в церковь... После этого вы на время снова почувствуете себя влюбленным, молитвенным. Но рано или поздно фальшь проявится, потому что она не может удовлетворить. Вы можете обманывать себя, но как долго человек может обманывать себя? Если вы придете к осознанию, что проблема не в другом, что ваша любовь фальшива... вы о ней говорили, но вы ничего не сделали, чтобы вступить в нее, — вас охватит страх, испуг. Любовь подобна смерти, и если вы боитесь смерти, вы будете бояться и любви. В смерти умирает только ваше тело. Самое главное, это, которое вам кажется самым главным, остается невредимым. Ум, который вам кажется важным, не умирает. Ваша внутренняя сущность остается той же, только внешний вид, одежда меняются после смерти.

Поэтому в смерти нет глубины, она поверхностна. Но если вы боитесь смерти, как вы можете войти в любовь? Ведь в любви не только внешнее, не только форма, *вы сами* умираете — ум, это умирают. Этот страх смерти превращается в страх любви, а страх любви превращается в страх молитвы, медитации. Эти три вещи похожи: смерть, любовь, медитация. Путь один, и вы должны двигаться по нему. Если вы никогда не любили, вы не сможете молиться, вы не

сможете медитировать. А если вы никогда не любили и не медитировали, вы полностью упустите красоту переживания смерти.

Если вы любили, смерть станет настолько прекрасным и глубоким переживанием, что вы не сможете сравнить его ни с чем в жизни. Жизнь не может быть такой глубокой, как смерть, потому что жизнь длится семьдесят, восемьдесят лет. Смерть происходит в один миг — но такой глубокий, жизнь не может быть так глубока. Смерть — это кульминация, это не конец. Это кульминация, самая вершина, всю вашу жизнь вы предпринимали усилия, чтобы достичь ее. Но какая глупость — когда вы достигли вершины, вы так напуганы, вы чувствуете такое смятение, что вы закрываете глаза, вы так боитесь, что потеряете сознание. Люди умирают, они умирают в бессознательном состоянии. Они упускают переживание.

Любовь может помочь, потому что любовь подготавливает вас к смерти, любовь подготавливает вас и к медитации. В медитации вы должны расстаться — других здесь нет — вы просто должны расстаться с собой. Любовь глубже смерти, а медитация глубже любви, потому что в любви присутствует другой — вам нужно за что-то держаться. А когда вы можете держаться, какая-то ваша часть остается в живых.

Но в медитации нет другого. Вот почему Будда, Махавира и Лао-цзы отрицали существование Бога. Почему? Они прекрасно знали, что Бог есть, но они отрицали его существование, чтобы у вас не оставалось никакой поддержки во время медитации. Если другой остается, ваша медитация может превратиться, в лучшем случае, в любовь, в набожность, но тотальная смерть все еще не пережита. Тотальная смерть возможна только тогда, когда нет другого, когда вы буквально растворились, испарились. Когда нет никого, чтобы держаться, тогда случается величайший экстаз.

Слово *экстаз* наполнено смыслом. Английское слово «экстаз» прекрасно и выразительно, ни в одном другом языке такого слова нет. «Экстаз» означает находиться вне. «Экстаз» означает, что вы абсолютно мертвы, вы находитесь вне себя и смотрите на свою смерть, как если бы все ваше существование превратилось в труп. Вы вне его и смотрите на собственную смерть, и наступает высшее блаженство. Если я скажу это вам, вы испугаетесь. Если я скажу вам, что вы находитесь в поиске высшей смерти, вы испугаетесь, но вы *действительно* ее ищете. Вся религия — это искусство, которое научит вас умирать.

Любовь означает смерть, но привязанность — это не смерть. Любовь означает, что другой стал настолько важен для вас, что вы готовы раствориться в нем, вы настолько доверяете ему, что вам больше не нужен ваш ум — вы можете устранить его.

Вот почему люди говорят, что любовь безрассудна, что любовь слепа. Так и есть. Это не значит, что ваши глаза ослепли, но когда вы отстраняетесь от эго, отстраняетесь от ума, всем остальным вы кажетесь сумасшедшим и слепым. Любовь — это разновидность сумасшествия. Вы перестаете думать сами. Вы настолько доверяете другому, что теперь нет необходимости думать, потому что размышления нужны, если есть сомнения. Сомнение порождает размышления, сомнение — основа размышлений. Если вы не сомневаетесь, размышления прекращаются. Если вы не размышляете, тогда где эго, как оно сможет выжить? Вот почему эго всегда сомневается, никогда не доверяет.

Если вы доверяете, эго не появится — оно исчезнет. Вот почему все религии настойчиво утверждают, что только через веру, доверие и любовь вы сможете вступить в храм божественного — другого пути нет. Через сомнение вступить вы не сможете, потому что в сомнениях *вы* остаетесь. В доверии *вы* исчезаете.

Любовь — это доверие, растворение эго. Центр движется к другому. Другой становится очень важным — самой вашей жизнью. Абсолютное доверие. И в этом совершенном доверии — блаженство, благодать. Даже если вы подумаете об этом, вы почувствуете его мимолетный проблеск, вот какво это. Но если вы чувствуете его, это потрясающе, в мире нет ничего похожего.

Но эго умеет хитрить. Вместо любви оно подкладывает вам привязанность, чувство собственности. Любовь говорит: принадлежи другому, а эго говорит: владей другим. Любовь говорит: растворяйся в другом, эго говорит: пусть другой подчинится тебе, заставь другого принадлежать тебе, не позволяй другому быть свободным. Ограничь его свободу, пусть он станет твоей тенью.

Любовь дарит другому жизнь, а чувство собственности, привязанность, наоборот, отравляет, убивает его. Вот почему любовники (так называемые любовники) всегда убивают друг друга — они отравлены. Посмотрите на мужа и жену: когда-то они любили друг друга, они думали, что любят друг друга, а сейчас это два мертвеца, они стали тюрьмой друг для друга. Они боятся и ранят друг друга...

Я слышал такую историю...

В цирке работала женщина — укротительница львов. Самые свирепые львы подчинялись ей, вызывая восхищение у зрителей. У этой укротительницы был удивительный номер: она клала себе на язык кусочек сахара, а огромный лев подходил к ней и слизывал сахар прямо с ее языка. Все были без ума от этого номера, зрители взрывались аплодисментами, не скрывая восторга.

Однажды в цирк пришел Мулла Насреддин. Все кругом аплодировали, но он даже пальцем не поше-

велил. Он сказал: «Ничего особенного, любой может сделать это». Укротительница насмешливо посмотрела на него и спросила: «А ты сможешь?»

Он ответил: «Конечно, любой сможет, лев же смог».

Мужчина боится женщину — это все из-за переживаний любви. Любовь, так называемая любовь, убивает другого. Иначе почему мир настолько уродлив? Так много любовников, каждый любовник: муж любит жену, жена любит мужа, родители любят детей, дети любят родителей, и друзья, и родственники, и кто бы то ни было, и весь мир в любви... Так много любви, и так много уродств, страданий?

Кажется, где-то что-то пошло неправильно. Это не любовь, иначе страха бы не было, потому что чем больше вы любите, тем меньше вы боитесь. Когда настоящая любовь приходит во всей своей тотальности, страха нет. Но если это чувство собственности, страх становится все больше и больше, потому что, когда вы владеете человеком, вы все время боитесь, что он может покинуть вас, может уйти — сомнения постоянно с вами. Муж всегда переживает, что жена может полюбить кого-нибудь еще. Они шпионят друг за другом, ограничивают свободу друг друга.

Но когда вы ограничиваете свободу, когда вы ограничиваете возможность встречи с неизведанным, жизнь становится мертвой, пресной. Все становится плоским, бессмысленным, тоскливым, однообразным. И чем дальше, тем большим собственником вы становитесь. Когда жизнь угасает, когда любовь уходит, когда что-то уходит из ваших рук, вы становитесь еще большим собственником, держитесь еще крепче, защищаетесь изо всех сил, возводите все больше стен и все больше тюрем. Это замкнутый круг.

Чем больше тюрем, тем меньше жизни. Чем больше вы боитесь, что это случится — что любовь уйдет,

тем прочнее стены ваших тюрем. Чем быстрее уходит любовь, тем огромнее тюрьма. Есть много способов построить такую тюрьму: ревность, постоянная ревность, и собственничество, которые постепенно отнимают у другого его личность. Другой становится вещью, товаром, ведь вещью владеть легче, чем личностью, вещь не может восстать, не может не подчиниться, не может отправиться куда-либо без разрешения, не может влюбиться в кого-то еще.

Когда любовь оборачивается неудовлетворенностью — а она обязательно оборачивается неудовлетворенностью, так как это не любовь, — тогда постепенно вы начинаете любить вещи. Посмотрите на людей, когда они начищают свою машину, как они смотрят на нее — они восхищены! Посмотрите, с каким обожанием они смотрят на свою машину, они влюблены в нее.

Особенно на Западе, где любовь убита полностью, люди влюблены в вещи и в домашних животных. Легче любить вещи или домашних животных, собака всегда преданней жены. Нет животного преданней собаки — она всегда будет верна. Но с женой надо быть настороже. С мужем надо быть настороже, в любой момент он может уйти, и ничто его не остановит. И когда такое происходит, ваше эго разбивается, вас пронзает боль. Чтобы предотвратить эту боль, вы начинаете убивать мужа или жену, чтобы они стали подобны машине или дому — чтобы они стали мертвой вещью.

Но и тут скрыто страдание: ведь когда ты овладеваешь личностью человека, он становится вещью, но ты-то хочешь любить личность, а не вещь. Потому что вещью можно владеть, но вещь не сможет ответить тебе взаимностью. Ты можешь любить свою вещь, но вещь не может полюбить тебя. Ты можешь приласкать свою машину, но машина не может приласкать тебя. Ты можешь поцеловать свою машину, но машина не вернет тебе поцелуй.

Я слышал историю о Пикассо. Одна женщина, страстная поклонница Пикассо, однажды пришла к нему и сказала: «Я видела ваш автопортрет в галерее. Он так прекрасен, он полностью завладел мной, и я забылась и поцеловала его».

Пикассо посмотрел на женщину и спросил: «А он ответил на ваш поцелуй?»

Женщина удивилась: «О чем вы? Как портрет может ответить на поцелуй?»

«Тогда это не мой портрет!» — сказал Пикассо.

Как может мертвая жена ответить на поцелуй? Как может мертвый муж ответить на поцелуй?

В этом вся беда: если вы хотите владеть, вы убиваете. И в тот момент, когда вы достигли своей цели, блаженство исчезает, потому что другой теперь не может вам ответить. Другой может ответить лишь на свободе, но вы не можете позволить ему быть свободным, потому что не любите. Любовь не собственник. И не может им быть по своей природе.

И тут речь не только о любви к мужчине или женщине: если вами овладевает любовь к Будде, происходит то же самое. Вы начнете делать то же самое, вы будете стремиться к обладанию. Вот почему было создано столько конфессий — все из-за чувства собственности. Христиане думают, что Христос принадлежит им. Христос не может принадлежать никому, но христиане думают, что он их, что они владеют им.

Мусульмане думают, что Магомет принадлежит им. Вы не можете рисовать Магомета — вас тут же потащат в суд. Вы не можете сделать статую Магомета, потому что мусульмане не позволяют этого. Но кто эти последователи Магомета? Как они сделались собственниками? Они превратили Магомета в мертвую вещь.

Никто не может обладать Магометом, никто не может обладать Христом — они такие большие,

а ваши руки такие маленькие! Ими нельзя обладать. Любовью нельзя обладать, это жизненная сила, это бесконечная энергия, а вы такие маленькие, такие крохотные, вы не можете обладать ею. Но у христиан есть свой Христос, у мусульман есть свой Магомет, у кришнаитов — свой Кришна, у буддистов — свой Будда.

У джайнов две общины — шветамбары и дигамбары, и они поделили Махавиру. В Индии есть несколько храмов, которые принадлежат обеим общинам, и там всегда кипят страсти. Они поделили даже время: утром Махавире поклоняются *шветамбары*, вечером — *дигамбары*. И они меняются, потому что шветамбары прикрепляют накладные открытые глаза на статую Махавиры, а дигамбары поклоняются Махавире с закрытыми глазами, так что они не могут молиться одной и той же статуе. Сначала им приходится убирать накладные глаза, только после этого они успокаиваются: теперь это *их* Махавира. Но как он может быть вашим или моим? Разве Махавира — вещь, дом, магазин, товар? Но любящие — фальшивые любящие, они в действительности собственники, а не любовники.

Религия, вместо того чтобы нести миру благодать, подвергает его опасности. Из-за чувства собственности она превратилась в вероисповедание — вы продолжаете поклоняться мертвым вещам, но ничего не происходит в вашей жизни, и вы начинаете думать, что что-то неправильно в самой религии. В религии нет ничего неправильного. Махавира мог бы трансформировать вас. Кришна мог бы дать вам тот свет, который нес в себе, но вы не позволяете ему. Христос, безусловно, мог бы стать спасением, но вы не позволяете. Евреи распяли его, а вы — вы мумифицировали его в своих церквях. Теперь он мертвая вещь — удобная для поклонения, удобная для обладания, но как мертвый Христос сможет трансформировать вас?

И священники прекрасно это знают. Вот почему я никогда не встречал верующего священника. Глубоко внутри священники всегда неверующие, потому что они знают, что их Христос мертв. Когда они поклоняются ему, это только жест, представление.

Эта история случилась на самом деле, это исторический факт, она произошла 31 декабря 999 года. По всему миру прошел слух, особенно среди христиан, что 1 января 1000 года наступит конец света, придет день последнего суда, мир будет разрушен, и каждый лицом к лицу встретится с Богом.

Поэтому 31 декабря 999 года христиане по всему миру закрыли свои магазины, закрыли свои счета — некоторые даже раздали свои вещи, потому что утром 1 января мир должен был исчезнуть. Люди целовались и обнимались, даже шли к своим врагам и просили прощения — в тот вечер мир был совершенно иным. Все сблизилось, потому что завтра будущего уже не было. Зачем враждовать? Почему бы не любить? Почему бы не наслаждаться? Люди веселились — приближался конец света.

По всему миру христиане забросили свои дела. Только в Ватикане работа не останавливалась — Папа римский был уверен, его прелаты были уверены, что конца света не будет, это просто суеверие. Ведь это они все сами и придумали! И не только это.

Священники осведомлены. Они знают, что Христос мертв, — а вы глупец, вы молитесь мертвой вещи. Но они не могут сказать вам об этом, потому что это коммерческая тайна, только благодаря ей возможно извлечение прибыли. Это им выгодно, потому что если Христос жив, они не смогут быть посредниками. Живой Христос придет прямо к вам, ему не нужен агент, не нужен брокер. Ему никто для этого не нужен. Христу не надо, чтобы священник вставал между ним и теми, кто его любит, — ему нужно

заглянуть в глаза, ему нужна встреча один на один. Поэтому для священников живой Христос опасен, для них хороший Христос — мертвый Христос.

Священники недолюбливали Махавиру, когда он был живым, они недолюбливали Будду, когда тот был живым, — они всегда против живых. Когда такой человек умирает, они незамедлительно являются и устраиваются вокруг, возводят храм и начинают использовать его в своих интересах. Священники против Махавиры, Будды, Кришны, но они знают, что, когда те умрут, их имена можно будет использовать.

Вам же следует запомнить, что любовь, молитва, поклонение — если вы допускаете, чтобы они превратились в обладание, — становятся смертельно опасными. Если вы убьете Кришну, как он трансформирует вас? Как сможет он донести до вас свою осознанность? Невозможно!

Теперь приступим к этой истории. Она прекрасна.

Одна монахиня, которая искала просветления, сделала деревянную статуэтку Будды и позолотила ее. Статуэтка получилась очень красивая, и монахиня всегда брала ее с собой, куда бы она ни направлялась.

Тут многое надо понять, буквально слово за словом. *Одна монахиня...* ведь в этом суть женщины — обладать. Вот почему не монах, а монахиня. Но не думайте, что только женщины собственницы, мужчины тоже бывают собственниками, но в таком случае у них женская сущность, не мужская. Почему женщины бóльшие собственники, чем мужчины? Из-за страха. Женщину легче испугать, страх — основа ее природы, внутри нее всегда трепет. Этот страх толкает женщину к обладанию. Пока она не убедится, что

ее власть безгранична, она не может быть счастлива. А когда ее власть утверждена, она снова несчастна, потому что ее мужчина мертв. Жизнь невозможна без свободы.

Вот почему эта история про монахиню. Но запомните, что, если вы мужчина, вас это тоже касается — ваш ум может быть женским. Ум редко бывает мужским... Вы можете быть женщиной с мужским бесстрашным умом. Поэтому различия не определяются полом, они возникают из отношения... Мужчине может вести себя как женщина, женщина может вести себя как мужчина — пол здесь указан лишь для того, чтобы определить отношение. Что это за отношение?

Если вы мужчина-собственник, значит, у вас женский ум. Если вы женщина и не собственник, значит, у вас мужской ум. Говорят, Махавира настаивал на том, что женщина не может достичь просветления до тех пор, пока не станет мужчиной. Люди поняли это буквально и упустили главное. Они решили, что ни одна женщина не может достичь просветления, поэтому любая женщина, которая стремится к этому, в следующей жизни должна родиться мужчиной, и только тогда она сможет достичь просветления. Это глупость, но ни один женский ум не сможет достичь просветления — это так, потому что женский ум значит страх и собственничество. А со страхом и собственничеством ни любовь, ни медитация невозможны.

Как-то одна женщина достигла просветления. Джайны — последователи Махавиры, последователи *тиртханкар* — были очень взволнованы. Что делать? В конце концов, они решили дать этой женщине мужское имя, и вопрос был закрыт. Женщине по имени Малибаи достигла просветления — как после этого верить догме? Они дали ей другое имя. Малибаи стала Маллинатом. Они установили в честь

нее статую, но эта статуя была мужской. Эта Малибаи — или Маллинат — была до того удивительна, что джайны были вынуждены признать ее тиртханкарой. Поэтому среди двадцати четырех тиртханкар есть одна женщина, но вы никогда не узнаете об этом, потому что ей дали мужское имя Маллинат.

Поэтому говорят, что женщины не могут достичь просветления. Это верно исключительно в ином смысле, более глубоко: никакой женский ум не может достичь просветления — потому что страх не может быть проводником к запредельному, собственничеству к нему не ведет.

Одна монахиня, которая искала просветления, сделала деревянную статуэтку Будды...

Да, женскому уму, кому бы он ни принадлежал, мужчине или женщине, очень сложно. Но женский ум всегда может сделать статуэтку. Вы не в силах оставаться одинокими.

Эта статуэтка означает, что вы создали другого. Никого нет, но вы не можете довольствоваться пустотой, обязательно должно быть что-то, за что можно было бы держаться. Вот почему столько храмов и столько статуй — они созданы женским умом. Вот почему в храмах, куда бы вы ни пришли, женщин больше, чем мужчин. И если вы увидите там мужчин, это подкаблучники. Они пришли со своими женами, они пришли не сами, им пришлось прийти из-за жены.

Сорок тысяч человек приняли саньясу от Махавиры — из них тридцать тысяч женщин и только десять тысяч мужчин. В чем тут дело? Это просто пропорция, и у меня она точно такая же. Из четырех проходящих ко мне искателей — три женщины, один мужчина. Мужчины приходят с большим трудом, но им проще трансформироваться. Женщи-

ны приходят ко мне с легкостью, но им следовать по этому же пути уже сложнее. Женщины застревают, им тяжело двигаться.

Женский ум создает трудности, барьеры. Как только вы начинаете становиться собственником, вы упускаете. Вы должны помнить: страх нужно отбросить — только тогда появляется любовь. Страх должен быть отброшен, потому что страх от эго. Если есть страх, эго будет настаивать, и тогда вы смастерите статуэтку и будете цепляться за нее. Эта статуэтка не приведет вас к запредельному, потому что она — ваше творение. Вы можете позолотить ее, она будет выглядеть прелестно, но это все равно мертвая вещь. Вы можете сделать золотую статуэтку, но это не поможет — она останется мертвой.

Статуэтка получилась очень красивая, и монахиня всегда брала ее с собой, куда бы она ни направлялась.

Статуэтка стала навязчивой идеей, ее надо было носить с собой, оберегать. Монахиня не могла спать спокойно, потому что кто-нибудь мог украсть ее Будду. Она никуда не ходила без статуэтки, потому что кто-нибудь мог присвоить ее. Умом монахини овладело чувство собственности. Эта статуэтка стала центром ее чувства собственности, центром страха, почитания. Но это не любовь.

Прошли годы, монахиня устроилась при небольшом деревенском храме, где было много изваяний Будды.

Прошли годы, но ничего не изменилось. От ношения Будды ничего не случается, потому что как вы можете носить с собой Будду? Вы можете носить только статуэтку. Будда должен быть живым.

Будду нужно любить, а не владеть им. Вы должны раствориться в Будде, а не носить его как свою ответственность.

Будда жив, если вы растворились в нем. Но тогда Будда опасен, потому что вы никогда не вернетесь. Это точка невозвращения. Если только вы попали, попали туда, возврата нет. Есть страх и трепет, вы боитесь, что можете исчезнуть. Ваш страх оправдан — вы исчезнете.

Но в случае со статуэткой страха нет, ее можно носить с собой всюду. Статуэтка может однажды потеряться, но вы не исчезнете. Вы сможете сделать другую, даже еще симпатичнее, это не сложно — это ваше творение. Идите в храмы: что сделал человек? — изваял статуи. Там он склоняется перед ними, плачет и рыдает, но все это фальшиво, потому что фундамент такого поклонения держится на лицемерии. Ваши слезы, ваши молитвы — кому они адресованы? Перед кем вы плачете и рыдаете? — перед вашими собственными творениями, перед вашими собственными игрушками. Какими бы прекрасными и ценными они ни были, неважно. Вы создатель этих богов, перед ними вы плачете и рыдаете и думаете, что что-то случится. Вы поступаете просто глупо. Храмы наполнены глупцами. Они не осознают, что делают, склоняясь перед собственными творениями. Как это может вам помочь?

Монахиня все носила с собой *своего* Будду... много лет прошло, много жизней могло пройти... Продолжая носить *своего* Будду, она никуда не пришла. Она просто перемещалась с одного места на другое, из одной жизни в другую, из одного состояния в другое, из одного ума в другой — но только перемещалась, ничего не достигая! Наконец, она пресытилась странствиями, казалось, цель никогда не приблизится.

И тогда она...

...устроилась при небольшом деревенском храме, где было много изваяний Будды.

Там было много изваяний Будды. В Китае, в Японии люди возводили огромные храмы для Будды. В Китае есть храм с десятью тысячами Будд, десять тысяч святынь в одном храме! Десять тысяч изваяний! Но даже десять тысяч изваяний не помогут. Одного Будды достаточно, десяти тысяч изваяний мало.

Зачем эта бессмысленная работа ума? Одна статуя не помогает, сделаем две! Это арифметика: если две не помогают, сделаем три, сделаем десять тысяч! Человек бродит среди десяти тысяч изваяний, и ничего не происходит. Ничего и не произойдет, потому что жизнь никогда не возникает из мертвых вещей, человек никогда не трансформируется при помощи мертвого изваяния.

Ищите живого будду. Если вы не можете найти живого будду, закройте глаза и ищите его внутри. Если вы не можете найти его снаружи, вы найдете его внутри, потому что Будды всегда живы. Они здесь, просто их надо найти, они *всегда* здесь. Возможно, они за углом вашего дома, но вы никогда не заглядывали туда. Или же вы настолько хорошо знакомы с окрестностями, что полагаете, будто знаете. Никто не знает — вы можете встретить будду в обличье нищего.

Держите глаза открытыми. Пока вы носите статуэтку, ваши глаза закрыты. Возможно, та женщина упустила много будд из-за своей статуэтки — из-за того, что она думала, будто уже владеет им! У нее уже есть Будда, какая необходимость искать еще? Потом она устроилась при храме: люди, которые живут с изваяниями, всегда устраиваются при храмах. Люди, которые живут с изваяниями, не могут достичь запредельного, им надо осесть где-нибудь на пути, на обочине дороги — у святыни, в храме.

Многие люди селятся при храмах. Они странствовали, и они искали, и они нашли, что ничего не может быть найдено — это невозможно. Не потому, что цель очень далеко — цель очень близко, ближе, чем вы можете представить, а потому, что они носят с собой изваяния. Эти изваяния ослепили их, их изваяния мертвым грузом лежат у них на сердце, статуи, слова, писания — это все мертвые вещи.

Я слышал...

Случилось это давным-давно. Один король, очень образованный человек, захотел жениться, но не на обыкновенной девушке. Он хотел взять в жены совершенство, подтвержденное астрологически. Поэтому он советовался со многими астрологами. Это оказалось очень сложно — прошло много лет, прошла юность. Он уже был немолод — ведь астрологи мудреные люди, да и расчеты отнимают много времени.

На самом деле, нельзя найти совершенство, потому что совершенство всегда означает смерть. Пока ты жив, ты несовершенен — вот почему говорят, что если ты совершенен, ты никогда не родишься больше. Потому что как вы можете родиться, если вы совершенны? Вы достигли всего, вы выросли, вам нельзя в этот мир.

Тогда король сказал своим советникам: «Хватит! Если нет совершенства, тогда подойдет почти совершенство. Моя молодость проходит, мне почти тридцать восемь. Найдите мне жену!»

И женщину нашли — не абсолютное совершенство, но все же... Затем начались вычисления подходящего времени для занятий любовью: ведь король хотел исключительного, необыкновенного ребенка. Многие мудрецы из далеких стран были призваны, и они советовались, и они обсуждали, а между тем королю должно было исполниться сорок четыре года.

Наконец ему все надоело, и он всех прогнал. Он сжег все писания и сказал жене: «Довольно! Хватит! Давай займемся любовью». Но женщина была уже немолода, он был немолод, и с любовью возникли проблемы. Если вы начинаете заниматься любовью рано, вы можете делать это до конца своих дней. Если вы упустили время, вы не сможете потом заниматься любовью, потому что занятие любовью — механическая штука. А механизм нуждается в регулярном использовании.

Поэтому, если начать заниматься любовью в четырнадцать лет, можно продолжать до восьмидесяти. И не надо думать, что если в юности вы занимаетесь любовью очень много, то к старости у вас не останется сил. Вы абсолютно неправы. Только если вы занимаетесь любовью очень много, только тогда у вас останутся силы. И вы не сможете заниматься любовью слишком много, помните об этом, потому что тело не позволит. Слишком много невозможно — у тела есть регулятор — слишком много невозможно. Сколько бы вы этим ни занимались, это ваша норма. Но к этому времени король уже стал импотентом — он не смог заниматься любовью, да и его жена оказалась фригидной. Они упустили момент. Они не смогли сами родить себе ребенка, поэтому им пришлось усыновить сироту.

Вот что происходит: вам приходится усыновить Будду, вам приходится усыновить Бога. Он не рожден вами, а Бог *должен* быть рожден вами, иначе это фальшивый бог. Но вы упускаете, потому что вы заняты писаниями, мудрецами, астрологией и прочей ерундой. Вами так завладели слова, изваяния, ритуалы, что к тому моменту, когда формальности выполнены, оказывается, что жизнь уже прошла. К тому времени, когда вы приходите к логическому умозаключению и готовы принять решение, жизни не хватает, чтобы осуществить задуманное.

В конце концов, эта женщина устроилась при храме, и вот что я вам скажу: никогда не устраивайтесь при храме, потому что храм может быть только местом ночлега, но он не может быть местом постоянного проживания. Никогда не устраивайтесь при храме, никогда не устраивайтесь при секте, никогда не устраивайтесь при Ватикане, никогда не соседствуйте с фанатичным умом.

Вы можете отдохнуть, это нормально. Переночуйте там, а рано утром, пока они не завладели вами, отправляйтесь в путь! Продолжайте путь, пока не достигнете запредельного, храм только там. В этом храме вы не найдете ни одного изъяния. Там вы найдете реальность — не изъяния, не портреты, а реальность. Не оставайтесь с портретом, не оставайтесь с подделкой, не оставайтесь с копией. Ищите оригинал, первоисточник.

Женщина устроилась — она и должна была устроиться. Когда вы носите деревянного Будду, как вы сможете достичь просветления? Если бы деревянный Будда мог дать вам просветление, не было бы никаких проблем. Но деревянный Будда — это деревянный Будда. Вы можете носить его, вы можете играть с ним.

Каждый день она курила опиум перед своим золотым Буддой.

Будда был деревянным, всего лишь позолоченным, но она привыкла называть своего Будду «Золотой Будда». Золото было всего лишь покрытием, под ним был деревянный Будда, и ничего больше. Но вы умеете скрывать, и под золотом вы можете скрыть все что угодно. Когда нет любви, жена будет вся в золоте. Деревянный Будда под золотым покрытием — и вы думаете, что все в порядке. Жена тоже думает, что все в порядке, потому что муж каждый раз при-

ходит и приносит все больше и больше украшений. Когда любовь умерла, жизнь заполняется украшениями. Когда есть любовь, нужды в украшениях нет.

Вы никогда не покроете золотом живого Будду, не так ли? Будда не позволит вам, он сбежит. Он скажет: «Подожди! Что ты делаешь? Ты убьешь меня». Золото убивает. Жизнь никогда не может быть покрыта золотом — только смерть. Только смерть позволит вам подобное. Жизнь не позволит вам такой ерунды. Но она звала своего деревянного Будду «Золотой Будда».

Каждый день она курила опиум перед своим золотым Буддой, но ей не нравилось, что ее благовония достаются и другим статуям, поэтому она придумала такое устройство, через которое опиум доходил только до ее Будды.

Таков ум собственника: даже запах, дыму нельзя достаться другим Буддам. «Мой Будда что-то особенное. Твой Будда ничто». В этом храме все статуи были статуями Будды. Там не было Кришны или Рамы — разница между ними очевидна. Она бы не осталась в таком храме. Это был буддистский храм, поэтому она осталась. Но ее статуэтка была ее, а остальные были не ее.

Когда это настоящая любовь, ее не волнует, кого она касается. Когда это любовь, вы любите возлюбленного, но вы не будете придумывать устройство, чтобы ваша любовь доставалась только возлюбленному. Природа любви такова, что, когда она случается, она выходит за пределы возлюбленного, все дальше, и дальше, и дальше. Она распространяется на всех. Она как круги на воде.

Если вы бросите в озеро камень, возникнут круги, которые будут расширяться и расширяться. Если вы любите, это не линия, это круг, это волна. Когда

вы любите, вы бросаете камень в озеро любви. И каждого омывает этой волной, не только любимого. Если вы всю свою любовь направите только на любимого, вы поступите точно так же, как поступила эта монахиня. А это невозможно. Когда кто-то любит, его любовь расходится кругами. Ее нельзя направить, это явление другого плана. Реку можно заставить течь в определенном направлении, а у любви природа океана, ее нельзя направить. Привязанность можно направить, но не любовь.

Когда вы бросаете в озеро камень, он падает в определенное место, да, но затем любовь начинает распространяться. Когда вы падаете в любовь, вы падаете в определенное место, в определенного человека, но это только начало, не конец. Затем любовь начинает распространяться, весь мир объят. Всякий раз, когда любит один человек, весь мир объят. Есть центр, куда упал камень, откуда идут волны и распространяются повсеместно. Есть центр — это ваш возлюбленный, но любовь не может поместиться там. Она растет, никто не сможет вместить ее. И тогда возлюбленный становится дверью, каналом — и уже весь мир охватывает любовь.

Но эта бедная монахиня была очень похожа на вас. Человеческий ум, перерабатывающий человеческую глупость. Ей не нравилось, что аромат ее благовоний достигает других изваяний, хотя это тоже были изваяния Будды.

Когда я люблю человека, я нахожу в нем божественное. Любовь раскрывает божественное в человеке. Когда оно раскрыто, тогда все божественно: дерево божественно, облако божественно, нищий на улице божествен — все божественно. Если любовь случилась и вы смотрите в истинное лицо человека — которое открывается только в любви — тогда все Будды везде Будды, все статуи Будды, тогда весь мир становится храмом.

И тогда вы не беспокоитесь. Тогда вы не беспокоитесь, что ваш аромат достигает кого-то еще. Вы не беспокоитесь, что аромат вашего возлюбленного достигает кого-то другого. Вы будете счастливы, что благодаря вам мир охвачен любовью. Если вы боитесь и стараетесь сдержать его, значит, это чувство собственности. Не пытайтесь удержать его, не пытайтесь владеть им. Позвольте ему расти, помогите ему расти, помогите ему достичь каждого. Только тогда вы получите его, потому что вы можете получить только тогда, когда получит весь мир.

Но это проблема: когда вы любите человека, вы хотите его ограничить, заточить. Как если бы вы поместили дерево в горшок, не только корни, но и все дерево — вы убили его. Дерево должно тянуться к небу, оно должно простираться в небо. Многим его цветы подарят аромат, многим его ветви подарят тень, многих насытят его плоды. Конечно, его корни останутся в вас, но дерево будет расти. Любовь — это величайшее из всех возможных деревьев, она может раскинуться по всему небу, ее нельзя заточить, нельзя ограничить. Вы не можете сделать ее предельной — она беспредельна.

Каждый день она курила фимиап перед своим золотым Буддой, но ей не нравилось, что ее благовония достаются и другим статуям, поэтому она придумала такое устройство, через которое дым доходил только до ее Будды.

И что случилось? То, что и должно было случиться.

Из-за этого нос позолоченной статуэтки почернел, что сделало ее чрезвычайно уродливой.

Это случается с каждым любящим и любимым, потому что со временем аромат перестает быть

ароматом и становится просто дымом; ароматом надо делиться. Иначе нос чернеет — у всех Будд в наше время черные носы.

Посмотрите на вашего Кришну, посмотрите на вашего Будду, посмотрите на вашего Махавиру, их носы почернели — из-за вас и вашего чувства собственности. Ваши молитвы собственнические, они не настоящие. Джайны не позволяют никому входить в свои храмы. Индусы не допускают неприкасаемых, потому что они не высшая каста. Все храмы давно почернели, потому что они чья-то собственность. В тот момент, когда я говорю «мой храм», храм перестает быть храмом, потому что как храм может быть вашим или моим? Храм — это просто храм!

Однажды меня потащили в суд, потому что я открыл церковь. Эта церковь была заперта по меньшей мере двадцать лет. Прихожане этой церкви давно уехали из Индии — она принадлежала одной английской христианской общине — и не было в городе никого, никого, кто мог хотя бы позаботиться о ней. Это была прекрасная церковь, но совершенно обветшавшая. Несколько христиан подошли ко мне и сказали: «Мы не из этой общины, но у нас нет своей церкви. Вы не могли бы нам помочь? Откройте нам эту церковь, и мы там будем молиться».

Я сказал: «Хорошо». И вот они сломали замок, отчистили церковь — отчистили черный нос Христа. И я открыл ее для всех. Я сказал: «Неважно, кому эта церковь принадлежит. Эта церковь для тех, кто молится».

Но спустя два или три месяца новость достигла владельцев. Они наняли юриста, он потащил меня в суд, потому что: «Зачем вы открыли церковь?»

Судья спросил меня: «Зачем вы открыли церковь? Она не принадлежит этим людям. Она не их собственность».

Я им ответил: «Церковь не может быть чьей-то собственностью. Она для тех, кто в ней молится. Церковь — не собственность, это вообще не вопрос юриспруденции».

Судья сказал: «Не уведите разговор в сторону. Я не собираюсь углубляться в философию. Это вопрос юриспруденции».

Церковь — вопрос юриспруденции? Да, она стала вопросом юриспруденции. Храм — вопрос юриспруденции? Если храм — вопрос юриспруденции, значит, он принадлежит этому миру, а не за пределами. И я сказал: «Хорошо, вы можете закрыть церковь, если это вопрос юриспруденции. Вы можете закрыть ее, но запомните: именно так уничтожают религию. Она вовсе не собственность».

Но все церкви, все храмы стали собственностью. Они мои или твои — и нос Будды чернеет, и... *делает его чрезвычайно уродливым.*

Все церкви, все храмы стали уродливыми. Они должны быть разрушены, вычищены, чтобы земля стала чистой. И только тогда сможет появиться настоящий храм — когда эти храмы исчезнут. Они стали частью вашего рынка. Они больше не символ за пределами.

Такова природа ума: он все превращает в собственность, потому что это может существовать только тогда, когда владеет чем-либо. Это — это препятствие. Это — это вода, в которой можно уловить лишь отражения. Поэтому брось это ведро! Зачем ждать подходящего случая? Брось это старое ведро, и позволь воде пролиться — ни луны, ни воды.

Достаточно на сегодня.

Благодарить
должен дающий

Мастеру Сейцзу необходимо было новое помещение, потому что старое, где он учил, всегда было переполнено.

Умецзу, купец, решил пожертвовать пятьсот мер золота на новое здание.

Он принес деньги учителю, и Сейцзу сказал: «Хорошо, я возьму их».

Умецзу отдал мешок с золотом, но был очень обескуражен отношением учителя, поскольку он пожертвовал внушительную сумму — на три меря золота один человек мог безбедно жить целый год, а учитель даже не поблагодарил его.

«В этом мешке пятьсот мер золота», — намекнул Умецзу.

«Ты уже говорил», — сказал Сейцзу.

«Хоть я и богат, пятьсот мер золота — это очень много», — сказал Умецзу.

«Ты хочешь, чтобы я поблагодарил тебя?» — спросил Сейцзу.

«Тебе следовало бы», — сказал Умецзу.

«Почему я? — спросил Сейцзу. — Благодарить должен дающий».

◇ ◇ ◇

Есть только два способа прожить вашу жизнь, только два пути: один правильный, другой неправильный. Правильный — давать, делиться, любить. Неправильный — отнимать, эксплуатировать, копить. Любовь и деньги — символы этих путей. Любовь — правильный путь, деньги — неправильный путь. Все живут неправильно.

Почему так происходит? Почему все идут неправильным путем? Необходимо глубоко в это вникнуть, только тогда вы сможете понять эту прекрасную историю. А если вы не сможете понять эту историю, вы не сможете понять Будду, Иисуса, Махавиру. Нет, это будет невозможно, потому что они двигаются по пути любви, а вы двигаетесь по пути денег, и эти пути никогда не встречаются. Они не могут встретиться.

Временами, даже если вы пытаетесь понять Махавиру, Будду, Иисуса, вы пытаетесь понять их с точки зрения денег. Джайны продолжают выяснять, от чего именно отрекся Махавира, и это «от чего» для них самое важное. Если бы Махавира был сыном нищего, ни один джайн не стал бы поклоняться ему. Но он был сыном могущественного царя. У него было огромное царство, много денег, золота, драгоценных камней — и от всего этого он отрекся. И тут же он стал важен. Но для вас важен не сам Махавира, а количество денег, от которых он отказался.

Даже если вы признаете Махавиру, ваше признание будет основано на деньгах. Какой абсурд. А джайны продолжают выделять этот факт, и они

все преувеличивают, потому что на самом деле царство Махавиры было не так уж и велико. Это было маленькое княжество — в то время в Индии было две тысячи княжеств — оно было как небольшой округ. Отец Махавиры также не был очень богат, хотя, конечно, богат. Когда впервые стало известно, что Махавира отказался от денег, все им очень заинтересовались. А затем стали преувеличивать количество денег, от которых он отказался. А теперь это все выросло до фантастических, огромных масштабов... Махавира становится важным из-за количества денег, которые он отверг. Что же на самом деле важно для вас?

Почему так случилось, что ни один *тиртханкара* джайнов не был выходцем из обычной семьи? Все двадцать четыре — царские сыновья. Почему так случилось, что ни один бедняк не смог стать индийским *аватаром*? Почему только Рама и Кришна, только царские дети? Почему так случилось, что ни один бедняк не смог стать Буддой — только Гаутама Сиддхартха, принц? Почему так случилось?

Все три религии зародились в Индии, и это величайшие религии. Дело не в том, что тиртханкара не мог родиться в бедной семье, дело в том, что вы не признали бы его. Дело не в том, что Будда не мог родиться в хижине бедняка, дело в том, что вы бы не признали его. Ваше признание зависит только от денег, которые он отверг. Будда не так важен, вас интересуют лишь деньги, которые он отверг. Вот что привлекает вас, вот что завораживает вас.

Человек, идущий по пути денег, не может понять человека, идущего по пути любви, — это невозможно, они никогда не встретятся. Вы можете поклоняться, но вы будете поклоняться по неправильной причине, потому что вы не можете понять. Ваше поклонение будет основываться на чем-то неправильном. Каков механизм?

Прежде всего постарайтесь понять, почему любовь невозможна, потому что корень в этом. Если бы вы могли любить, тогда деньги не были бы столь притягательны для вас, это было бы невозможно. Почему вы не способны любить? С самого начала что-то складывается неправильно в уме ребенка, поэтому он не может любить. Важно одно: любовь — явление стихийное, вы не можете манипулировать ею. Если вы начнете манипулировать, вы упустите ее. Таково свойство стихийного, спонтанного. Все спонтанное прекрасно, невообразимо прекрасно, но им нельзя манипулировать. Если им манипулировать, спонтанное становится искусственным, нарочитым, и что-нибудь сразу идет не так.

Когда рождается ребенок, вы начинаете манипулировать его любовью, вы говорите: «Я твой отец, люби меня», — как будто любовь — это логичное следствие. «Я твой отец, поэтому люби меня». «Он твой брат, поэтому люби его». А любовь не знает никаких «поэтому», она не силлогизм. Нам не хватает терпения дожидаться, чтобы эта любовь проснулась в ребенке. Мы начинаем манипулировать, контролировать его, как будто мы боимся, что, если предоставить ребенка самому себе, он может не полюбить свою мать — и в этом нет необходимости. Он может не полюбить своего отца — это не неизбежность. Вы не можете надеяться на это. Может, да, а может, и нет.

Поэтому, не доверяя спонтанности, мы начинаем принуждать ребенка. И ребенок вынужден уступать, потому что он беспомощен. И он начинает притворяться. Зарождается дипломатия, ребенок становится дипломатом: он улыбается, а глубоко внутри он злится; он демонстрирует свою любовь, а глубоко внутри любви нет — он ненавидит своего отца. Каждый сын ненавидит, поэтому каждое общество навязывает ребенку уважение к отцу, любовь к отцу. Потому что каждое общество осознает, что сын бу-

дет ненавидеть отца, следовательно: «Надо сформировать правильное отношение, пока ненависть не вырвалась наружу». Каждая девочка, каждая дочь ненавидит свою мать, поэтому: «Люби свою мать, она твоя мать. Уважай ее». Мы так боимся, что мы должны сформировать нужное нам отношение заранее, чтобы защититься.

Почему сын ненавидит своего отца? Не потому, что он приговорен ненавидеть — здесь замкнутый круг. Во-первых, конфликт неизбежен, это естественный путь роста. Ребенок должен бороться со своими родителями, иначе ему не стать взрослым. И эта борьба начинается в тот миг, когда он появляется на свет, борьба начинается с самого рождения. Ребенок хочет появиться на свет, а мать хочет удержать его в себе, вот откуда столько боли. Современные психологи говорят, что корни боли — следствие конфликта. Ребенок хочется выбраться наружу, а мать хочет удержать его внутри — отсюда конфликт. Вот почему роды так мучительны. У животных нет такой боли, в примитивных обществах нет боли. Почему чем цивилизованней женщина, тем тяжелее, мучительнее роды? Потому что чем вы цивилизованней, тем больше задействовано эго. Тем сильнее эго.

Мать хочет удержать ребенка внутри... ею движет бессознательный страх, что ребенок покидает ее. И это преследует ее всю жизнь: ребенок покидает ее. И ребенок должен покинуть ее, иначе он умрет в матке. Он должен выбраться из матки, вырваться из матки — это естественно. И если мать понимает это, боли при рождении нет, она помогает ребенку отделиться.

А если вы помогаете своему ребенку отделиться, он никогда не будет ненавидеть вас. В этом проблема: если вы не разрешаете ребенку освободиться от себя, если вы воздвигаете барьеры, он возненавидит вас. А вы боитесь этой ненависти, поэтому фор-

мируете обратное. Вы навязываете ребенку любовь к себе, а так как он беспомощен, то вследствие своей беспомощности вынужден уступить — не добровольно, против воли. Он вынужден уступить. Ненависть остается глубоко внутри, а любовь становится маской, фасадом. Ребенок родился, и потом каждый день он будет освобождаться от матери. Он должен это делать, иначе он никогда не станет независимым, он никогда не станет самим собой. Он должен двигаться, каждый день видеть новое, а мать не разрешает ему: «Не ходи за эту черту. Не выходи из дома. Не выходи на улицу. Не играй с этим мальчиком. Не двигайся».

Мать создает все больше и больше ограничений. И чем больше создается ограничений, тем больше уничтожается свобода, ребенок страдает — ненависть зарождается. И что теперь делать с этой ненавистью? Мать пытается сформировать противоположное ненависти отношение. Но всякий раз, когда вы так делаете, вы идете по ложному пути.

Эту ненависть необходимо понять, принять. И вы должны знать, что это составляющая процесса взросления. Ребенок должен отделяться, и вы должны предоставлять ему все больше и больше свободы. Конечно, вы должны быть настороже, ведь ребенок может навредить себе.

Свобода не должна превращаться в хаос — тут нужен тонкий подход. Но если вы ограничиваете свободу из опасения, что ребенок может навредить себе, вы воспитываете полный ненависти ум. А если ребенок начинает ненавидеть свою мать, он потом не сможет любить ни одну женщину, потому что первая в его жизни женщина у него соотносится с ненавистью. Вот почему вы ненавидите свою жену — потому что в начале жизни вы ненавидели свою мать, и вам никогда не будет легко с женщинами. Женщина всегда будет создавать беспокойство: она

будет привлекать вас и в то же время отталкивать. Она станет средоточием вашей любви, но эта любовь будет неполноценной, потому что, если вы не могли сильно любить свою мать, как вы сможете любить любую другую женщину? Это невозможно!

За каждой любовью будет скрываться ненависть. Любовь распадается, в ней скрывается ее же противоположность — и все отравляет. Ребенок будет уходить все дальше и дальше, и однажды он влюбится в другую женщину. Это окончательный разрыв. В этот день он по-настоящему родится. В этот день завершится разрыв пуповины. Он продолжается двадцать лет, двадцать пять лет, и каждый день — боль и борьба. И последний шаг: ребенок влюбляется в другую женщину — это окончательный разрыв. Теперь он должен отдалиться от матери окончательно. Теперь в его жизни другая женщина. Вот почему матери никогда не могут смириться с появлением невестки — это невозможно! Вот почему существует столько историй, высмеивающих свекровь, — матери не могут смириться.

Есть изречение Иисуса — одно из самых таинственных, которое невозможно соотнести с мироощущением Иисуса, очень страшное, и сама формулировка страшна. Иисус говорит своим ученикам: «Пока вы не возненавидите отца своего и мать свою, вы не можете прийти ко мне». Такой человек, как Иисус, который говорит, что любовь — это Путь, который говорит, что Бог — это любовь, который возносит любовь на невысказанную высоту, приравнивая ее к медитации, говорит: «Пока вы не возненавидите отца своего и мать свою, вы не можете прийти ко мне». Он прав, потому что пока Иисус не станет вам отцом и матерью... Вы не можете прийти к своему мастеру, пока вы полностью не оставили своих отца и мать — это ваше прошлое, прошлые связи, прошлые отношения — полностью, тотально. Как

вы можете прийти к Иисусу, как вы можете прийти к мастеру?

Если вы все еще привязаны к прошлому, ваше настоящее перегружено, ваше будущее темно. Вам надо отказаться от привязанности к прошлому, полностью порвать с ним, нарушить непрерывность. Только тогда ваше настоящее озарится светом, а будущее перестанет быть механическим продолжением прошлого.

Иисус прав: пока вы не возненавидите своих отца и мать, вы не можете прийти к мастеру. Вот почему, когда вы отправляетесь к мастеру, ваши мать и отец очень волнуются — это естественно. Они никогда так не волнуются. Вы можете отправиться к проститутке — они не будут так волноваться; вы можете стать алкоголиком — они не будут так волноваться.

Но уход к Будде или Иисусу... к мастеру — они ужасно волнуются. Что-то в их подсознании подсказывает им: «Теперь это окончательный разрыв. Если наш мальчик или наша девочка уходят к мастеру, теперь их путь к отцу и матери полностью закрыт», — и появляется страх! Даже когда сын уходит к женщине, мать может сохранить какие-то отношения, определенные отношения. Но если сын уходит к Иисусу, все отношения заканчиваются, это невозможно: Иисус требует тотального подчинения. Ни жена, ни муж не могут требовать такого, только мастер может требовать тотального подчинения, без колебаний.

Ребенок должен двигаться, и когда он становится просветленным, тогда он полностью порывает, полностью, абсолютно порывает с прошлым, с матерью, с отцом — со всем.

Есть еще одно изречение, которое также очень таинственно, которое кажется очень жестким в устах Иисуса. Он говорил с народом, и кто-то сказал ему: «Иисус, твоя мать ждет снаружи, а народу так много, что она не может войти. Она хочет увидеть тебя».

Иисус ответил: «У меня нет матери. Скажите этой женщине, что у меня нет матери», — это очень жестоко, грубо. Иисус не может быть грубым, он не может быть жестким. Но иногда истина бывает грубой, истина бывает жесткой. А Иисус не может лгать, он говорит правду: «У меня нет матери».

Однажды это случилось. Когда Иисус был ребенком, его отец с матерью отправились в великий иудейский храм на ежегодный праздник. Иисус затерялся в толпе, они искали его очень долго, но только к вечеру — когда они были ужасно встревожены, взволнованы — только к вечеру они смогли отыскать его. Он сидел среди ученых мужей, и, хотя он был еще ребенок, он наравне со всеми обсуждал неизведанное. Отец воскликнул: «Иисус, что ты здесь делаешь? Мы весь день волновались за тебя».

Иисус ответил: «Не волнуйтесь за меня. Я был занят делом своего отца».

Отец сказал: «Я твой отец. И что за делом ты занимаешься тут? Я же плотник».

Иисус ответил: «Мой отец там, высоко на небесах. Ты не мой отец».

Точно так же, как ребенок должен покинуть тело матери, иначе он умрет в ее чреве, — он должен выйти из чрева — то же происходит и ментально. Однажды он должен выбраться из чрева отца и матери. Не только физически — но и ментально, не только ментально — но и духовно. Когда духовное дитя рождается, полностью отходит от прошлого, полностью разрывает с ним — только тогда впервые оно становится собой, становится независимой реальностью, стоящей на собственных ногах. Он есть! До этого он был лишь частью матери, частью отца, частью семьи — он никогда не был собой.

С самых первых дней мать и отец стараются не давать свободы своему ребенку. Но любовь зарож-

дается только в свободе, это стихийное явление, вы ничего не можете с ней поделать. Если вы попробуете, вы разрушите саму возможность. Они пробуют: «Люби нас», — и ребенок вынужден уступить, он беспомощен. Чтобы выжить, он вынужден заключить сделку. Это сделка, когда ребенок говорит: «Да, я люблю тебя, мамочка», когда он говорит: «Я никого так не люблю, как тебя». Когда ребенок говорит: «Я люблю тебя, папа, других таких нет. Ты единственный, ты самый лучший, самый потрясающий отец из всех», — он совершает сделку, он ведет дипломатическую игру, он становится участником мистификации.

Поначалу он не знает, что любовь — стихийное явление. Вы должны быть свободны, выжидательны, молитвенны, чтобы она пришла. Вы ничего не можете сделать, она случайность. Но теперь эта случайность никогда не случится в его жизни. Он всегда будет манипулировать, он всегда будет стараться контролировать ее, он всегда будет притворяться.

Вы когда-нибудь обращали внимание? Когда вы влюблены, вы раздваиваетесь, и одна часть манипулирует. Глубоко внутри вы всегда знаете, что манипулируете; мужчина пытается эксплуатировать женщину, женщина пытается эксплуатировать мужчину. И как только они поженились — то есть как только их любовь становится браком — постепенно вся фальшь сходит на нет. И тогда появляется истинное, настоящее лицо, и происходит конфликт. И тогда исчезает вся любовь, потому что эта любовь никогда не была на первом месте. Иначе как может любовь исчезнуть?

Любовь — это самое бесконечное, что есть в мире. Может исчезнуть Земля, могут исчезнуть звезды, может исчезнуть весь мир — но не любовь. Любовь — бесконечное явление, самое божественное. Как она может исчезнуть так быстро? Еще не кончился

медовый месяц, а любовь уже исчезла, она никогда не была на первом месте. Вы просто старались одурочить другого, и себя заодно. Сколько можно заниматься самообманом? Если вы продолжаете обманывать себя слишком долго, становится настолько невыносимо, становится настолько тяжело, что просто невозможно жить. Нельзя лицедействовать двадцать четыре часа в сутки. Несколько минут — нормально: на пляже, в горах — это хорошо, вы можете побыть показным романтиком.

На несколько минут — это нормально. Это хорошо, это игра — но все двадцать четыре часа? Если притворяться все двадцать четыре часа, это вызовет страшное напряжение ума, это создаст ужасное беспокойство, потому что вы будете чувствовать себя запертым, заключенным под стражу. А когда вы чувствуете, что вы заперты, под стражей, вы считаете другого ответственным за это. Тогда вы мстите, вы противодействуете: что бы ни сказала жена, вы злитесь, что бы ни сказал муж, злится жена. Тишина становится счастьем: чем дольше вы можете оставаться спокойным, тем лучше. Все это происходит, потому что с самого начала отсутствовало истинное.

Мулла Насреддин был влюблен. Женщина была очень высока, да и жила очень далеко: почти целая миля от конечной остановки трамвая. Но Насреддин каждый вечер провожал ее до дома.

Однажды, после того как они прошли часть пути, Насреддин попросил: «Поцелуй меня». Но она была так высока, что нужен был стул или что-нибудь еще. Они огляделись и увидели заброшенную кузню. Там была наковальня. Насреддин взобрался на нее, поцеловал возлюбленную, и они отправились дальше. На половине пути Насреддин сказал: «Еще разок, дорогая». Женщина ответила: «Нет! Я подарила тебе один поцелуй, на сегодня достаточно».

Насреддин воскликнул: «Ну и зачем тогда я тащу эту чертову наковальню?!»

Если вы несете груз, рано или поздно... ну и зачем? Если ваша любовь лишь средство достижения чего-то еще, а не конечная цель, она может быть игрой, но она не сможет стать истинно важной частью жизни. Вы будете играть.

Насреддин подарил своей возлюбленной обручальное кольцо с бриллиантами. Она посмотрела на подарок и сказала: «Неплохо, но бриллиант с трещинкой».

Насреддин воскликнул: «Сладкая моя, разве ты не слышала, что любовь слепа?»

Женщина ответила: «Слышала, я прекрасно знаю, что любовь слепа, но ведь не совершенно слепа».

Какая изобретательность! Какое коварство ума! Вы можете притвориться, что вы слепы, но как вы можете быть действительно слепым? Вы можете играть, но игра не может стать жизнью. Глубоко внутри вы не близки ей и поэтому со временем начинаете ненавидеть.

Любовь может быть только стихийной. К ней нет другого пути. Что бы ни утверждал Дейл Карнеги, другого пути нет. Любовь может быть только стихийной, вы не можете подготовиться к ней. Готовясь, вы ее упустите навсегда. Надо просто ждать, молитвенно ждать. Если ребенку будет позволено быть свободным, однажды любовь расцветет. Но для этого нужны очень смелая мать и очень смелый отец.

Вот почему я всегда говорю, что быть матерью — самая трудная вещь на свете. Любая женщина может дать ребенку жизнь, но быть матерью или быть отцом мало кто пригоден, редко, потому что быть настоящей

матерью означает дать ребенку столько свободы с такой любовью, чтобы однажды в нем расцвела стихийная любовь.

Ребенок должен *сам* полюбить свою мать, он не должен быть принужден к этому. Это может случиться, это может не случиться. Вот почему это смелый поступок — это может не случиться. Никто не знает. Никто не может утверждать, она не механизм. Если это случится, это будет прекрасным даром матери, иначе эта мать может продолжать молиться, чтобы это случилось с какой-либо другой женщиной — но не принуждайте к любви. Если вы принуждаете к ней, то ребенок усвоит трюк, он усвоит прием. И он будет использовать этот прием снова и снова — с одной женщиной и с другой, с тем мужчиной и с этим, и тогда вся жизнь станет набором приемов, она не будет настоящей, она станет поддельной.

Когда любовь становится поддельной, деньги начинают играть важную роль. Это надо понять. Почему деньги становятся важны, когда любовь поддельна? Потому что любовь дает вам внутреннюю безопасность. Когда вы любите, вы в безопасности — никакой другой безопасности вам не нужно. Когда вы любите, вы абсолютно защищены — никакой другой защиты вам не нужно. Любви достаточно, больше ничего не нужно. Вы можете быть попрошайкой на улице, но если вы любите, ни один император не может потягаться с вами в безопасности, даже Соломон бедняк по сравнению с вами.

Если вы любите, вы богаче всех. Ничто не сравнимо с сокровищами любви. Вы можете не обладать ничем, но вы обладаете всем. Один миг любви — и жизнь удалась. Когда вы любите, вы не будете бояться смерти, потому что вы познали смерть — смерть любви. И она была так прекрасна, она была так мелодична, она была настолько благословенна, что теперь вы можете принять даже реальную смерть — смерть тела.

Вы можете принять ее. Страх больше нет, потому что вы узнали, что слияние с женщиной, с мужчиной невообразимо прекрасно — как может не быть еще прекрасней слияние со всем существованием?

Смерть — это слияние. Если вы познали любовь, страха смерти нет. Если вы не познали любовь, смерть становится центром вашей жизни. Как защитить себя? Вы строите убежища, создаете счет в банке — все это средства защиты от смерти. А когда вы боитесь смерти, вы боитесь и жизни, потому что жить всегда опасно. Чтобы жить, вам приходится ходить неведомыми тропами. А это опасно: за каждым углом вас может подстергать смерть.

Человек, который боится смерти, дрожит все больше и больше и начинает бояться жизни. Он не может летать на самолетах, он не может ездить в поездах, потому что боится катастроф. Он не может подружиться с незнакомцем, потому что... кто его знает? Он не может влюбиться в женщину, потому что кто знает, обманет она его или нет. Он не может верить. Если в вашей жизни не случилась любовь, вы не можете доверять. Вы всегда полны сомнений и скепсиса. А как можно построить отношения, если вы в сомнениях?

И если любовь не случилась, вы никогда не сможете прийти к мастеру. Даже если сам Будда придет в ваш город, вы упустите его. Вы не пойдете туда, потому что эти люди очень опасны. Подобные люди могут загипнотизировать вас и увести с истинного пути. Они могут растревожить ваш устоявшийся образ жизни, где вы зарабатываете, копите, где вы становитесь все успешней с каждым днем: производство все расширяется и расширяется, счет в банке пополняется и все идет более чем хорошо. Зачем нарушать спокойствие из-за чего-то нового, чужеродного? Не позволяйте вторгаться в вашу жизнь ничему извне. Живите в вашей тюрьме, защищенной, безопасной.

Если вы познали любовь, вы не боитесь смерти. А когда человек не боится смерти, только тогда он восприимчив к жизни — ведь если человек боится смерти, как он может жить? Он боится даже сделать глоток воздуха, потому что там микробы.

Я знаю одного поэта. Он великий поэт, но я все время удивляюсь, как может он быть великим поэтом — он не может даже быть человеком. Должно быть, он знает тонкости языка, должно быть, он хороший стилист. Должно быть, он играет словами, но он не может быть великим поэтом, потому что великая поэзия выходит из жизни — а он ее так боится. Однажды он путешествовал вместе со мной. Его жена говорила мне: «Не бери его с собой, будут трудности», — и, действительно, трудности начались сразу: он отказался заказывать чай в отеле.

Он сказал: «Кто знает? Кто-нибудь мог отравить чай».

Я ответил: «Кому нужен поэт? Кому ты нужен? Никто и не думает о тебе». Но он так ничего и не заказал.

Он сказал: «Я принесу кипяtilьник и заварю чай сам». Он отказывался принимать пищу в отеле, потому что... кто знает? Он так всего боялся. Как может такой человек жить? Как будто в жизни только один смысл — не умереть.

Но жизнь несет смерть, смерть — это кульминация. Если вы не хотите умирать, не живите — другого пути нет. Другого пути нет, потому что, если вы живете, вы идете к смерти. Жизнь несет смерть. Поэтому логично не жить. Чем меньше вы живете, тем меньше вероятность смерти. Если вы не живете полностью, если вы совершили самоубийство, вы никогда больше не будете мертвы, вы закончили. Жизни нет, теперь вы не можете умереть. Так человек становится мертвым человеком. Вы встретите этих трупов в магазинах, университетах; работающих, занимающихся чем-либо, — но это трупы.

Жизни необходимо расширение. Страх не позволяет вам, безопасность становится главной целью — как себя защитить. Смыслом жизни становится искусство выживания. А я скажу вам, искусством должно быть радостное умирание, блаженное умирание, позволение умирания — потому что, если вы готовы умереть, вы готовы жить. Если вы готовы умереть, вы готовы любить. Если вы готовы умереть, вы готовы к встрече с божественным. Нет другого пути, смерть — это дверь.

Что я имею в виду, когда говорю, что смерть — это дверь? Вы не должны быть тут, вы должны раствориться, вы должны потерять себя. Что означает безопасность? Что бы ни случилось, вы должны быть, вы должны продолжать существовать в своем эго. Вот почему деньги так важны, деньги помогают вам не жить. Бедному человеку приходится жить, богатому — не обязательно.

Я слышал об одном очень богатом человеке. Он никогда не ходил пешком, везде передвигался на машине и даже от дверей дома до кабинета его перемещали на носилках. Однажды он прибыл в незнакомый город, поселился в незнакомом отеле, где никогда не бывал прежде, и, когда его внесли, менеджер подумал, что он парализован или что-нибудь в этом роде. Поэтому с крайне удрученным видом он спросил у жены этого человека: «Что с ним? Ваш муж выглядит вполне здоровым. Он парализован, или у него что-то с ногами?»

Женщина ответила ему: «Нет. Его ноги в полном порядке. Ему не обязательно ходить — он богатый человек».

Богатому человеку не обязательно жить, он может себе это позволить! Беднякам приходится жить. Бедняк должен выйти на улицу, навстречу опасности, в толпу. Бедный человек не может себе позволить не

жить. Вот почему богатый человек постепенно становится узником своего богатства, полностью изолированным. Он живет в одиночестве и даже своей жене не разрешает заходить в комнату. Он может найти этому и объяснение: «Мы не бедны, зачем же нам с женой жить в одной комнате? Мы богаты. Мы можем позволить себе жить в разных комнатах», — но настоящая причина в чем-то другом.

Гитлер никогда никому не разрешал жить в своей комнате: он боялся. Кто знает? Жена может оказаться шпионом. Он никогда не был женат. Он женился только непосредственно перед самоубийством — за три часа до этого, потому что тогда уже не было страха. Только когда смерть стала неизбежной, он женился, не раньше — потому что жена опасна. Кто знает? — она могла быть связана с вражескими силами или она могла быть коммунисткой — и ночью она могла убить его.

Он любил многих женщин, но никогда никому из них он не позволял жить вместе с ним, никогда никому из них не позволял оставаться на ночь в своей комнате. Только за три часа до смерти, когда он понял, что ускользнуть не удастся — смерть неизбежна, враг бомбит Берлин, — он вызвал среди ночи священника. Священника разбудили, незамедлительно доставили в подземный бункер Гитлера, и Гитлер сказал ему: «Сейчас же проведите церемонию бракосочетания». А когда церемония завершилась, они удалились, оба приняли яд и умерли.

Что это был за человек? Но таких людей вы встретите повсюду. Когда вас одолевает страх, никто не может быть другом. Все враги — и вы должны защищаться. Богатый человек может лучше защитить себя, вот почему такое значение придается деньгам — какое безумие! Невозможно понять, что происходит. Откуда такой психоз вокруг денег?

Мулла Насреддин умирал. Он открыл глаза и посмотрел на жену. Она сказала ему: «Мы здесь, Мулла. Ты уходишь на небеса в тишине, покое и молитвах. Мы все здесь».

Мулла Насреддин оглядел собравшихся — его глаза были затуманены, он почти уже отошел — разглядеть всех было сложно.

Он спросил: «А где Реман?»

Жена ответила: «Он стоит справа от тебя».

Тогда он спросил: «А где Рахим?» — другой его сын.

Жена подсказала: «Он здесь. У тебя в ногах».

«А где Абдул? Где Фарид?» — не унимался он.

Все были здесь, поэтому жена сказала: «Не беспокойся. Мы все здесь».

Насреддин тут же забеспокоился и воскликнул: «А кто же приглядывает за лавкой? Если все здесь, кто приглядывает за лавкой?!»

Он лежал на смертном одре. Спустя мгновение он умер. Нет, ни жизнь не важна, ни смерть... только лавка. «Кто приглядывает за лавкой?» Даже в последний миг в голове не храм, а только лавка, только рынок, только деньги.

Почему деньги так важны? Это ваша защита от любви, от жизни, от смерти, от Бога. Вот почему Махавира и Будда отвергли их. Это отречение приходит с пониманием, что весь этот порядок направлен против любви, против жизни, против Бога. Они просто отвергли! Они отказались не из-за денег, а из-за понимания, что эта защита убивает их, это яд. Поэтому они просто ушли из своих дворцов.

Новая жизнь начинается, когда вы понимаете, что деньги — это психоз. Безопасность, обеспечение безопасности и всяческих мер предосторожности показывают, что вы уже мертвы, жизнь покинула вас. Постоянные усилия оставаться в безопасности означают,

что вы еще не способны любить; любовь — и так достаточная защита, никакая другая защита не нужна. Миг любви — это бессмертие: страха смерти больше нет, влюбленный может умереть легко, любя. Он познал жизнь, он преисполнен благодарности. Даже если любовь длилась лишь мгновение... он познал ее блаженство, ее благословенность, всю ее благодать. Он благодарен Богу за этот единственный миг, данный ему, — которого он не был достоин.

А кто достоин? Никто не достоин. Вы когда-нибудь думали об этом — о том, что вы живой? Вы достойны быть живым? Чем вы заслужили это? Вы узнали цветы и деревья, птиц на ветру и рассветы, многочисленные утра и вечера, и звезды! Чем вы заслужили это право быть живым? Это дар. Вы недостойны, вы никак не заслужили это. Это Божий дар — вы есть.

Когда кто-либо познает хотя бы один миг любви, вся эта жизнь становится ничем. Все птицы, которых вы видели, все песни, которые вы слышали, все музыканты мира теперь — ничто! Вся эта зелень деревьев ничто. Нет солнечного света и музыки звезд. Если вы познали один миг любви, весь этот мир — сумерки, тень; он — отражение, а не реальность.

Если вы познали один миг любви, из вечности в вечность вы будете благодарны, будете петь благодарственные песни божественному. И смерти нет — любовь не знает смерти, любовь знает только жизнь. Вы знакомы только со смертью. Любовь... вы прошли мимо нее, каким-то образом вы не прошли через нее, вы прошли мимо, и теперь стали важны деньги. Деньги — это символ мертвого, деньги — это любовь мертвого.

Поглядите на скупца. Когда он держит в руках деньги, это не просто деньги. Я видел одного скупца — столько романтики было в его глазах, когда он смотрел на банкноты; никогда с такой любовью влюбленный не смотрел на свою возлюбленную. Он

ласкал их и гладил... и видели бы вы его глаза! Свет, которым наполнялись его глаза, поэзию, которая переполняла все его существо. Он полностью преображался. Нет, Маджнун не был так счастлив, когда смотрел на Лейлу. Нет, Ширин не была так счастлива, когда смотрела на Фархада.

Этот человек был моим родственником, поэтому я часто видел его и понял. Он был абсолютным человеком денег, буддой на этом пути. Он никогда не женился, он говорил: «Это так дорого, я не могу себе это позволить. Я женюсь со временем». Он уже умер. Он никогда не женился — остался холостым. Но он нашел объяснение этому, он говорил: «Это брахмачарья». Он говорил: «Это целибат. В писаниях, в Ведах целибат — высшая ступень жизни». Но он был обычным скупцом, он жалел даже свое семя. Таков был его целибат — он не был брахмачарья.

Поэтому, когда вы встретите давшего обет безбрачия, девяносто девять из ста будут просто жалеть семя. Они боятся его выпустить: если семя покинет их тело, их сальдо... Их брахмачарья — своего рода запор. Они смердят! Вы никогда не почувствуете от них аромат. Они скупцы — но они оправдывают себя. Они всегда живут разумом, никогда сердцем — потому что сердце опасно.

Разум всегда берет, сердце всегда отдает. Сердце — даритель, сердце не скупец, поэтому скупец никогда не доверяет сердцу. Постепенно он убивает сердце, он становится головой. У него нет чувств — чувства опасны. Он не чувствует, становится бесчувственным. Он не допускает чувствительность в свое существо, потому что приходит попрошайка и просит... если у вас есть чувства, будет трудно сказать «нет». Но если у вас есть только голова, вы найдете оправдание, вы скажете: «Я не приветствую попрошайничество. Это плохо для экономики, это нехорошо для культуры — он выглядит абсолютно здоровым,

пусть идет и работает». Вы найдете оправдание, но все эти оправдания, вы и сами знаете, просто отговорки, на самом деле вы не хотите отдавать — вот истинная причина. Но вы не можете признаться в нежелании давать.

Вы живете среди слов, причин, оправданий и продолжаете скрывать главное — вы убиваете свои чувства. Если вы на пути денег — практически все идут по этому пути — осознайте до конца, что происходит внутри вас: вы убиваете себя. Но жизнь невозможно остановить, жизнь идет к смерти. Вы не можете удержать ее, это не в вашей власти. Она уходит — как она приходит, так и уходит. Прежде чем она покидает вас, вы производите только суету, все.

Если вы принимаете приливы и отливы жизни, рождение и смерть жизни, если вы принимаете, нет нужды суетиться. Вы можете любить. Несмотря на то, что смерть рядом, любите. И позвольте любви случиться. Не пытайтесь защититься и не бойтесь смерти. Смерть придет. Дайте жизни шанс расцвести. Если жизнь по-настоящему цветет, смерть будет кульминацией, а не концом. Она станет высшей точкой, крещендо. Она станет высочайшим пиком, Эверестом, а не концом.

В момент смерти для человека, который жил правильно, в любви — а это единственный правильный способ жить — к нему смерть приходит как самый неимоверный восторг. Он умирает с песней в сердце. Он умирает, трепеща от восторга. Он готовится к встрече с желанным божественным. Он научился, как любить и как отдавать. Поэтому в момент смерти он способен отдавать. Он отдает все свое существо обратно Вселенной: душа, дыхание возвращаются воздуху, жар души возвращается огню, прах возвращается земле, мечты возвращаются небу. Он отдает, он даритель, его существо возвращается к истокам, к *Брахме*, его ничто не держит.

Но вы не сможете так умереть, если вы держались всю вашу жизнь. Момент смерти становится безобразным, если вы держитесь за все. Если вы держались, и держались, и держались, и всегда боялись и боялись, и не позволили себе любить, тогда в момент смерти вы упустите высочайший пик, который только возможен, который был возможен. Есть два пути: один правильный, другой неправильный.

Теперь мы постараемся понять эту историю. Вы сможете ее понять — но только через сердце:

Мастеру Сейцзу было необходимо новое помещение, потому что старое, где он учил, всегда было переполнено.

Похоже, он оказался в той же ситуации, что и я.

Умецзу, купец...

Ко мне такой еще не приходил.

Умецзу, купец, решил пожертвовать пятьсот мер золота на новое здание.

Пятьсот мер золота — это большие деньги.

Он принес деньги учителю, и Сейцзу сказал: «Хорошо, я возьму их».

Но это не тот ответ с точки зрения скупца.

Этот человек был, без сомнения, скупым, иначе как бы он смог скопить пятьсот мер золота? Но это было не все, должно быть, это была малая часть, соотвечавшая его накоплений. Но почему, если он скуп, он пришел с подношением к мастеру? Кажется про-

тиворечивым: если он скуп, если он человек денег, он не должен так поступать. Но я знаю причину — это тоже часть страха, это подготовка защиты в ином мире.

Должно быть, он приближался к смерти, был старым человеком. Люди денег всегда стары, они никогда не бывают молодыми — потому что смерть всегда рядом, и они дрожат от страха. Должно быть, он чувствовал, что смерть может прийти каждый день, он должен был сделать приготовления и в ином мире. Должно быть, у него были миллионы. Пятьсот мер золота... достаточно, чтобы быть в безопасности: «Отдам их этому мастеру, люди говорят, что он просветленный. Отнесу ему эти пятьсот мер золота, пусть он позаботится об ином мире, он может выписать мне лицензию. Люди говорят, что он ладит с Богом, о нем пишут в хороших книгах, он будет полезен так или иначе».

Это как блуждание во тьме. Человек, который упустил жизнь, думает о какой-то другой жизни. Помните, только люди, которые упустили эту жизнь, думают об иной. А если вы упустили эту, то упустите и ту, ведь вы остались таким же. Даже если вас силой отправят на небеса, вы превратите их в ад, потому что вы заберете ваши привычки, ваш образ мыслей, ваши действия — все ваше прошлое вы заберете с собой. Вы превратите небеса в ад.

Сможете ли вы оказаться в раю? Я не представляю, каким образом; вы не сможете. Куда бы вы ни направлялись, вы несете с собой ад. Это часть вас. Поэтому те, кто знает, говорят, что ад и рай не снаружи — они внутри вас, это состояние вашего существования. На этой земле люди жили в раю, на этой земле вы живете в аду. Запомните как следует: куда бы вы ни направлялись, везде вы устроите ад. Как только вы туда доберетесь, вы все вокруг превратите в ад. Вы не можете создать ничего нового. Ум стар, он все создает по образцу, двигаясь по кругу.

Должно быть, этот Умецзу был скупцом. Но смерть приближалась, и он вынужден был подумать и об ином мире. Этот мир он потерял, иной нельзя было потерять. Надо было что-то предпринять, но опять же с помощью денег. Видите ум: он думал, что за деньги можно купить жизнь, теперь он думает, что за деньги можно купить Бога. Он думал, что за деньги можно купить любовь. А теперь он думает, что за деньги можно купить рай. Но ум охвачен денежным психозом. Он по-прежнему безумен, деньги по-прежнему остаются средством. Все, что он собирается заполучить, он хочет заполучить с помощью денег.

Вот почему мастер повел себя таким образом. Он сказал: «Хорошо, я возьму их», — так, словно они были ничто. В этом весь смысл: будто они были ничто: пятьсот мер золота — просто грязь.

Мастер сказал: «Хорошо, я возьму их», — словно это была обуза и он делал одолжение Умецзу. Всегда помните, что если вы идете к мастеру с деньгами, он преподаст вам урок. Это легко понять в этой истории. Но очень трудно, если этот урок дают вам.

Несколько дней назад позвонил один человек, он хотел дать денег для ашрама. Потом он передумал: «Я не буду давать денег, потому что, похоже, благодарности я не дождусь. Мне даже не предложили отдельной встречи с Ошо, я не буду давать деньги». Он здесь, он должен постараться понять эту историю, потому что легче понять, когда вы не являетесь участником. Когда вы участвуете, понять сложнее. Этот человек приносит мне пятьсот мер золота, так? И я ему говорю: «Хорошо, я возьму их!»

Умецзу отдал мешок с золотом, но был очень обескуражен отношением учителя, поскольку он пожертвовал внушительную сумму — на три меря золота один человек мог безбедно жить целый год, а учитель даже не поблагодарил его.

Посмотрите на ум, ум, который охвачен денежным психозом. Что он говорит? Он говорит: «Я принес кучу денег — один человек может жить на три меры золота целый год». Он измеряет жизнь деньгами. Деньги могут быть нужны, но никто не может жить благодаря деньгам. Деньги могут быть необходимы, но только их недостаточно. И если есть только деньги и больше ничего, лучше вам умереть, и чем скорее, тем лучше. Потому что вы живете неоправданно, вы просто прозябаете — это не жизнь.

Говорят, Иисус сказал: «Не хлебом единым жив человек». Он знает, что хлеб необходим — никто не может жить без хлеба, это так. Но есть высшее измерение жизни, где никто не живет только хлебом. Если остается только хлеб, лучше покончите с собой! Потому что снова и снова пережевывать все тот же хлеб не имеет смысла.

Но человек, который все измеряет деньгами, думает, что можно прожить целый год на три меры золота, а тут пятьсот мер золота — на это можно жить годы и годы! Можно обеспечить вечную жизнь благодаря пятистам мерам золота. И что это за человек? — он даже не поблагодарил меня! Он был очень недоволен.

Всегда, когда вы даете с условием, вы будете разочарованы, потому что условие не может быть выполнено. Всегда, когда вы даете без всяких условий, вы будете довольны, потому что нет причин для разочарования. Всегда, когда вы даете и радуется, когда сам дар — это цель... этот человек должен был плясать от радости, что мастер принял его дар — этого достаточно! Он должен был благодарить мастера: «Я беспокоился, примете вы мой дар или нет. Я знаю вас хорошо: для вас это грязь, а вы приняли мой дар. Вы так добры, ваше сострадание так глубоко». Он должен был танцевать и благодарить. Он должен был испытать глубокое счастье и блаженство. Но нет,

это было невозможно: дар был не целью, а средством. Ему хотелось, чтобы мастер был обязан ему.

Если этот человек доберется до Бога, он даст ему мешок золота и будет ждать благодарности. Что вы можете дать Богу, который дал вам все? А мастер не кто иной, как посланник божественного, тот же смысл. Вот почему мы зовем Махавиру «Бхагваном», Богом, вот почему мы зовем Будду «Бхагваном» — тот же смысл. Что вы можете дать ему? Все, что есть у вас, дал вам он. Самое большее, вы можете все вернуть... самое большее. Вы должны быть благодарны, если ваш дар примут.

Но помешанный на деньгах не сможет понять этого. Он хотел, чтобы мастер был признателен, потому что он дал, да еще так много. Для него это было очень много. По его меркам это была колоссальная сумма — пятьсот мер золота, а один человек может жить год на три меры — ум всегда сопоставляет. Он не знает абсолютных категорий. Он знает только в сопоставлении. Таков ум!

Я слышал...

Мулла Насреддин умер и попал в ад. Там он предстал перед Сатаной, который уже давно поджидал его — Мулла был одним из тех, кого в аду очень ждут. Сатана принял его, поприветствовал, и Мулла Насреддин сказал: «Приятель, я счастлив оказаться в раю».

Дьявол нахмурился: «Насреддин, ты ошибся. Ты не в раю».

Насреддин ответил: «Это ты так думаешь. Но я прибыл из Индии — для меня тут рай».

Ум сопоставляет. Пятьсот мер золота! Он дарил свою жизнь, его сердце было в этом мешке с деньгами. Эти пять сотен мер были не золотом, это были частички его сердца. Он продал свою жизнь за то золото.

Он был готов умереть за этот мешок с золотом — и ни слова благодарности! Это было слишком. Мастер ведет себя неправильно, он был разочарован.

О каком бы мастере вы ни подумали, вы всегда придете к выводу, что он ведет себя неправильно. Помните: если вы подумаете — я повторяю — вы всегда придете к выводу, что он ведет себя неправильно. Если вы посмотрите — не подумаете — тогда вы поймете, что он всегда прав.

А Умеццу думал, просчитывал. Это было ему понятно: пятьсот мер золота — вся его жизнь в этом мешке. А этот человек просто говорит: «Хорошо, я возьму их».

«В этом мешке пятьсот мер золота», — намекнул Умеццу.

Он подумал: «Возможно, он недопонял. Возможно, он медитирует или что-нибудь такое, потому что, как такое может быть, чтобы человеку давали пятьсот мер золота, а он всего лишь сказал: „Хорошо, я возьму их“? Он не в своем уме». И тогда он намекнул:

«В этом мешке пятьсот мер золота», — намекнул Умеццу.

«Ты уже говорил», — сказал Сейццу.

Он сказал: «Это не обязательно. Зачем повторять? Я слышал».

Час от часу не легче, ни слова благодарности от этого человека. Мало того, тот даже не понял намек и, похоже, слегка разозлился, потому что сказал: «Ты уже говорил. Нет необходимости...»

«Хоть я и богат, пятьсот мер золота — это очень много», — сказал Умеццу.

Вот в чем проблема ума. Он говорит: «Хоть я и богат... У меня достаточно денег, но тем не менее... пятьсот мер золота — это очень много. А для тебя, нищего, это целая Вселенная. Даже для меня это очень много, а ты обращаешься с этими деньгами так, как будто это ничто. Ты оскорбляешь меня».

Человек, сосредоточенный на деньгах, не может понять человека любви. Человек любви всегда будет являться в образе нищего, сумасшедшего, юродивого — он не поймет. Человек любви ведет себя как ненормальный. Как бы вы ни почитали Будду или Махавиру, если вы встретитесь с ними где-нибудь когда-нибудь, вы решите, что они сумасшедшие. Даже если вы не произнесете это, потому что это будет очень невежливо... Но вам будет совершенно ясно, что этот человек потратил свою жизнь на сидение под деревом. Он мог бы заработать много денег — Будде говорили это не раз.

Будда оставил свой дом и отправился в соседнее королевство, чтобы освободиться от родственников и семьи, потому что здесь они не оставляли его в покое и продолжали ходить, пытаясь убедить его вернуться. Поэтому он покинул это королевство и отправился в другое, а потом понял, что эти люди везде — от них не скрыться.

Прошел слух, что принц покинул соседнее королевство и прибыл в страну. Поэтому сам король приехал к нему и сказал: «Сын мой, ты очень молод и не знаешь жизни. Ты еще очень неопытный, а я человек с опытом. С высоты своего возраста прошу тебя, возвращайся домой. Это глупо. В этом возрасте такие глупости приходят на ум. Им надо противиться. В этом возрасте, когда человек молод, он имеет предрасположенность, склонность к идеализму. Но позже опыт покажет, что ты был неправ. Не порывай с идеалами родителей, возвращайся обратно!»

Будда выслушал его и ответил: «Возможно, ты прав в том, что касается твоего опыта, но я прожил

в этом мире многие жизни, и ничего, ничего не достиг. Достаточно! Это следствие пережитого опыта, а не какого-то романтического идеализма».

Но старик не желал его слушать. Он сказал: «Ты не хочешь возвращаться, я тебя понимаю — там у тебя могут быть неприятности. Возможно, у тебя не сложились отношения с отцом или с семьей, или случилось что-то не то. В этом случае не возвращайся домой, пойдем ко мне. У меня есть красавица дочь, женись на ней, и это королевство будет твоим».

Будда сказал: «Я женат, и я оставил прекрасную женщину. Трудно найти другую такую. Но даже эта прекрасная женщина не даст мне запредельного — а я ищу запредельное».

Старый король отступил, он сказал: «Ты безумен, неизлечимо болен».

Куда бы ни пришел Будда, он слышал эти слова. Он был так молод и так прекрасен... он никогда не бродил по улицам. Куда бы он ни шел, люди понимали, что он принц, не бродяга — и все советовали ему вернуться.

Ум живет своими идеями, думает своими категориями. Вы не можете отложить ум в сторону и посмотреть. Этот старик, который пришел к Будде, упустил свой шанс. Он может не случиться снова еще миллионы жизней. Но он учил величайшего учителя, пытался научить его чему-то, хотел, чтобы Будда научился чему-то у него. И ничего не получил сам, ничего не достиг.

Этот человек говорит: «В этом мешке пятьсот мер золота. Хотя я и богат, пятьсот мер золота — это очень много», — а ты бедняк, он не говорит этого, но подразумевает. «Ты должен оценить значение того, что я делаю. Такое богатое подношение, а ты просто говоришь: „Хорошо, я возьму их“».

«Ты хочешь, чтобы я поблагодарил тебя за это?» — спросил мастер. Мастера никогда не отве-

чают на ваши вопросы. Они отвечают на вопросы, которые вы подразумеваете. Они никогда не отвечают на ваши вопросы, потому что они неуместны. Они всегда отвечают на то, что прячется за вопросом, — на то, на что вы намекаете.

Вы заинтересованы не в том, чтобы доказать, что золото имеет значение; вы заинтересованы не в том, чтобы доказать, что пятьсот мер золота — это огромная сумма — все это лишь повод. Вы намекаете на что-то еще. Мастер тут же поймал его на этом и сказал: «Ты хочешь, чтобы я поблагодарил тебя за это?» Он попал в самую точку, он попал в самое сердце!

«Тебе следовало бы», — сказал Умецзу. Он не сказал: «Я ожидаю этого, и мне хотелось бы этого», а: «Тебе следовало бы».

Этот человек не даритель, он никогда не был дарителем. Даже когда он дает, он не дает. Даже когда он приносит дар — это сделка. Он говорит: «Тебе следовало бы. Я сделал такое богатое подношение, это твоя обязанность, а не желание или просьба».

«Почему я? — спросил Сейцзу. — Благодарить должен дающий».

Ум не может это понять, ум, ориентированный на деньги: благодарить должен дающий. Это вершина на пути любви.

Те, кто любит, приходят к осознанию того, что дарение так прекрасно и так блаженно. Они приходят к осознанию того, что чем больше вы отдаете, тем больше этого у вас: чем больше любви вы отдаете, тем больше любви у вас; чем больше вы раздаете и чем больше делитесь, тем сильнее она закипает в вас — это вечная весна. И однажды вы приходите к осознанию, что чем больше вы даете, тем больше вы имеете — вы poznали основы духовной арифметики. Теперь вы никогда не будете утаивать, теперь вы

всегда будете искать того, кого можно одарить. Теперь вы всегда будете искать того, с кем можно разделить это, потому что он обновит вас. Старое уходит, появляется новое; оно всегда появляется.

Вы как колодец с затхлой водой, потому что вы ничего никому не даете. Вы никогда не делитесь своей водой, и вода становится затхлой. Делитесь! Позвольте людям приходиться к вам и пить из вас, и тогда источники свежести всегда будут доступны. В тот момент, когда уходит старая вода, приходит новая. Глубоко внизу ваш колодец соединен с бесконечным океаном. Ваш колодец — это дверь в океан. Даритель приходит к осознанию, делящийся приходит к осознанию, и тогда он чувствует благодарность. Как только кто-то берет что-то от вас, что-то новое приходит в ваше существо. Ваше существо обновляется благодаря этому. Чем больше вы даете, тем больше и больше обновляется ваше существо. Даритель всегда остается молодым. Не-даритель всегда старый, мертвый, затхлый.

Мастер говорит: *«Благодарить должен дающий»*. Ты должен быть благодарен мне за то, что я принимаю твой дар, к тому же такой дар, как деньги. Ты должен быть благодарен, потому что деньги ничего не значат для меня». Возможно, они необходимы в этом мире, ведь мастеру тоже приходится жить здесь; возможно, это средство обмена в этом безумном мире, ведь мастеру приходится жить в этом безумном мире, — но это ничто. Это лишь выдуманное средство, с которым все согласны, так как благодаря ему мы можем обмениваться.

Общество может существовать без денег, тысячи лет общество существовало без денег. И рано или поздно придет день, когда общество снова будет жить без денег, потому что жизнь посредством денег ущербная, бессмысленная и совершенно ненужная. Но из-за того, что мир беден до сих пор, деньги нужны, но чем ближе финансовое благополучие...

Америка первой откажется от денег. Когда денег предостаточно, нет необходимости в деньгах — зачем они тогда? Тогда это глупо, это обременительно. Скоро Земле не будут нужны деньги. Мастера всегда это знали, всегда; что деньги всего лишь рыночное приспособление; но мастерам приходится жить с вами.

Если вы отправитесь в сумасшедший дом, лучше прикинуться, что вы тоже сумасшедший, иначе начнутся проблемы. Если вы попытаетесь убедить остальных, что здоровы, сумасшедшие убьют вас. Именно это они сделали с Иисусом, именно это они сделали с Сократом, именно это они сделали с Мансуром. Они все были простодушны. Они пытались жить в сумасшедшем доме как они есть — не сумасшедшими. Они были простодушны — они не знали, что главное правило сумасшедшего дома гласит: даже если ты не сумасшедший, притворяйся сумасшедшим, потому что безумие здесь — самая ходовая монета, это местная валюта. Не будь посторонним в сумасшедшем доме, иначе сумасшедшие объединятся и убьют тебя. Если ты скажешь, что ты не сумасшедший, это будет означать, что ты пытаешься сказать остальным: *«Вы сумасшедшие!»* — а они этого не потерпят.

Просветленному приходится жить в этом мире с вами. Ему приходится использовать ваши приемы, ваши трюки.

Так случилось. Одно просветленного в Японии всегда уличали в преступлении — когда в воровстве, когда еще в чем-нибудь — по мелочам. Он воровал только очень небольшие суммы денег, за это его сажали в тюрьму — а он был просветленным! За свою жизнь он двадцать шесть раз побывал в тюрьме, но его ученики не забывали его. Когда он в последний раз вышел из тюрьмы, ему было семьдесят восемь лет, и ученики сказали ему: *«Больше так не делайте... Зачем вы продолжаете делать так?»*

Он ответил: «Тогда кто отправится в тюрьму и попробует научить медитации этих надзирателей, этих заключенных? Кто туда пойдет? Мне приходится воровать, это единственный способ попасть к этим людям. А деньги ничто для меня. Я помогаю, потому что там настоящая беда. Я нужен там. Но это единственный способ попасть туда, иначе мне не позволяют. Это единственная валюта, которая требуется».

Просветленный должен жить среди вас, заключенных!

Но если вы готовы постичь денежный психоз и любовный восторг, тогда вы сможете постичь и это: благодарить должен дающий. Дари и будь признателен — ведь другой может отказаться.

Возможность этого даже не рассматривается этим скупцом. Он не может представить, что кто-то откажется от пятисот мер золота. Он и понятия не имел, что мастер мог отказаться. Мастер мог выбросить мешок из храма и сказать: «Не приноси сюда этот мусор».

Так случилось. Пришел человек — он тоже пришел с пятьюстами мерами золота. У скупцов своя математика: пятьсот кажется им максимумом, пределом; они не могут подняться выше — он пришел к Рамакришне. Рамакришна был еще более непредсказуем. Он не сказал: «Хорошо, я возьму их», — он вел себя более грубо. Он сказал: «Отлично, иди к Ганге и выброси туда все деньги».

Этот человек не мог даже пошевелиться, потому что Рамакришна так это сказал — он испугался. Это было выше его сил — пойти к Ганге и выбросить туда пятьсот мер золота. Но когда приказывает Рамакришна... Он сомневался. Рамакришна спросил: «Почему ты сомневаешься? Разве ты не отдал эти деньги мне? Теперь это мои деньги. Иди и брось их в Гангу, потому что сейчас они мне не нужны, а Ганге нужны».

Этот человек пошел, естественно, очень медленно, и не вернулся. Один час прошел, два часа прошло, и Рамакришна послал своих учеников посмотреть, что случилось с тем человеком. Не бросился ли он сам, чтобы спасти деньги? Скупцы поступают и таким образом. И ученики пошли смотреть, что он там делает. Вокруг него собралась большая толпа — он превратил это в настоящее представление. Он брал по одной золотой монете и кидал об камень — дзынь! Вокруг было много людей. А он считал: «Сто один. Сто два. Сто три...» — и кидал монеты в Гангу.

Ученики рассказали об этом Рамакришне: «Этот человек настоящий эксгибиционист. Он собрал большую толпу и выбрасывает деньги по одной монете, считая и делая все очень медленно».

Рамакришна отправился к этому человеку, хлопнул его по плечу и сказал: «Когда ты копишь, счет нужен, но когда ты избавляешься... Что ты делаешь? Если ты выбрасываешь деньги, выбрасывай сразу весь мешок!»

Но люди отрекаются от денег и продолжают считать. Но так не отрекаются.

Дающие должны быть благодарны; отдай и будь благодарен. Если вы сможете следовать этому правилу, старое ведро упадет, вода выльется. Майя, иллюзия исчезнет. Ни воды, ни луны. Тогда вы сможете посмотреть на небо, на настоящую луну. Она всегда там, но вы в плену у отражения.

Любовь — настоящая луна, деньги — отражение.

Достаточно на сегодня.

Глава 9

Философ
просит Будду

Однажды к Будде пришел философ и попросил: «Не словами, не без слов открой мне истину».

Будда молчал.

Философ поклонился, поблагодарил Будду и сказал: «Твоя любящая доброта рассеяла мои заблуждения, и я вступил на путь истины».

Когда философ ушел, Ананда спросил Будду, что открылось этому философу.

Будда ответил: «Хорошая лошадь бежит даже от тени хлыста».

К Будде пришел один философ и попросил: «Не словами, не без слов открой мне истину».

Это большая редкость, чтобы философ пришел к Будде. Это почти невозможно. Но когда это происходит, это может стать революцией, это может стать трансформацией для философа. Почему невозможно, чтобы философ пришел к Будде? Потому что философия и религия — противоположности, у них абсолютно разные подходы, диаметрально противоположные.

Философия верит в рассуждение, религия верит в доверие. Мыслитель легко сомневается, но не может так же легко доверять. Чтобы быть философом, нужен сомневающийся ум, очень скептический ум. Чтобы быть религиозным человеком, нужно глубокое доверие. Философ живет логикой, религиозный человек живет любовью, и нет возможности помочь логике и любви встретиться. Нет возможности: они никогда не встречаются, их пути никогда не пересекаются. Они могут идти параллельно — как железнодорожные рельсы — но они никогда не встретятся. Они могут подойти очень близко, но они всегда идут параллельно. Даже если вам покажется, что они могут встретиться где-то, это иллюзия.

Встаньте на железнодорожные рельсы и посмотрите: они бегут параллельно, но вам может показаться, что далеко-далеко, на линии горизонта они встречаются. Они не встречаются — это иллюзия. Дойдите до этой точки, и вы убедитесь, что они по-прежнему параллельны. Две параллельные линии никогда не встречаются. Сердце и голова — это

две параллельные линии, они никогда не встречаются. Вы можете прыгнуть, от одной линии вы можете перепрыгнуть на другую — это возможно. Вы можете прыгнуть от головы к сердцу, но это будет прыжком.

Если вы очень доверяете голове — это означает веру в сомнение — тогда прыжок невозможен. Были великие философы, они размышляли и размышляли, они взвешивали и предполагали, они создали великие теории, но они подошли к истине не ближе, чем любой невежда. Напротив, невежда может быть ближе, потому что он, по крайней мере, почитителен в своем невежестве, по крайней мере, он не эгоист, по крайней мере, он способен слушать других. В том случае, если Будда придет в город, невежественный человек сможет подойти к нему, так как он знает, что ничего не знает, — в нем много смирения. Философ не сможет подойти, потому что он уже знает. Вот в чем проблема: ничего не зная, он думает, что знает.

Такое случается со мной каждый день. Если приходит философ, если приходит психолог — человек, который изучал психологию, философию и религию в каком-либо университете, — очень сложно, почти невозможно найти с ним общий язык. Вы можете спорить, но вы не можете встретиться — вы движетесь параллельно. Может показаться, что вы стали ближе, поскольку вы используете одни и те же слова, но это лишь видимость.

Почему логичному человеку так сложно полюбить? Потому что любовь требует большого бесстрашия, бесстрашия шагнуть в неизведанное. Логика — трус, она никогда не шагнет в неизведанное. Логика говорит: «Сначала я должна все разузнать. Когда территория будет хорошо знакома, тогда я шагну».

В логике нет безрассудства. Любовь абсолютно безрассудна, а иногда она выглядит даже глупо. Для

логического ума она всегда выглядит глупо: «Что ты делаешь? Шагаешь навстречу неизведанному, не зная, куда ты направляешься? Что ты делаешь? Оставляешь территорию, которая хорошо известна, безопасна, благополучна, без необходимости становишься бездомным? Не оставляй то, что у тебя уже есть, сначала удостоверься, что это стоит сделать из-за того, что ты приобретешь». В этом проблема. Логика учит: «Сначала как следует рассмотри, куда делаешь следующий шаг; только потом шагай». Но тогда вам не удастся сделать ни шагу, потому что невозможно узнать, куда ведет следующий шаг, пока не сделаешь его. Такова логика...

Я слышал...

Однажды Мулла Насреддин захотел научиться плавать. Он отправился к учителю, и учитель сказал ему: «Пойдем со мной, я как раз собираюсь к реке. Это нетрудно, ты с легкостью научишься. Это просто, даже ребенок может научиться».

Но случайно, подходя к реке, Насреддин поскользнулся. Там было грязно, он упал и очень испугался. Он отбежал подальше от берега, под дерево. Учитель подошел и спросил: «Почему ты убегаешь? Что случилось?»

Насреддин ответил: «Послушай, сначала научи меня плавать здесь, и только потом я подойду к воде. Это ведь опасно! Если что-то пойдет не так, кто будет отвечать? Так что я подойду ближе к реке только тогда, когда научусь плавать!»

Но разве можно научиться плавать, не входя в реку? Поэтому Мулла Насреддин так и не научился плавать.

Это слишком опасно, совершать этот шаг глупо. Человек ученый, человек логики не сможет сделать этот шаг. Логика становится могилой. Вы все больше

и больше ограничиваете себя, потому что жизнь — опасность. Нет возможности избежать ее, она всегда устремлена к неизведанному. Река всегда устремлена к морю. Так и жизнь идет: она всегда оставляет известное, устремляется к неизведанному. Это путь жизни. И с этим ничего нельзя поделать. Если вы попытаетесь сделать что-то — Ганга повернет вспять, к Ганготри, потому что это ей знакомо, а не к Ганга-Сагару, не к океану.

В африканской мифологии есть птица, которую зовут вуфл-вуфл — это африканское имя. Эта птица — одно из самых удивительных существ во всей мировой мифологии. Эта птица имеет одну особенность: ей не интересно, куда она направляется, ей интересно только одно: откуда она пришла — поэтому она всегда движется задом наперед. Она никогда никуда не приходит, ведь ей интересно только откуда она пришла. Ей интересно прошлое. Это как если бы вы были стариком и хотели вернуться в утробу матери. Это невозможно, но так функционирует человеческий ум.

С логикой вы возвращаетесь к истокам, с любовью вы устремляетесь к бесконечному цветению — направления прямо противоположны. Логика спрашивает: «Кто сотворил мир?» Ей интересны создатель, прошлое, первоисточник — Ганготри, откуда Ганга берет свой исток. Любовь никогда не спрашивает, кто сотворил мир. Он уже есть, зачем суетиться? Кто бы ни стоял у истоков, не имеет значения. Как это касается вас, кто сотворил мир? Был ли это бог индуистов, Брахма или христианская Троица — какая разница?

Любови интересно, как воплотится бесконечное цветение. Любви интересно буддство. Любви интересно, что случится со мной, с тем семенем, которое внутри меня, — как оно будет цвести. Почувствуйте разницу: логике всегда интересны известное,

прошлое, тот путь, которым вы уже прошли; любви всегда интересно неизведанное, бесконечное цветение, тот путь, на который вы еще не ступали — и не только не ступали, а который даже не могли представить, о котором даже не мечтали.

Вот почему философ редко приходит к будде. Они двигаются в диаметрально противоположных направлениях: философ направляется в прошлое, Будда — в будущее. Точка отправления может быть одна и та же, но точки встречи не будет. Но когда философ приходит к будде... такое случается редко, но когда такое случается — это мгновенная трансформация.

Почему? Потому что, если философ приходит к будде, это значит, что глубоко внутри он понял ошибочность философии. Иначе зачем ему приходиться? Глубоко внутри он почувствовал ошибочность логики. Он сделал все, что мог, чтобы познать истину с ее помощью: спорил «об» и «про», «за», «в защиту», «против». Он спорил и спорил и сейчас подошел к точке, где осознал, что все безрезультатно: с помощью логики ничего нельзя познать. Эта неудача делает его настолько смиренным, насколько это возможно. Даже невежественный человек не может быть настолько смиренным, потому что ему неизвестно такое поражение. Ему не суждено было познать горечи поражений. Он никогда не падал с самой вершины...

Этот философ думал, что он на вершине. И вдруг он осознал, что он в долине, а о вершине лишь грезит. Он никогда не был на вершине, он не продвинулся ни на дюйм. Истина осталась такой же непостижимой, как и прежде. Вся его жизнь была напрасной. Когда кому-либо доводится почувствовать это, эго вдруг исчезает, он становится смиренным. А пока вы не смиренны, вы не можете прийти к будде. Только смирение, глубочайшая смиренность может привести вас к будде — теперь вы готовы к познанию, потому что вы не знаете ничего.

Есть два типа невежества: обычное невежество — это когда человек невежествен, но не осознает, что он невежествен. Когда философ осознает, что он невежествен, — это второй вид невежества, очень глубокий: ему пришлось принять, что он невежествен, он полностью осознает, что он невежествен. Когда невежество осознает само себя, это становится первым шагом на пути к мудрости.

Поэтому первое, что надо понять:

Однажды к Будде пришел философ и спросил...

Во времена Будды было много философов. И действительно, никогда больше не было такого расцвета интеллекта, как в те времена, — и не только в Индии, во всем мире. Тогда жил Будда; тогда жил Махавира; тогда в Бихаре жили Прабуддха Катьяян, великий логик; Аджит Кешакамбал, великий философ; Макххали Гошал, редчайший интеллектуал; Санджай Белаттхипутта и многие другие. Сейчас их имена не так хорошо известны, потому что у них не было последователей. В то же самое время в Греции жили Сократ, Платон, Аристотель — трое основателей всего западного ума. В то же самое время в Китае жили Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мен-цзы. Это была вершина — по всему миру ум достиг своего Эвереста.

Существуют только три культуры: одна — китайская, другая — индийская, третья — греческая. Только три культуры существуют, все остальные — субпродукты. Весь Запад берет начало от греческого ума в Афинах. Вся китайская цивилизация, абсолютно иной тип цивилизации, возникла из противостояния Конфуция и Лао-цзы; а все прекрасное, что есть в Индии, пошло от Будды и Махавиры. И все эти люди жили в один и тот же исторический период.

Историки говорят, что движение истории подобно колесу: есть периоды, когда разум находится на вершине, есть периоды, когда он угасает. Это были времена, когда разум находился на самой вершине. Многие были философами, особенно в Индии, вся страна была философской. В поисках истины люди путешествовали из одного уголка страны в другой — миллионы искателей!

Только когда искателей миллионы, несколько могут стать просветленными, потому что это явление подобно пирамиде. У пирамиды очень широкое основание, а из него постепенно вырастает вершина. Будда существует только тогда, когда широкое основание состоит из миллионов людей, ищущих истину, иначе он не может существовать. Нет такой возможности, ему просто негде стоять. Где он будет стоять? Нужны миллионы, миллионы искателей истины, они станут основанием.

В те дни, когда повсюду создавались учения, такие сложные, многомерные учения — никогда не было ничего подобного, чтобы можно было сравнить с ними... Историки философии и религии говорят, что в то время в Индии было известно все, что только было известно в философии, — каждый оттенок и нюанс мысли, каждый подход. Индия изучила все пути и возможности и каждую возможность исследовала до конца. С тех пор ничего нового не появилось в философии, а если вы думаете, что появилось, это значит, что вы не слишком хорошо знакомы с Индией. Не появилось ничего нового со времен Будды, потому что в то время все было исследовано, почти каждая возможность опробована.

А если вы думаете... На Западе многие люди приходят к осознанию чего-либо и думают, что им открылось что-то новое. Это кажется новым, потому что они были незнакомы с ним, они не знали этого. Сейчас все эти сокровища зашифрованы в текстах

на пали, на пракрите, на санскрите — на языках, которые не употребляются, на которых не говорят. Но каждый нюанс мысли...

Например, когда Зигмунд Фрейд впервые сказал: «Я подозреваю, что сознательный ум — это не весь ум. Глубоко внутри за сознательным находится подсознательное. А за ним, я подозреваю, лежит еще бессознательное», — это было принято как революционное открытие. Но во времена Будды это было известно, и не только это — Будда говорит о еще более глубоких уровнях. Он говорит о семи уровнях ума. Три из них — вот они, как говорил Фрейд, — но есть еще четыре... и если Будда прав в отношении трех, велика вероятность, что он прав и в отношении других, потому что он на правильном пути.

Затем Юнг предположил, что ниже бессознательного находится коллективное бессознательное — и это четвертый уровень Будды. Теперь вся психология пришла к этому четвертому уровню. Все четыре предложены Буддой — но есть еще три; рано или поздно мы откроем их.

С тех пор никогда не было такого признания ума, мысли. Казуистика дошла до самой крайности. Будда говорил о семи уровнях ума, а Прабуддха Катьян говорил о семистах уровнях ума. Непостижимо, но весьма логично... вполне возможно, что ум *может* подразделяться на семьсот уровней. Нет ничего невозможного.

Именно в это время философ пришел к Будде. Прежде всего попытайтесь понять позицию Будды. Его позиция антиметафизическая, насколько это возможно: он не философ. На самом деле, трудно найти большего противника философии, чем Будда: он говорит, что все философские проблемы — ерунда. Теперь это основная точка зрения на Западе — это Бертран Рассел, Витгенштейн. Последнее открытие Запада — это Витгенштейн. И это точка зрения Вит-

генштейна, что все философские вопросы, ответы — ерунда. Однако, если вы зададите вопрос, философский вопрос, Бертран Рассел ответит на него «да» или «нет». Будда никогда не отвечал на такие вопросы, потому что если это ерунда, зачем отвечать? Будда хранил молчание.

Это было в порядке вещей. В какой бы город ни приходил Будда, его *бхикку* обходили город и предупреждали жителей: «Пожалуйста, не задавайте вот эти одиннадцать вопросов». У них был список из одиннадцати вопросов, в этих одиннадцати вопросах заключалась вся метафизика, вам нечего было больше спросить. Они включали в себя весь объем всех философских исканий.

Поэтому заранее, до того, как Будда входил в город, его *бхикку* шли впереди и предупреждали: «Пожалуйста, не задавайте эти одиннадцать вопросов, он не будет на них отвечать. Если у вас есть вопросы, помимо этих одиннадцати, вы можете прийти, вас приглашают». Но если нет других вопросов, кроме этих одиннадцати, что тогда спрашивать?

Этот человек не был философом, он не был скептиком, он не верил в сомнения. Он настолько отрицал сомнения, что никогда не говорил о доверии. Это надо понять, потому что доверие нужно только тогда, когда вы сомневаетесь. Если вы не сомневаетесь, зачем тогда говорить о доверии? Все разговоры о вере означают, что появились сомнения. Он никогда не говорил: «Верьте!» — потому что, как он говорил, это вопрос не веры или безверия, надо *быть*. Это не интеллектуальный вопрос: вера и сомнение — вопросы интеллектуальные. Откуда сомнение? От ума. Откуда вера? От ума.

Поэтому ваша вера имеет те же корни. Она уже будет отравлена. Кто будет верить? И кто будет сомневаться? Вы останетесь прежним, и именно *вы* проблема. Поэтому Будда выкорчевывает корень,

он говорит: «Нет необходимости верить, нет необходимости сомневаться. Просто приходите ко мне и будьте. Не кидайтесь из крайности в крайность. Не выбирайте ни одну из точек зрения, просто оставайтесь посередине». Вот почему его учение известно как срединный путь — *маджхим никайя*: никогда не впадайте в крайности. Это одно из самых коренных открытий в области человеческого ума и его деятельности, потому что ум всегда склонен кидаться в противоположности.

Вы любите человека. Своей любовью вы возвеличиваете его, он становится Богом. Затем любовь проходит, и вы сразу же начинаете ненавидеть. Вы чувствуете абсолютно противоположное — никто не останавливается посередине. Этот человек сжимается под вашей ненавистью, превращается в дьявола. Есть ли возможность остаться между Богом и Дьяволом, не метаться между крайностями? Ум с большой легкостью меняет одну противоположность на другую. Это не проблема, вы так и делаете: вы сомневаетесь в человеке, а потом готовы верить ему; вы верите человеку, а потом готовы усомниться в нем.

Будда призывает остановиться посередине, потому что посередине нет ума, ум существует только на полюсах. Любовь? Ум тут как тут. Ненависть? Ум тут как тут. Вы против? Ум тут как тут. Посередине ум не может существовать. Посередине нет возможности ни для одной мысли, потому что любая мысль либо от сомнения, либо от доверия, от любви или от ненависти, от вражды или от дружбы. Вам хорошо известно, что в каждом друге прячется враг, в каждом враге возможен друг.

Человек с одним из самых изобретательных умов мира, Маккиавели, написал в своей книге «Князь»: «Не говори другу ничего такого, что бы ты не сказал врагу, потому что твой друг — это потенциальный враг. И не говори о враге ничего такого, что бы ты не

хотел говорить о друге, потому что однажды у тебя могут возникнуть неприятности. Если враг станет другом, ты попадешь в неловкое положение».

Это совет одного политика князьям и другим политикам. Политики всегда настороже. Чем они опытнее, тем меньше смысла в их словах и высказываниях. Их слова становятся все более и более трудными для понимания, так что, если их друг станет врагом, у них не возникнет осложнений. А если враг станет другом... Политики изменяются каждый день, они как погода, вы никогда не можете ничего знать...

Я слышал...

Два политика говорили о третьем, который отсутствовал. Первый сказал: «Этот человек настолько непорядочный, хитрый, невежливый, другого такого нет. Это самый непорядочный человек из всех». И он добавил: «Но, похоже, вы не знаете его так хорошо, как знаю я».

Второй ответил: «Нет, вы не правы, я тоже его хорошо знаю».

Первый возразил: «Как вы можете его хорошо знать? Он ведь *мой* лучший друг!»

Только друзья изучили друг друга до мелочей. Вот почему он утверждает, что это человек непорядочный, настоящий мерзавец. Он говорит: «Как вы можете его хорошо знать? Это я его лучший друг!»

Дружба и вражда — две стороны ума. Остановитесь посередине! Будда остановился посередине... и помог многим людям остаться посередине. Это как хождение по канату. Вы когда-нибудь наблюдали за канатоходцем — что он делает? В этом заключена одна из глубочайших жизненных истин. Как только он чувствует, что падает влево, он незамедлительно отклоняется вправо. Это может быть не слишком

заметно для вас, потому что вы думаете, что он отклоняется вправо, нагибается вправо. Но когда он наклоняется вправо, он знает, что это для того, чтобы не упасть влево. Это для равновесия: когда он чувствует, что может упасть вправо, он тут же отклоняется влево, он выбирает противоположное, чтобы сохранить равновесие.

Если утром вы любите человека слишком сильно, вечером вам приходится ненавидеть его, иначе вы упадете с каната — это хождение по канату. Если вы любите человека слишком сильно, вы слишком сильно отклонились влево, вы вот-вот упадете. Чтобы сохранить равновесие, вам надо отклониться вправо. Влюбленные постоянно ссорятся — это своего рода сохранение равновесия, ничего больше, ничего серьезного. Это естественно — а то вы упадете с каната, не иначе.

Вот что говорит Будда, он говорит: «Не отклоняйтесь вправо, не отклоняйтесь влево». Иначе что случится? Вы упадете с каната. Канат — это ум. Канат — это эго. Вам надо сохранять равновесие, постоянно сохранять равновесие. ...Это так парадоксально.

Всякий раз, когда вы ненавидите своего возлюбленного, свою жену, своего друга, на самом деле вы пытаетесь восстановить равновесие, чтобы снова любить их. Иначе вы сойдете с ума. А без ума нет любви, нет ненависти — по крайней мере, известных вам ненависти и любви; их нет. Появляется совершенно иной вид сопереживания, который вне дуальности, но он появляется, только когда вы оставили канат, оставили попытки сохранить равновесие. Тогда вы утрачены, ваше эго утрачено, эго — тончайшее равновесие.

Однажды к Будде пришел философ и спросил: «Не словами, не без слов открой мне истину».

Он просит чего-то невозможного, но рядом с Буддой невозможное возможно — только рядом с Буддой невозможное становится возможным. Рядом с ним все законы, все обычные законы перестают действовать.

О чем он просит? Он просит: «*Не словами и не без слов открой мне истину*». Это случилось много раз. Это случилось однажды и с Буддой. Приходил другой человек, но он, должно быть, был совершенно другой, потому что Будда вел себя по-другому.

У Будды нет готовых ответов. У него нет навязчивых идей, потому что у него не-ум. Какой бы человек ни предстал перед ним, он только зеркало — он только отражает его. Другой человек задал ему тот же самый вопрос. Тот человек пришел и спросил: «Можете ли вы мне что-нибудь поведать об истине, не употребляя слов?»

Будда ответил: «Тогда ты должен попросить, не употребляя слов. Ты спросишь — и я отвечу. Если ты не сможешь спросить, не употребляя слов, тогда как ты можешь чего-то ожидать? Иди, порепетируй! Будешь готов спросить без слов, приходи!»

Но этому философу Будда так не ответил. На самом деле, этот человек задал другой вопрос, потому что он сам был другой. Вопрос характеризует самого человека. Вопрос несет в себе вас, он наполнен вами. Вы можете задать тот же самый вопрос, но он не будет означать то же самое. Если вы другой, то и вопрос будет другой. Слова отражают человека. Слово само по себе значения не имеет. Вы можете справиться в словарях, узнать значение слова, но это не настоящее, живое значение, а мертвое. Когда человек использует слово, он дает ему значение, настоящее значение. Значимость идет от человека.

Этот человек спросил... о чем? Очень тонкий вопрос. Он спросил: «*Не словами и не без слов открой мне истину*».

Без слов — это просто, можно промолчать. Но «не без слов»? Это становится невыполнимым, потому что, если вы молчите, вы используете молчание. А этот человек попросил: «Не используй слова, не используй молчание — и открой мне истину». Молчание не поможет, слова не помогут. Язык не принесет много пользы, и тишина тоже не слишком полезна.

Что в этом случае делать Будде?

Будда молчал — но это не было обычное молчание.

Есть два типа молчания. Когда вы молчите, это вынужденное молчание. Внутри вас слова, внутри вас шум, вы молчите только на поверхности. Вы выглядите молчащим, на самом деле вы не молчите. Это один вид молчания, который вы знаете. Есть и другой вид молчания — вы сохраняете молчание внутри. Когда вы в опасности — кто-то угрожает вам, собирается вас убить — тогда внутри вас все замолкает, и это молчание без слов. Первый тип молчания, когда вы молчите снаружи — а внутри слова и болтовня, — это молчание со словами. Второй тип молчания — это молчание без слов, тогда внутри нет никакого шума, потому что в ситуации опасности, когда вы в шоке, шум исчезает.

Но это все еще не молчание будды. Молчание будды — это третий тип молчания, который вам неизвестен. В нем нет шума, но и нет отсутствия шума. Будда молчит, но это не вынужденное молчание; он просто молчит, потому что ему больше нечего делать. Его молчание позитивно. Это молчание посередине, оно не отклоняется к крайностям. Одна крайность — это слова, другая крайность — бессловесность. Это молчание ровно посередине: нет слов, нет бессловесности. Это просто молчание — не противоречащее шуму.

Если вы противодействуете шуму, тогда ваше молчание очень легко нарушить. Вы сами знаете множество людей, которые молятся или медитируют, но

когда рядом начинает смеяться или резвиться ребенок, они выходят из состояния покоя. С улицы доносится шум, шум уличного движения, кто-нибудь просигналил, и они выходят из состояния покоя. Вынужденное молчание очень легко нарушить. Только вынужденное молчание и можно прервать. Но если вы на самом деле молчите, как Будда — резвится ли ребенок, поет ли птица, гудит ли машина — наличие шума вас не тревожит. Шум будет появляться и исчезать, как в пустой комнате: шум заходит в одну дверь и выходит через другую. А внутри никого, кого можно было бы потревожить.

Но если ваше молчание вынужденное, тогда вы здесь, ваше эго здесь — контролирующее ум, вынуждающее ум, прилагающее все усилия, чтобы добиться молчания. Это неестественное, напряженное молчание. Потревожить его очень легко, даже маленький ребенок сможет потревожить его. Что это за буддство? Буддства нет, это фальшивка.

Запомните: во время медитации это будет серьезная проблема. Обычно вы разговариваете. Вы легко можете достичь другой крайности, вы можете заставить себя не болтать. Это как если ребенок играет, бегаёт, делает всякую ерунду — и вы наказали его: «Иди в угол!» Вы сильны, а ребенок беспомощен, и вот он садится в углу, очень похожий на будду, — но кипящий и бурлящий внутри, готовый воспользоваться любым шансом и снова начать бегать.

Посмотрите на ребенка, когда вы заставляете его замолчать, это второй тип молчания. Он не двигается, если вы сильно надавите на него, он даже не будет шевелиться, он зажмурит глаза — но что он делает? Он заставляет себя, он перебарывает себя — постоянное напряжение. Он принуждает сам себя, задерживает дыхание. Он даже не может дышать, потому что он боится — потому что, если вы дышите, начинается движение.

Вот почему никто не дышит, это правда. Вы научились дышать в детстве, когда вас вынуждали. Все дышат только краешками легких. Дыхание не может опуститься глубоко, потому что вы боитесь. С самого вашего детства вас вынуждали...

Посмотрите на спящего ребенка. Посмотрите, что происходит: его грудь остается неподвижной, поднимается и опускается только живот. Его дыхание достигает самой глубины, самого дна. Он дышит животом, его грудь неподвижна. Этот ребенок еще не стал частью общества, он не член общества. Вы должны будете научить его, а для этого вам придется прибегнуть к силе.

Всякий раз, как вы говорите ребенку: «Не делай этого!» — что он делает? Самое первое — перестает дышать. Каждый раз, как вы подавляете что-то, вы начинаете дышать поверхностно. Подавление и поверхностное дыхание — синонимы. Как только вы перестаете подавлять себя, вы распрямляетесь, дыхание становится глубоким. Только когда вы крепко спите, ваше дыхание глубоко, потому что во сне вы не можете подавлять, это впадает в забытие. Поэтому во сне вы дышите животом, это правильное дыхание. Или когда вы занимаетесь любовью, ваше дыхание становится глубоким, так и должно быть, потому что никакие принуждения не касаются секса: если вы занимаетесь любовью, если вы позволяете секс, тогда все принуждения исчезают. Тогда дыхание становится глубоким, оно опускается в живот, вы снова дышите словно ребенок, вы снова становитесь невозделанными, вы снова становитесь естественными, вы становитесь непредсказуемыми.

Посмотрите на ребенка, когда вы грозите ему, — и посмотрите на монахов в ваших монастырях. Вы им тоже грозите. В страхе ада, в стремлении к небесам они сидят там, подавленные. Их молчание — другой полюс, другая крайность; они бессловесны, они заставили слова исчезнуть, но они не посередине.

Будда молчал. Будда в третьем измерении. Он ничего не говорил — слова не дозволены. Он не подавлял слово, потому что бессловесность не дозволена. Он просто присутствовал, не думая, не медитируя, — просто присутствовал, как дерево.

Прошло пятьсот лет после Будды, но его статуя так и не была сделана. Прошло пятьсот лет после Будды, но не было ни одного его изображения. Всякий раз, когда надо было изобразить Будду, люди рисовали дерево бодхи. И это было прекрасно, потому что он был просто как дерево. Можете ли вы сказать, что это дерево молчит? Вы не можете так сказать, потому что дерево никогда не шумит — как может оно молчать? Можете ли вы сказать, что это дерево медитирует? Как оно может медитировать? Оно никогда не думало, не было мышления — как оно может медитировать? Тогда где же это дерево? Это дерево в третьем измерении, где нет разговоров и нет не-разговоров. Это дерево посередине, точно посередине.

Вы можете не быть буддой, но это дерево — дерево бодхи. И если вы можете сидеть под деревом, как дерево, вы станете буддой. И любое дерево может стать деревом бодхи, все деревья могут, нужен только будда, чтобы понять, какое дерево — дерево бодхи. Сядьте под любое дерево, и если вы посередине, это дерево станет деревом бодхи. Все деревья могут, только нужен кто-нибудь, кто откроет это, потому что деревья не придают значения представлению — они открываются при помощи сверхъестественного.

Будда молчал.

Философ поклонился, поблагодарил Будду и сказал: «Твоя любящая доброта рассеяла мои заблуждения, и я вступил на путь истины».

Это кажется чудом, или абсурдом, потому что Будда ничего не сказал, а этот человек понял —

а я говорю вам столько всего, а вы не понимаете. И рядом с Буддой было много людей, с которыми он говорил и говорил, а они не понимали — а этот человек понял без слов, без бессловесного. Что случилось? Как произошла передача знания, когда Будда молчал?

Никакое знание не было передано, разумеется, — вы не можете передать знание без слов, но вы и не можете передать знание без бессловесного. Есть два вида знания: одно, обычное знание, можно передать словами. И есть другое знание, сокровенное, которое можно передать без слов, — тайное, телепатическое. Его можно передать, ничего не говоря. Но ни то, ни другое не было позволено.

Этот философ сказал: «Не используй слова, не используй бессловесность. Я пресытился обоими. Я пресытился крайностями. Я двигался в логике в разных направлениях. Я исследовал все возможности логики... достаточно! Просто открой мне истину без слов и без бессловесного».

Что случилось, какой тип передачи? Какой контакт произошел в это мгновение? Это случилось в единое мгновение. И философ поклонился Будде, и поблагодарил его, и сказал: «С твоей милостью я отбросил свои заблуждения и вступил на путь истины».

Когда Будда молчит, и вы тоже можете молчать, тогда передается *существо*, не то, что Будда знает, а то, что Будда есть. Существо передается. Внезапно оно проникает в вас, если вы молчите. А этот человек, который искренне хотел вступить на путь истины, который просил не использовать слова и не использовать бессловесность, который отрицал всякую двойственность, был готов. Будда молчал. Философ взглянул на Будду — и встретил его взгляд. Он был внимателен, он был весь тотальное внимание. Что происходило?

Он не думал — он закончил это, он достаточно думал прежде. Вот почему я говорю, что если при-

ходит философ, это трансформация. Он пресытился. Вы все еще не насытились. Вы все еще цепляетесь, потому что вы никогда не думали до самого конца. Вы все еще надеетесь, что однажды благодаря мыслям вы можете прийти к заключению, потому что вы не доходили до самого конца. Если вы дойдете до самого конца, вы узнаете, что мышление никогда не приводит ни к каким заключениям, оно никогда не завершается. Оно только дает вам ощущение, что скоро дверь откроется. Дверь откроется, безусловно, но только она откроется в соседнюю комнату.

Там тоже есть дверь. Она тоже открывается, но тоже в другую комнату. Вы никогда не выберетесь — кажется, что дом бесконечен, миллионы комнат. Из одной комнаты вы попадаете в другую, из другой в третью, вы продолжаете двигаться и надеяться: «Эта дверь выведет меня наружу». Но она снова ведет тоже в комнату.

Если вы дошли до самого конца, как дошел этот человек, тогда вы можете слушать в тишине. Он не ждал ответа, потому что знал, что нельзя дать ответ без слов, нельзя дать ответ без бессловесного — все ответы даются либо так, либо иначе.

Будда молчал. Этот человек посмотрел на Будду. В этом взгляде растворились две личности. Они были не двое — в этот момент они были одно. Два тела, два бьющихся сердца, но одно существо, все границы стерлись. Будда перешел в него, он проник. Это переход существа. Этот человек ощутил, что есть Будда, не то, что он знает. Он не знает многого — вы можете легко поставить Будду в тупик. Вы легко можете узнать больше: сейчас доступно больше информации, дело не в этом. В Будде больше существа.

Гурджиев очень любил задавать вопросы всем ищущим, которые приходили к нему... первый вопрос, который задавал Гурджиев, был о том, что ищет человек — знание или существо. «Вы хотите знать

больше, или хотите *быть* больше?» Это два совершенно разных измерения. И если кто-то говорил: «Я хочу знать больше», Гурджиев отвечал: «Моя дверь для вас закрыта. Я здесь не для того, чтобы делиться с вами знаниями. Идите... есть много ведомств, университетов, колледжей, там передают знания... идите туда. Когда вы пресытитесь знаниями, приходите и стучите. Если я еще буду жив, я открою, но я открываю только тем, кто ищет существо».

Что вы делаете...? Даже если вы пришли за знаниями, как это вам поможет? Человек может знать о воде все, но как это поможет ему утолить жажду? Это такая очевидная глупость? Вы можете знать, что формула воды H_2O , но если человек умирает в пустыне от жажды, а вы напишете эту формулу, этот секрет воды, он спросит: «Хорошо, теперь я знаю секрет. Но что мне делать с жаждой?»

Человек умирает без любви, а вы хотите накопить его знаниями о любви. Как это поможет? Миллионы книг написаны о любви, но ни один любовник не получит от них удовлетворения. Как это поможет? Человек умирает, он умирает, а вы рассказываете ему о бессмертии. Это не утолит его. Это не подарит ему бессмертия.

Нужно существо, кто-то, чтобы поделиться существом, не знаниями. Знания — это «о» и «о», существо в центре, знания на периферии. Вы пришли ко мне... вы пришли, чтобы получить больше знаний? Тогда вы не к тому пришли, тогда вы теряете время. Но если вы в поисках существа, тогда у вас есть шанс.

В этот момент случилось чудо, тайна Будды открылась. Она всегда открывается в молчании, как цветок распускается в полночь. Никто не знает: он распускается в молчании. Если рядом кто-то, кто готов терпеливо ждать, тогда цветок может передать часть своего существа, поделиться им. В этот момент проникает Будда.

Ананда, первый ученик Будды, не мог понять, что происходит, потому что он пришел за знаниями. Он был нужен в пути, хотя он не был подлинным искателем, но именно благодаря Ананде мы знаем все, что говорил Будда. Он все собирал — он был как магнитофон. Теперь магнитофоны доступны, и мне не нужен Ананда. В этом не было ничего хорошего — то, что можно сделать при помощи механизма, не должен делать человек, потому что, делая это, он сам становится механистичным.

Ананда мог повторить каждое слово, произнесенное Буддой в течение сорока лет. У него была редкая память. Когда Будда умер, Ананда еще сорок лет все повторял, и он записал все. Он был нужен, но он не был подлинным искателем — он был записывающим устройством, хорошим записывающим устройством, но для себя он что-то упустил.

Если вы записываете то, что я говорю, вы тоже упускаете. Не будьте моей памятью, не записывайте — понимайте! Потому что, когда вы стараетесь запомнить, вы не понимаете. Многие люди думают: «Сначала запишу это, а потом постараюсь понять».

Я видел многих людей, которые все записывали. Я говорю — они записывают. Сейчас они упускают, но дома будут смотреть свои записи и стараться их понять. Есть люди, которые стремятся в Гималаи, и что они там делают потом? Они там выискивают красивые пейзажи и виды и фотографируют их. Гималаи для них не существуют, только камера. Дома они будут смотреть альбом и восхищаться. Вы могли и так купить картинки, для этого не обязательно было ехать в Гималаи. Этим занимаются профессиональные фотографы — вовсе не обязательно отправляться туда самому — все равно вы не сможете сделать лучше, чем профессионалы, ваши снимки будут любительскими. Но потом, сидя дома, вы будете

восхищаться ими. Вы упустили Гималаи, заменив их второсортными снимками.

Постарайтесь понять, о чем я говорю. Постарайтесь! Не записывайте, это не нужно. Даже забудьте, что я сказал. Если вы по-настоящему поняли, то это понимание будет следовать за вами, как шлейф аромата. Не нужно нести это в памяти, это станет частью вашего существа.

В это мгновение философ понял. Он поклонился, исполненный благодарности. И что он сказал? Его слова очень значимы. Он сказал: «Твоя любящая доброта...», не «Твоя глубочайшая мудрость...» Нет! Не «Ты знаешь так много, ты всезнающий. Твоя мудрость, твое знание...» Нет, не в этом смысл — «Твоя любящая доброта...»

Будда говорит, что когда-то кто-то становится просветленным, в нем зарождаются два свойства — они расцветают одновременно. Одно из них *каруна* — доброта, любящая доброта; второе — мудрость, *праджня*. Эти два свойства расцветают в нем. Поэтому, если вы ищете знания, он будет говорить с вами посредством своей мудрости, но она вторична. Но если вы ищете существа, он будет говорить с вами своей любящей добротой — каруной. Мудрость промахивается мимо цели, каруна никогда не промахивается, любящая доброта никогда не промахивается.

Когда этот человек сказал: «Без слов и не без слов открой мне истину», — он сказал: «Я здесь не для того, чтобы узнать больше. Я и так уже слишком много сделал для этого. Я собрал много знаний, но это не может дать свободу. Даже наоборот, это становится заключением. Сейчас я здесь, чтобы узнать что-нибудь о существе, чтобы быть собой. Я хочу вкусить не слова. Я хочу войти».

Будда промолчал, посмотрел всем своим существом на этого человека, преисполненный глубокой любовью и добротой. Всякий раз, когда вы смотрите

на кого-то с глубокой любовью, что-то перетекает от вас в него, как река впадает в океан. Но другой человек должен быть подобен долине, только тогда возможно течение, иначе оно не может течь.

На днях кто-то спросил меня: «Я пришел к вам, вы сидите на стуле, а я внизу. Почему? Почему не на другом стуле?»

Я ответил: «Можно и так. Я ничего не потеряю от этого. Вы можете даже взять стул повыше, чем мой, или забраться на крышу и сесть там, я ничего не потеряю. Потеряете вы, потому что это символ».

Вы должны быть долиной, только тогда река может течь, как вода течет вниз. Вы должны быть долиной — глубоким смирением, восприимчивостью, лоном — чтобы вы могли все принять.

Этот человек пребывал в молчании перед Буддой — смиренный, готовый принять. А Будда смотрел на него с глубочайшей любовью, с бесконечной любовью, он перетекал в него... и тот почувствовал вкус. Тот мгновение прожил Буддой. Это был проблеск, как будто на мгновение тьма расступилась и вспыхнул свет. На единственное мгновение, когда существо Будды соприкоснулось с ним, вспыхнул свет — и все изменилось.

Он поклонился, исполненный благодарности, и сказал: «Твоя любящая доброта рассеяла мои заблуждения...» Заблуждения не могут быть устранены теориями. Никакая философия не поможет. Заблуждения слишком реальны, нужно нечто еще более реальное, чем они, только тогда они могут быть рассеяны.

Когда вы во власти секса, никакие теории не помогут. Только любовь, текущая в вас, может рассеять это заблуждение, потому что любовь — это высшая реальность, выше секса. Если вы заблуждаетесь насчет этого мира, только Будда может рассеять эти сомнения. Когда он перетекает в вас, в этот

момент мира нет. В этот момент существует только Будда, мира нет. В этот момент даже того, кто ищет, нет здесь. Он сказал:

«Твоя любящая доброта рассеяла мои заблуждения, и я вступил на путь истины».

Когда философ ушел, Ананда спросил Будду...

Должно быть, он был озадачен: «Что происходит?» Будда ничего не сказал. Если бы сказал, Ананда записал бы это. Если я молчу, магнитофон не работает. Если бы магнитофон мог задавать вопросы, он бы спросил: «Что случилось?» — потому что магнитофон может записать только видимое, звучащее — физические проявления. Духовное полностью за его пределами.

Ананда был глубоко озадачен: «Что происходит?» Наверное, он был настороже: «Этот человек задал действительно великий вопрос. Что скажет Будда?» Но Будда ничего не сказал. Не только в этот раз — часто случалось, что Будда ничего не говорил, это было не ново — но этот человек поклонился, будто получил что-то. И сказал: «Я вступил на путь истины». И еще он сказал: «Твоя любящая доброта рассеяла мои заблуждения»

Ананда был рядом и упустил. Как вы можете понять, что произошло? Почему упустил Ананда? Он не был смиренным, вот в чем вся его проблема. Он был двоюродным братом Будды, его старшим двоюродным братом — в этом вся беда. В глубине души он всегда помнил, что он старше Будды — и знал его с самого детства: «Возможно, он стал мудрым каким-то образом; возможно, он немного опережает меня, но я его старший брат». Это не прекращалось в его подсознании, это создавало барьеры.

Это очень непросто... если бы Иисус родился в вашей семье, очень непросто было бы родной матери,

родному отцу, родным братьям, сестрам, семье, городу распознать его. Невозможно! Потому что как поверить, что чудо может случиться в *вашей* семье? Как поверить, что чудо случилось с ним, а не с вами? Нет, это невозможно. Вы хорошо знаете себя, вы знаете и других. Либо этот человек дурачит вас, либо случилось что-то неуловимое, что могло случиться и с вами, — нужно лишь приложить немного усилий, вопрос только в этом.

Это оставалось барьером, и Ананда оставался слепым. После того, как философ ушел, он спросил, что философ приобрел: «Я не заметил, чтобы что-то доводилось до сведения. Я не видел, чтобы что-то происходило. А этот человек сказал, что он приобрел путь и вступил на него. Что случилось?»

Будда ответил — и его ответ прекрасен. Он сказал: «*Хорошая лошадь бежит даже от тени хлыста*».

Есть всего три типа лошадей — и все три всегда рядом! Первый тип: пока ее не ударишь, она не пошевелится. Вы ее бьете, и она кое-как везет свою поклажу. Вы перестаете бить — и она останавливается. Вы должны постоянно понукать ее, хлестать — только тогда она будет двигаться.

Второй тип лошади бить не обязательно. Достаточно пару раз пригрозить ей хлыстом, и она будет двигаться.

И, наконец, третий тип лошадей. Самый лучший. Достаточно тени хлыста, даже не самого хлыста, а всего лишь его тени, и лошадь уже бежит. Третий тип достигает просветления в один миг.

Будда ничего не делал. Он не хлестал этого человека, не угрожал ему адом и раем. Он даже не сказал ничего, он молчал. И в этой тишине показалась тень. Этого было достаточно.

Однажды это случилось. Три министра Акбара, Великого Могола, провинились. Они совершили

преступление, поэтому Акбар спросил одного из них: «Что мне с вами делать? Как вас наказать?»

Первый министр ответил: «Достаточно уже того, что ты спросил об этом». Он пошел домой и там покончил с собой. Второй был посажен на два года в тюрьму, а третий был отправлен на виселицу.

Прочие министры были очень озадачены, потому что преступление было то же самое, все трое были соучастниками одного и того же преступления, и каждый из них сознался. Министры обратились к Акбару: «Что это за правосудие, если одного ты отпускаешь домой, не сказав ему ни слова, второго приговариваешь к двум годам заключения, а третьего — к виселице?»

Акбар ответил: «Это три разных типа лошадей. Для первого достаточно даже тени хлыста. Я спросил его, какого наказания он заслуживает, и он ответил, что этого уже достаточно. Он ушел домой и покончил с собой. Этого было достаточно! Наказание было достаточным.

Второго я отправил в тюрьму на два года, потому что меньший срок не исправит его. Теперь он постоянно думает: „Плохо, что я сделал это. Как только я выйду из тюрьмы, я буду делать добрые дела, чтобы получить все обратно“. Он не чувствует никакой вины, но переживает из-за того, что утратил, и он будет стремиться получить все обратно. Он думает и планирует, как он выйдет...

Для третьего — даже пожизненного заключения недостаточно, потому что он совсем не понимает, что совершил преступление. Даже напротив, он думает, что был недостаточно сообразителен, поэтому его поймали. В следующий раз он будет более изобретательным, он выведает секреты, научится трюкам и все. Он не чувствует никакой вины. Никакое наказание не исправит этого человека, он должен быть исключен из общества. А первый из них исключил себя сам, потому что это было слишком».

Так сказал Будда:

«Хорошая лошадь бежит даже от тени хлыста».

Если вы понимаете, даже тени достаточно, вас не нужно пугать адом. Ад был создан для третьей породы лошадей, которая даже слушать не будет. Вам не положено никакого рая за жадность и наслаждения, жизни достаточно, если вы понимаете.

Если вы чувствуете, вы начнете меняться с помощью ваших чувств. Изменения происходят, когда вы становитесь все более и более восприимчивым к жизни. Предельная восприимчивость наделяет вас осознанностью, бдительностью. Иначе даже Будда не сможет помочь.

Я слышал...

Мулла Насреддин дотронулся до банкира, когда тот выходил из своего офиса, и попросил: «Не дадите ли вы мне две *анна* на чашечку кофе?»

Мулла выглядел таким расстроенным, таким грустным, что банкир сжалился над ним и сказал: «Вот рупия. Возьми и купи себе восемь чашек кофе». Мулла взял и ушел.

На следующий день Насреддин снова стоял на ступеньках офиса и, когда банкир вышел, со всех сил ударил его по лицу, по носу.

Банкир воскликнул: «Эй, ты что творишь? И это после того, как я дал тебе вчера рупию? Это что, такая благодарность?»

Мулла ответил: «Это тебе за твои гнусные восемь чашек кофе!» И он еще раз ударил банкира по носу: «Они мне всю ночь мешали заснуть!»

Никто не говорил ему: «Иди и выпей восемь чашек кофе прямо сейчас!» Даже Будда в чрезмерных

дозах не даст заснуть вам всю ночь — и вы можете захотеть дать мне по носу! Будьте понимающими, восприимчивыми. Двигайтесь согласно вашему пониманию, вашим возможностям, вашим способностям. Всегда помните о тени хлыста и двигайтесь. Будьте более бдительными, более и более бдительными, иначе даже религия может стать ядом, иначе вы можете попасть в ад из-за Будды.

Будда не безусловность, не гарантия. В конечном счете только ваша собственная осознанность... Если вы осознанны, постепенно вы увидите, что все меньше и меньше мыслей остается в голове. Старое ведро разбивается. Вода выливается. Больше нет отражения луны, и только когда отражение исчезает, вы можете увидеть небо и настоящую луну. Ни луны, ни воды.

Достаточно на сегодня.

Глава 10

Нинакава
улыбається

Когда Нинакава умирал, к нему пришел мастер дзен Иккью. «Мне провести тебя?» — спросил он. Нинакава ответил: «Я пришел один, я и уйду один. Чем ты можешь мне помочь?»

Иккью сказал: «Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь, это заблуждение. Позволь мне показать тебе путь, где нет прихода и ухода».

Этими словами Иккью указал путь так явно, что Нинакава улыбнулся и отошел.

Смерть — это крещендо, высочайший пик, доступный жизни. В момент смерти многое возможно. Если вы готовились и готовились, медитировали и ожидали, тогда в момент смерти легко может случиться просветление — потому что смерть и просветление подобны. Мастер, просветленный, может легко сделать вас просветленным в момент смерти. Даже раньше, когда бы это ни случилось, вы должны быть готовы умереть.

Что случается во время смерти? Внезапно вы теряете свое тело, внезапно вы теряете свой ум. Внезапно вы чувствуете, что уходите от себя — от того, что привыкли считать собой. Это болезненно, потому что вы чувствуете себя как будто погруженным в пустоту. Теперь вы будете нигде, потому что вы всегда идентифицировали себя с телом и умом и не имели представления о запредельном, вы не имели представления о себе за пределами тела и ума. Вы стали настолько захвачены и одержимы периферией, что полностью забыли о центре.

В смерти вам придется столкнуться с этим фактом: тело уходит, его нельзя удержать. Ум оставляет вас — больше вы не под его контролем. Это растворяется — вы даже не можете сказать «Я». Вы дрожите от страха, вы на краю небытия. Вас больше не будет.

Но если вы готовились, если вы медитировали — а подготовка означает, что вы сделали все, чтобы использовать смерть, использовать эту бездну небытия,

прежде чем ваше существо туда затянет, вы должны быть готовы прыгнуть туда — это гораздо лучше. Если вас затягивает туда против желания — вы не хотите туда, а вас тянет, тогда это больно. Столько муки! Эта мука так велика, что вы теряете сознание в момент смерти. И упускаете.

Но если вы готовы прыгнуть, тогда нет боли. Если вы принимаете и приветствуете это, и нет сожалений — скорее, вы счастливы и ликуете — что этот момент пришел, и вы можете выскочить из этого тела, которое заключение, можете выскочить из этого эго, которое всегда было мукой, — если вы приветствуете, тогда нет нужды терять сознание. Если вы можете стать принимающим, приветствующим — что буддисты называют *татхатой*, принять это, и не только принять, потому что слово «принять» не совсем подходящее: глубоко внутри в нем таится не-принятие — нет, если вы приветствуете, если это празднование, экстаз, благословение, тогда нет нужды терять сознание.

Если это благословение, вы будете абсолютно оосознанны в этот момент. Помните: если вы отвергаете, если вы говорите «нет», вы становитесь тотально бессознательным; если вы принимаете, приветствуете и говорите «да» всем своим сердцем, вы будете абсолютно сознательным; не смерть делает вас абсолютно бессознательным — существуют только два пути ухода.

Будда умирает, тотально принимая. Нет сопротивления, нет борьбы между ним и смертью. Смерть естественна, а вы умираете, сражаясь.

Если человек готовился, собирался, тогда в момент смерти мастер может быть удивительно полезен. Одно слово, сказанное в нужный момент, и вдруг внутри вспыхивает пламя, вы становитесь просветленным — потому что это момент чрезвычайной насыщенности: вы полностью сконцентрированы в одной точке.

Так и случается в данной истории. Иккью — один из величайших мастеров, редчайший, революционер, бунтарь. Однажды он остановился в храме. Ночь была очень холодной, а в храме были три деревянных Будды, и он сжег одного, чтобы согреться. Служитель храма проснулся — он крепко спал, это была полночь, ночь была очень холодной — он почувствовал, что что-то происходит, и выглянул.

Будда горел! А этот Иккью сидел, счастливый, и грел руки. Служитель чуть не сошел с ума, он закричал: «Что ты делаешь? Ты сумасшедший? А я думал, что ты буддистский монах, поэтому и позволил тебе остаться в храме, а ты святотатствуешь!»

Иккью посмотрел на настоятеля и сказал: «Но будда внутри меня очень замерз. Поэтому вопрос стоял — либо пожертвовать живым Буддой ради деревянного, либо деревянным ради живого. Я решил в пользу жизни».

Но настоятель настолько обезумел от гнева, что не слышал того, что говорил Иккью. Он сказал: «Ты сумасшедший! Убирайся отсюда! Ты сжег Будду».

Тогда Иккью стал мешать золу от сгоревшего Будды — остался только пепел, статуя почти полностью сгорела. Он палкой мешал золу. Служитель спросил: «Что ты делаешь?»

Иккью ответил: «Я пытаюсь найти кости Будды».

Священник рассмеялся, он сказал: «Ты либо глупец, либо сумасшедший. Ты абсолютно помешанный! Ты не найдешь здесь костей, ведь это деревянный Будда».

Иккью засмеялся в ответ и сказал: «Тогда неси двух оставшихся. Ночь все еще холодна, а до утра все еще долго».

Этот Иккью был редким человеком. Его немедленно выкинули из храма. На утро он сидел на обочине перед храмом, поклоняясь верстовому столбу,

украшая его цветами и творя молитвы. Служитель воскликнул: «Глупец! Ночью ты осквернил Будду. Что ты сделал? Ты совершил грех, и что ты сейчас творишь с этим верстовым столбом? Это не статуя!»

Иккью ответил: «Если хочешь молиться, любой предмет — статуя. Тогда будде внутри меня было очень холодно, сейчас будда внутри меня очень хочет помолиться».

У этого Иккью было несколько тысяч учеников по всей стране, и он много путешествовал, чтобы помогать им. Эта история об одном из его учеников, Нинакаве. Он был на самом краю, почти просветленный. Но «почти просветленный» ничего не значит, вы можете повернуть, из последней точки вы тоже можете выпасть. Пока это не случилось, это не случилось. В самый последний момент, когда остается один шаг — и вы просветленный, вы можете повернуть. Этот Нинакава был почти просветленным, но все еще в тисках писаний, потому что, пока вы не достигли истины, очень трудно вырваться из тисков писаний.

Очень трудно вырваться из тюрьмы слов. Это случается, только когда вы становитесь просветленным. Тогда вы можете увидеть, что слова — это просто слова, больше ничего, они не существенны, они созданы из той же субстанции, что и мечты. Они просто пульсация ума, больше ничего, звуки ума. А смысл? Смысл им придаем мы, его нет, ни одно слово не имеет смысла. Но любое слово можно наполнить смыслом при общем согласии.

Так что слова — лишь общественное явление, не имеющее никакого отношения к истине. Но люди живут словами: если кто-нибудь скажет что-нибудь против Иисуса, а вы христианин, вы будете готовы убить его или быть убитым — для вас это вопрос жизни и смерти. Кто-нибудь скажет что-нибудь против Магомета, мусульманин придет в ярость. Просто

слово: «Магомет» — просто слово, «Иисус» — просто слово, но люди живут словами.

Я слышал...

Однажды Мулла Насреддин остановил на улице прохожего и сказал: «Я в беде: моя жена голодает, дети больны. Не поможете ли вы мне немного?»

Прохожий посмотрел на Насреддина — это было действительно печальное зрелище. Он спросил: «Почему я должен помогать тебе? Мне бы хотелось узнать, как ты оказался в таком бедственном положении? Как ты стал нищим? Что случилось с тобой?»

Насреддин ответил: «Это долгая история. Но если быть кратким, то всего несколько лет назад я был бизнесменом, как и вы, и нищие останавливали меня на улице. Все было замечательно, но потом произошла катастрофа...»

Прохожий заинтересовался: «Что же случилось?»

Мулла Насреддин продолжал: «Мои дела шли превосходно, деньги текли рекой. Я трудился с утра до вечера, был полностью поглощен своим делом. На моем столе стояла табличка с девизом: „Думай конструктивно! Поступай решительно!“ Деньги не переводились. Но затем... — Лицо Насреддина искажилось, и он продолжил: — Но затем моя жена сожгла табличку. Этот девиз — „Думай конструктивно! Поступай решительно!“ — все зависело от этого девиза. А моя жена сожгла табличку! Это была величайшая катастрофа, это и привело меня к такому состоянию».

Вы когда-нибудь задумывались, что с вами случится, если ваши рукописи сгорят? Если ваши девизы сожгут, что с вами случится? Если ваши слова сожгут, что с вами случится? Вы окажетесь в плачевном состоянии. Вот почему, когда кто-то говорит

что-то против Библии, вы впадаете в ярость. Не потому, что он говорит что-то против Библии, а потому, что он сжигает ваш девиз. Вы же зависите от слов. Вы зависите от слов, потому что не знаете, что есть истина. Если вы придете к пониманию, что есть истина, вы отбросите все слова, вы сожжете все девизы.

Мулла Насреддин кажется глупцом — но нет. Он типичный человек, самый что ни на есть типичный, обычный. Он — это вы, со всеми вашими заморочками, преувеличенными, конечно.

Нинакава бился всю свою жизнь, медитировал, пробовал многочисленные техники, старался всеми способами стать невозмутимым, безмятежным, спокойным; но все еще оставался в тисках писаний. В тот день, когда он умирал, к нему пришел Иккью. Был тот самый момент, чтобы столкнуть этого человека в бесконечную пропасть. Он мог упустить, потому что в момент смерти, если писания здесь, вы упустите.

Вы должны быть тотально свободны, тотально пусты, только тогда вы сможете встретить смерть, потому что смерть — это пустота. Только подобное может познать подобное, только подобное может понять подобное. Если вы наполнены, даже единственным словом, вы упустите, потому что ум здесь — а у смерти нет ума, у смерти нет мыслей, смерть — это просто падение в пустоту.

Поэтому Иккью пришел, чтобы подтолкнуть своего ученика в последний момент. Он упускал всю свою жизнь — он не должен был упустить в последний момент. Я скажу то же самое: если вы упускали всю свою жизнь, остаются единственная возможность и единственная надежда — на момент смерти. Но нет нужды ждать его, это может случиться прямо сейчас. Если это не случилось прямо сейчас, тогда не продолжайте практиковать. Но готовьтесь к смерти. Если вы готовы, я буду рядом, чтобы подтолкнуть

вас. Если вы готовы, это очень просто: легкий толчок, и ум испаряется.

Когда Нинакава отходил, к нему пришел мастер дзен Иккью.

Мастера всегда приходят. Это не обязательно происходит в действительности, запомните, это не обязательно происходит в действительности. Может быть так, что никто, кроме Нинакавы, не видел мастера, пришедшего к нему. Это могло произойти и в действительности, но это неважно. Бесспорно одно: пока Нинакава умирал, в этот самый последний момент мастер был рядом. Был диалог между Нинакавой и Иккью. Возможно, там было много людей, и возможно, они вообще их не слышали; возможно, они вообще не видели пришедшего Иккью. Это была реальная или нереальная встреча. Но это случилось, и было сделано... что надо, было сделано.

«Мне провести тебя?» — спросил он. Нинакава ответил...

Человек писаний, в частности буддист, потому что в буддизме гуру не приветствуется. Будда — величайший гуру, но в буддизме гуру не приветствуется. На это есть причина. Человеческий ум очень сложен, он везде создает проблемы: гуру призван освободить вас, но вы можете стать зависимым от него. Индуисты учили, что без гуру, без мастера нет освобождения. Это правда, абсолютная правда, но ко времени Будды это стало необходимостью.

Без гуру, без мастера нет освобождения. Поэтому люди начали становиться рабами мастеров, ведь без них нет освобождения. Посмотрите на человеческий ум и его скудоумие: мастер должен освободить, но вы становитесь рабом мастера, потому что только

он может освободить; и вы покоряетесь. Возникло настоящее рабство, больше никто на этой земле не породил такого глубинного рабства, как индуисты. Во всей истории индуизма вы не найдете ни одного упоминания о восстании против священнослужителей. Нет — все было так устроено, установлено и упорядочено, что все понимали: если вы восстанете против священнослужителя, освобождения не будет — он гуру, он мастер.

Неприкасаемые — *шудры* — находились в самом жалком положении. Они были самыми низкими рабами, у них самая длинная история рабства, но они никогда не бунтовали против него, потому что это было невозможно. Гуру, мастер, *брахман* — это дверь к божественному. Ты упустил эту жизнь, и если ты восстанешь, то упустишь и следующую — поэтому оставайся рабом.

Потом пришел Будда и сказал: «Гуру не нужен», — не потому что гуру не нужен. Он сказал «гуру не нужен», но имел в виду «не нужно становиться рабом» — только так он мог сказать это. Поэтому Будда сказал: «Будьте сами себе путеводным светом. Никто не нужен, чтобы вести вас. Никто не нужен, чтобы направлять вас. Вы самодостаточны».

Это величайшая возможность стать свободным, освободиться. Но вы и это можете истолковать превратно, вот в чем проблема. Вы начинаете думать, что раз мастер не нужен, тогда зачем слушать Будду? Раз мастер не нужен, зачем идти к Будде? Раз я тотально независим, значит, я сам Будда. Это и случилось с буддизмом: не рабство, так глубоко укоренившийся эгоизм. Но оба варианта — крайности: либо вы становитесь эгоистом, потому что гуру нет, мастера нет, следовать не за кем — либо вы становитесь рабом, потому что без гуру нет освобождения.

Вы не можете быть посередине? Вы не можете оставаться посередине, не двигаясь к крайностям? Если вы можете быть посередине, ум исчезает.

Иккью пришел и спросил: «Мне провести тебя?»

Иккью задал фундаментальный буддистский вопрос, и он знал, что, если его ученик все еще обременен писаниями, он ответит: «Нет, кто может провести кого-либо? Никто не является гуру. Каждая душа абсолютно независима. Я сам себе путеводный свет». Если он обременен писаниями, его ответ будет таким. Если он не обременен писаниями, ответ может быть любым — варианты бесконечны.

Нинакава ответил: «Я пришел один...»

Это слова Будды.

«...я и уйду один. Чем ты можешь мне помочь?»

Каждый рождается один и уходит один; в середине, между приходом и уходом, вы можете обманывать себя, что вы не один, но вы все так же один. Потому что, если вы в начале один и в конце один, как в середине вы можете быть не один? Муж, жена, друг, общество — все это иллюзии. Вы всегда один, одиночество — ваше естество. Вы можете обманываться, и все. Вы можете мечтать, и все, но другие всегда остаются другими, и нет точки пересечения. Это основа учения буддизма — освободить человека.

Вот почему Будда отрицает даже Бога, ведь если Бог здесь, как вы можете быть один? Он всегда здесь. Даже когда вы в ванной, он здесь — потому что он всемогущ, вездесущ. Вы не можете ускользнуть: куда бы вы ни пошли, он здесь. Он космическое око, космический шпион, преследующий вас. Что бы вы

ни делали, он смотрит! Очень трудно ускользнуть от Бога; если он есть, тогда он есть везде. Вы не можете спрятаться — прекрасно, если вы понимаете — религиозные люди использовали это в помощь.

Индуисты, мусульмане, христиане — все они использовали вездесущность Бога. Это колоссальная помощь, потому что, если вы действительно ощущаете, что Бог следует за вами всюду как тень, вы будете очень и очень бдительны и осознанны — потому что он здесь. Вы не один, вы не можете предаться грехам, вы не можете предаться невежеству, сонливости — он здесь. Его присутствие делает вас бдительным.

Это правильный подход. Но в ином случае его присутствие может обернуться рабством, тяжелой ношей, беспокойством.

Я слышал про одну христианскую монахиню, которая никогда не принимала ванну обнаженной. Нет, она оставалась в одеждах даже под душем. Однажды кто-то спросил ее: «Что ты делаешь?»

Она ответила: «Как я могу раздеться? Ведь Бог всюду!» Но если Бог всюду — и даже в ванной — тогда он и под одеждой, вы не можете ускользнуть от него. Он внутри вас. Он везде.

Это может стать причиной серьезного беспокойства, подобно тому, как если бы вы принимали душ и поняли, что кто-то подглядывает за вами в замочную скважину — вы почувствуете беспокойство. А Бог — это космический соглядатай, он сидит в каждой замочной скважине; вы не можете сделать ничего, чего бы он не узнал; вы занимаетесь любовью — и он тут. Что бы вы ни делали, он знает и все фиксирует.

Это может стать причиной серьезного беспокойства, невроза, это может вызвать чувство вины — и вы упускаете. Помните: любой ключ, который может открыть дверь, также может сломать замок, если вы используете его неправильно. Есть способ, правиль-

ный способ использовать ключ, только тогда замок откроется. Если вы используете его неправильно, замок может сломаться. А ум таков: он всегда использует ключи неправильно. Нужен кто-то, кто должен вам сказать: «Выброси этот ключ, от него нет пользы. Он только ломает замок и никак не помогает тебе».

Будда сказал, что гуру не нужны — потому что в его время «гуру» означало «брахман». Кришнамурти говорит то же самое: гуру не нужны. Но есть другой путь — гуру может дать вам свободу. Если он дает вам свободу, все хорошо. Но он может наделить вас эгоизмом, и тогда это проблема, это препятствие. Если он наделяет вас эгоизмом, вы можете не стать рабом кого-то еще, но становитесь рабом собственного эго. И помните: не может быть мастера опасней, чем ваше эго. Никто не сделает вас таким слепым, как ваше эго. Никто не заведет вас в такой ад, как ваше эго.

Иккью хотел узнать, по-прежнему ли его ученик цепляется за писания, или он пришел к пониманию Будды. Понимание — одно, цепляние — другое. Цепляются за мертвые буквы. Если он понял, то Будда — великий мастер. Если не понял, тогда ему не предоставится возможность; даже на пороге смерти он будет цепляться за писания.

Иккью стоял и спрашивал: «Мне провести тебя? Должен ли я провести тебя?.. Ты не знаешь пути. Ты никогда не ступал на него, я знаю его. Я знаю, как умирать, я знаю, как праздновать смерть. Я знаю, как потерять себя в смерти, чтобы никогда больше не теряться. Тогда впервые родится твое настоящее „Я“. Я знаю тайну умирания и возрождения. Мне провести тебя?»

Нинакава отказался, он сказал:

«Я пришел один, я и уйду один. Чем ты можешь мне помочь?»

А ему нужна была помощь. Если бы он не нуждался в помощи, он бы просто смеялся, улыбался, он бы сказал: «Спасибо». Не было бы никакой необходимости вспоминать эти слова из писаний. Зачем вам писания? Они — логическое обоснование. Когда вы сомневаетесь, вы обращаетесь к писаниям, потому что в них все бесспорно. Всякий раз, когда вы чувствуете сомнение, вы обращаетесь к Будде, Кришне, Христу, потому что они могут развеять ваши сомнения, они могут заслонить реальность, они могут дать вам фальшивую уверенность.

Всякий раз, когда вы используете слова других, вы прячете свое невежество. Не этот человек сказал: «Я пришел сюда один» — это был не его опыт. Не он сказал: «...я и уйду один». Он повторял слова, но вы не сможете обмануть мастера словами.

Иккью сказал: «Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь...»

Это прекраснейшие из всех когда-либо произнесенных слов — суть всех Упанишад, сущность всех Будд и Махавир, всего в одном предложении.

«Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь, это заблуждение. Позволь мне показать тебе путь, где нет прихода и ухода».

Это действительно очень трудно и тонко.

Иккью говорит: «Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь, тогда твое эго здесь. Кто приходит? Кто уходит? Если ты думаешь, что ты приходишь и уходишь, ты ничего не знаешь, ты просто повторяешь слова Будды». Это ловушка.

Если ты пришел к осознанию того, что «я пришел один, я и уйду один», тогда нет прихода и нет ухода,

потому что душа никогда не рождается, никогда не умирает. Жизнь — это бесконечность. Она непрерывна. Она никогда не приходит, никогда не уходит. Это тело могло родиться, это тело может умереть — но эта жизнь, энергия, «Я», душа, или как еще вы можете назвать это сознание, существующее в данном теле, никогда не рождалось и не умрет. Это сознание непрерывно. В нем никогда не было разрывов.

Если вы действительно знаете, тогда вы знаете, что нет ни прихода, ни ухода. Кто приходит? Кто уходит? Если вы не понимаете, если вы не осознали этого, тогда вы скажете: «Я пришел один». Но тогда это «Я» — эго. Тогда это «Я» не само «Я». Когда вы говорите: «Я пришел один» с ударением на «Я», то «Я» — это рабство. Если нет «Я», вдруг вы осознаете, что никогда не рождались и никогда не умрете; тогда нет ни начал, ни концов.

Иисус говорит.. Иисуса спросили: «Ты тот самый мессия, которого мы ждали? Кто ты? Расскажи нам о себе».

Иисус ответил: «Прежде чем Авраам был, я есмь».

Авраам, должно быть, жил тысячи лет назад, а Иисус говорит: «Прежде чем Авраам был, я есмь». Это высказывание на самом деле очень абсурдно, логически абсурдно, грамматически неправильно: «Прежде чем Авраам был, я есмь». Авраам в прошлом, Иисус говорит: «Прежде чем он был...», — а Авраам — первый пророк. Очень даже возможно, что имя Авраам — измененное Рам, потому что на древнееврейском он не Авраам, а Аврам. А «Ав» просто обозначает почтение, подобно «Шри Рам»; просто чтобы выразить почтение. Очень возможно, что Авраам не кто иной, как Рам.

Иисус говорит: «Прежде чем Авраам был, я есмь». Для Авраама он использует прошедшее время: он был, и больше его нет; было воплощение, а теперь

нет. Но «Я есмь», потому что «Я есмь всегда: я был, я есмь, я буду».

Сокровенное сознание не знает ни рождения, ни смерти; не знает ни прошлого, ни настоящего, ни будущего; не знает времени. Оно вечно, а вечность — это не часть времени.

Иккью сказал:

«Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь...»

Если ты думаешь, что есть приход и уход...

«...это заблуждение. Позволь мне показать тебе путь, где нет прихода и ухода».

Что делают будды? Они просто показывают вам, что вы совершенны — как есть. Не нужно никаких изменений. Вам не надо никуда идти, вам не надо сдвигаться ни на дюйм. Как вы есть, вы безупречны в своем сиянии, здесь и сейчас. Нет прихода и нет ухода. Просто осознайте феномен, что вы есть. Просто осознайте, кто вы есть! Просто будьте бдительны! И тогда ничего не нужно будет добиваться, не нужно будет делать никаких усилий, потому что с самого начала, прежде чем Авраам был, вы есть. Вы видели сотворение мира и увидите его конец, но у вас нет начала и нет конца.

Вы свидетель, а свидетель не может иметь начала, не может иметь конца. Если бы вы были бдительны, вы бы видели собственное рождение. Если вы сможете умереть осознанно, вы увидите, как смерть случится с телом, а вы просто наблюдатель. Тело умирает, а вы свидетель. И если вы сможете быть свидетелем собственной смерти, то в следующей жизни вы будете свидетелем собственного рождения. Вы увидите, как ум выбирает себе лоно: пара

над землей в поисках женщины, пары, занимающейся любовью, — вы увидите это.

Это как если бы вы были голодны: вы идете на улицу и становитесь свидетелем, как ваши глаза, ваш ум выбирают среди кафе, ресторанов подходящее место, где вы могли бы поесть. Вы голодны, и если вы чрезмерно отождествляете себя с голодом, вы не сможете быть свидетелем. Иначе голод есть, но вы не голод. Как вы можете быть голодом? Кто тогда узнает, что вы голодны?

Чтобы узнать о голоде, нужен кто-то еще вне голода, кто может смотреть и видеть, кто может быть бдительным. Если вы сможете сохранять бдительность, когда вы голодны, вы сможете увидеть, как ум ищет подходящее место, чтобы поесть. То же самое происходит после смерти: ваш ум ищет подходящее лоно. Вы выбираете, вы наблюдаете, что происходит.

Если вы в поиске особого лона, если у вас очень хорошая или очень плохая душа, тогда поиск подходящего лона может занять многие годы — это очень сложно. Если вы обычный человек, ничем не выделяющийся, особо хорошим или плохим, ни Гитлер, ни Ганди, тогда вы можете родиться сразу же; нет нужды искать, потому что везде есть обычные, нормальные, стандартные свободные женские матки. В этом случае вы умираете и в следующий момент уже рождаетесь — ни один миг не потеряя.

Но у Гитлера это может занять много-много лет — и это хорошо, для нас это хорошо, потому что у него очень искаженная душа, очень искаженная. Вы не можете представить себе это искажение, в ней искажено все. А когда человек становится искаженным, первым делом искажается его любовь, потому что секс остается вершиной вашего существа. Первым делом искажается секс. Когда секс идет не так, все идет не так, когда секс естествен, все естественно.

Изучите сексуальную жизнь Гитлера, и вы будете поражены, вы не сможете поверить, что он делал. Он находил прекрасных женщин, но никогда не занимался с ними любовью. Что он делал? Вы не сможете представить! Он заставлял этих прекрасных женщин... он садился и заставлял их мочиться ему на голову. Что это за человек? Что он делал? А ему это очень нравилось: они не только мочились, они еще и испражнялись на него. Женщины чувствовали себя виноватыми — что он делает? — но он был очень могущественный человек: если вы не подчинялись ему... он убил многих. Все его возлюбленные были либо убиты, либо покончили с собой — потому что это такое извращение! Но ему это очень нравилось. Чем это объяснить?

Он был настолько виновен, что жаждал наказать себя; он наказывал себя даже в любви. Он был настолько виновен, и чувство вины было настолько сильным... если вы настолько виновны, вы не сможете любить, потому что любовь может идти из сердца только того, кто не виноват, кто не чувствует никакой вины, кто невинен как ребенок. Тогда любовь течет, тогда она становится празднованием. Но если вы виновны, тогда в любви вы станете наказывать себя или станете наказывать других. Вы не сможете насладиться любовью, потому что вы чувствуете себя таким виноватым, таким плохим — как вы можете наслаждаться любовью? Вы превращаете любовь в ад. Это кажется невозможным, потому что вне комнаты Гитлер был почти богом, люди поклонялись ему. Но внутри комнаты он чувствовал себя настолько низким, виноватым, проклятым, что жаждал наказать себя, даже в любви.

Для такого человека очень сложно найти матку — почти невозможно. Ему придется ждать веками, только тогда он сможет найти такую матку, таких мужчину и женщину, занимающихся любовью,

которые так страдают от сознания своей вины, которые так проклинают себя, что только он может выбрать эту матку. Но это происходит бессознательно, поэтому вам не стоит слишком беспокоиться об этом. Вы умираете бессознательно, и бессознательно вы рождаетесь — все происходит само собой. Ум движется, блуждает в темноте и проникает в матку. Но если вы умираете осознанно, тогда следующее рождение будет осознанным.

Если вы умираете осознанно и рождаетесь осознанно, вы знаете, что нет ни рождения, ни смерти, только тело меняется. Вы остаетесь прежним, только дом меняется. Если вы переоденетесь, разве вы будете говорить, что это новое рождение — я родился? Нет, потому что вы просто переоделись, а сами остались прежним.

Вот так тот, кто становится бдительным, приходит к пониманию, что любая перемена — всего лишь перемена одежды, дома, места, ситуации, обстоятельств, но вы остаетесь прежним, центр никогда не меняется, он вечен.

Иккью говорит:

«Если ты думаешь, что на самом деле ты приходишь и уходишь, это заблуждение. Позволь мне показать тебе путь, где нет прихода и ухода».

Что это за путь? Действительно ли это путь? Поскольку нам приходится использовать язык, он говорит «путь». На самом деле, это не путь, потому что путь всегда куда-нибудь ведет. Никакой путь не может вести к вам, потому что вы уже здесь. Если вы хотите прийти ко мне, тогда есть путь, должен быть. Если вы идете к кому-то, вы должны следовать пути: пройти через переезд, через мост, через одно или другое — так как вы двигаетесь снаружи. Но если вы

хотите проникнуть внутрь, пути нет. Вы уже здесь. Нужен внезапный толчок, и вы просто почувствуете, что вы здесь.

Это как ночные сновидения: вы засыпаете в Пуне, а во сне возвращаетесь в свой лондонский дом или в Нью-Йорк, в Калькутту, в Токио, во сне вы совершенно забыли, что вы в Пуне. И что нужно? Просто толчок. Кто-то приходит и будит вас. Проснетесь вы в Нью-Йорке, Токио или Пуне? Это было бы очень сложно, это сделало бы мир абсурдным, если бы вам снился Нью-Йорк, внезапно кто-то вас будил и вы просыпались в Нью-Йорке! Тогда мир превратился бы в кошмар. Но вы просыпаетесь в Пуне и сновидения исчезают.

Будды учили этому: нет нужды куда-то идти, вы уже там, куда хотели идти, но вы спите. Только во сне вы можете покинуть центр — вы не можете покинуть его. Вы *в нем*. Миллионы жизней вы могли спать, но вы не покидали центр, где вы и есть. Никто не может покинуть его. Всего лишь толчок, кто-то толкнет вас... вы становитесь бдительным, и вдруг сон исчезает. Страна снов, и Нью-Йорк, и Лондон — все исчезает, а вы здесь и сейчас.

Этот толчок, этот удар могут быть сделаны очень легко в момент смерти — потому что все тело-ум проходит через великие перемены. Все в хаосе. В хаосе вас легче сделать бдительным, потому что все неудобно. Когда все удобно, трудно вывести человека из состояния сна — никто не хочет выходить из уютного сна. Только когда сон становится кошмаром, вы кричите.

Я слышал...

Однажды ночью Мулла Насреддин стал кричать так громко, что даже соседи прибежали узнать, что случилось. Насреддин сидел на своей кровати, рыдая, слезы текли по его лицу, а жена успокаивала его, го-

воря: «Это был всего лишь сон, Насреддин. Зачем ты так шумишь? Соседи прибежали, уже целая толпа».

Насреддин сказал: «Но сон был такой... дай я расскажу тебе его. Во сне я пошел на аукцион жен — таких прекрасных. Одну женщину продали за десять тысяч рупий, другую за пять, многих за тысячу.

У меня не было денег. Я искал и искал, но денег не было. Я заглянул во все карманы», — у него был карман, в который он никогда не заглядывал, — он сказал: «Я заглянул даже в этот карман».

Был такой особый карман, в который Мулла никогда не заглядывал. И если что-то пропадало, люди говорили: «Ты заглянул во все карманы? А почему в этот не заглянул?»

Он отвечал: «Потому что это оставляет мне надежду. Если я загляну и в этот карман, надежда уйдет. А так я думаю, что есть хоть какая-то надежда... я никогда не смотрю туда, так как знаю, что там ничего нет».

Насреддин сказал: «Я заглянул даже в этот особенный карман — но денег и там не было. И тогда я начал плакать и кричать».

Тогда жена спросила: «Насреддин, а были там женщины, похожие на меня?»

Насреддин ответил: «Вот почему я кричал! Таких, как ты, продавали связками. Одна дюжина, две дюжины — их продавали по рупии за связку. Вот почему я рыдал: у меня не было денег даже на покупку собственной жены!»

Он плакал и рыдал, хотя сон уже прошел.

Сны действительны, они проникают глубоко, потому что в бессознательном уме разница неуловима: где сон и где явь — совершенно неясно. Они переплелись, границы нечеткие, размытые.

Вы видели ребенка, который проснулся и плачет, потому что он потерял игрушку, которую видел во сне? «Мне нужна игрушка — где моя игрушка?»

Этот ребенок в вас никогда не умирает. Он умирает, только когда вы сделаете все возможное, чтобы стать бдительным, только тогда сон и явь будут четко различимы. Как только неопределенность уходит, как только границы приобретают четкие очертания, как только вы осознали, где сон, а где реальность, сон прекращается — потому что теперь сон не может продолжаться. Если вы стали осознанным, сон не может продолжаться. Даже во сне, если вы осознаете, что это сон, он тут же прервется.

Поэтому вы никогда не осознаете во сне, что это сон, вам всегда кажется, что это реальность. Чтобы что-либо продолжалось, вы должны чувствовать, что это реальность. Вы придаете реальность своими чувствами. Если вы отбросите чувства, сны исчезнут, останется только реальность.

Это сон, что вы в этом мире, реальность в том, что вы существуете в божественном. Это сон, что вы в магазине; реальность в том, что вы никогда не удалялись от самого центра существования, от Бога. Это сон, что вы отправились в магазин, — и этот сон может продолжаться, нет ограничений во времени. Если вы думаете, что вы — тело, это сон, вы никогда не были телом. Если вы думаете, что вы рождаетесь и умираете, это сон — вы никогда не рождались и никогда не умрете, это невозможно.

Иккью говорит: «Это заблуждение, если ты говоришь: „Я пришел, и я уйду“. Некому приходиться, и некому уходить. Некуда приходиться, и некуда уходить. Позволь мне показать тебе путь без пути. Потому что не может быть никакого пути — ведь если некому приходиться и некому уходить, некуда приходиться и некуда уходить, какой может быть путь? Поэтому разреши мне показать тебе путь без пути, где нет прихода и нет ухода».

Этими словами Иккью указал путь так явно, что Нинакава улыбнулся и отошел.

Это случилось! Вы тоже слышали эти слова — но вы не Нинакава, вы не готовы в той же степени, вы не на пороге смерти — в этом проблема. Вы все еще на что-то надеетесь в жизни, ваши сны все еще много значат для вас. У вас может быть желание выйти из сна, но это половинчатое желание. Вторая половина продолжает нашептывать: «Поспи еще немного, это так прекрасно».

Однажды ночью Мулла Насреддин позвал свою жену и сказал: «Принеси очки, я вижу такой чудесный сон, и мне еще столько обещали. Принеси очки, там плохое освещение, я плохо вижу».

Вы можете увидеть кошмар, в этот миг вы чувствуете: «Как бы выбраться из этого сна?» Но вам снятся и чудесные сны, не только ужасные сны, но и божественные. В этом проблема: пока вы не осознаете, что даже божественный сон — это сон, и он бесполезен, вы не придете к порогу смерти. Ваши желания остались, вы продолжаете поливать мир снов, подкармливать его, растить.

Нинакава был на пороге смерти, он умирал, будущего не было. Он был в состоянии хаоса. Вся система, вся настройка тела, ума и души сбивалась все больше и больше. Все распадалось. Кошмар был непереносим — он достигает наивысшего напряжения в момент смерти. Нинакава был просто несчастен в этот момент: смерть и никакого будущего.

Если будущего нет, вы не можете спать, потому что снам необходимы пространство и время, чтобы развиваться. Вот почему смерть выглядит такой опасной: она не оставляет времени подумать. Вы не можете надеяться, потому что завтра нет. Смерть убивает не вас, она убивает завтра, а завтра всегда было смыслом вашего существования. Вы никогда не жили сегодня, вы всегда откладывали на завтра. А смерть

убивает завтра, она просто сжигает ваш календарь — внезапно часы остановились, время застыло.

Что вы можете сделать без времени? Как может ум думать, желать, мечтать? Смерть закрывает дверь — это страшно.

Почему смерть заставляет вас так бояться, дрожать и пугаться? Потому что кажется, что по ту сторону ничего нет, и нет возможности избежать этого. Вы ничего не можете сделать, потому что вы не можете думать, а вы знаете только одно — думать, и ничего больше. Вся ваша жизнь была думанием. Теперь смерть не позволяет думать. Только человек, который медитировал и осознал не-думание до смерти, не будет бояться, потому что он знает, что думание — это не жизнь.

Ему известна другая область существования: он знает его глубину, а не протяженность. Он не движется от этого момента к тому, он не движется из сегодня в завтра. Он движется в этот момент глубже, и глубже, и глубже, в сегодня глубже, и глубже, и глубже. Он движется здесь и сейчас, в глубину.

Вы прикасаетесь к этому моменту и движетесь к следующему, вы движетесь горизонтально: от А к В, от В к С, от С к D. А человек, который медитирует, движется от А1 к А2, к А3 — в глубину, не к В. У него нет завтра. Здесь и сейчас — единственный способ существования, как тогда возможна смерть для него? В этот момент вы живы, умереть вы сможете только в следующий момент. В этот момент никто никогда не умирал. В этот момент вы живы, и этот человек, который медитирует, движется в этом моменте — как он может умереть?

Смерть случится на периферии, он узнает о ней. Это будет, как если бы вы узнали о смерти соседа, который умер; он узнает о том, что тело умерло, — именно это он узнает. Возможно, он даже пожалеет тело, но *он* не умирает.

Медитируя, Нинакава был на пороге просветления, но все еще цеплялся. Вы уже готовы прыгнуть в пропасть, но все еще цепляетесь, как ползучие растения, — и вы продолжаете цепляться в страхе. Вы уже почти в пропасти, рано или поздно вы упадете, но тут уже было успокоившийся ум говорит: «Держись!» Нинакава все еще держался за писания, за будд, за слова, за доктрины. Он все еще повторял то, что узнал. Как ползучее растение — но рано или поздно ему пришлось бы оставить это, потому что когда жизнь оставляет вас, как могут удержать вас слова? Они оставят вас.

Благодаря откровению Иккью он понял и перестал цепляться. Улыбнулся и отошел.

Вы никогда не улыбаетесь. Или вы плачете, или вы смеетесь, но никогда не улыбаетесь. Улыбка посередине, это сложно для вас. Вы или плачете, или смеетесь — два пути, две крайности. Постарайтесь понять, что это за феномен — улыбка.

Только будда улыбается, потому что это ровно посередине. В улыбке есть и печаль, печаль слез, и счастье смеха. В улыбке есть и то, и другое. Улыбка — это не простой смех, в ней есть и ширь смеха, и глубина печали — и то, и другое. Взгляните на Будду, медитируйте на него, и вы увидите на его лице и печаль, и счастье; блаженное течение его существа и в то же время глубокою печаль.

Из двух этих химических элементов, если можно так сказать, создана улыбка. Когда вы чувствуете печаль каждого, когда вы чувствуете печаль самого бытия, понимая, что это необязательные страдания... Вы не сможете представить печаль Будды, это сложно для вас. Вы думаете, что Будда счастлив. Он счастлив настолько, насколько сам об этом позаботился, а вы? Вы не можете постичь его печали — он видит вас и то, как вы неоправданно страдаете, и ничего нельзя сделать, вам невозможно помочь.

Болезнь, которой нет, неизлечима! А он знает, что прямо за углом, стоит вам только повернуться, — и все будет разрешено. Но вы не сделаете этот поворот. Вы будете прыгать и делать много всего, но вы всегда упускаете этот поворот. Вы будете идти на ощупь во тьме, но каким-то образом, непостижимо, вы всегда упускаете дверь. Вы знаете, как упустить дверь, вы достигли в этом совершенства: как упустить дверь и продолжать идти на ощупь в темноте.

Будда в печали, потому что он уже осознал, что с вами. То же блаженное существование, та же красота, тот же экстаз, которые есть у него, есть и у вас. А вы продолжаете плакать, вы продолжаете рвать на себе волосы, вы пребываете в ужасном страдании — и ничего нельзя сделать. Печально...

Про Будду рассказывают, что, когда он достиг двери — последней двери, за которой больше нет дверей, откуда уже нельзя вернуться, когда он достиг двери в нирвану, она открылась для него, и его приветствовал привратник. Но Будда повернулся спиной к двери и посмотрел на мир... Говорят, он до сих пор стоит там, он так и не вошел.

Привратник спросил его: «Что с тобой? Ради этого ты старался многие, многие жизни. Дверь открыта, входи».

А Будда ответил: «Пока все страдающие не войдут в эту дверь, я не могу войти. Я буду последним, кто войдет». Вот какова его печаль.

Эта история прекрасна. Никто не может остановиться перед этой последней дверью, это правда. Такой двери нет вообще, и нет привратника. Вы падаете, и нет возможности остановиться. Эта история прекрасна, она символически рисует осознанность Будды — его печаль, его муки, его страдания. Это не его страдания, это страдания других, которые наполняют его печалью.

Это как если бы вы пробудились, а все остальные еще крепко спят, им снятся и снятся кошмары —

они кричат, мечутся, плачут, рыдают, а вы знаете, что это всего лишь кошмары, но все эти люди настолько пьяны и настолько глубоко спят, что вы не можете им помочь. Если вы попытаетесь разбудить их, они разозлятся. Они скажут: «Зачем ты потревожил наш сон? Кто ты такой?» Вы не можете разбудить их, вам приходится смотреть на их страдания и страдать от этого.

Будда печален — из-за вас. Будда и смеется глубоко, все его существо наполнено смехом — как дерево, которому пришла пора цвести, все превращается в танец. Оба эти состояния встречаются в нем: смех, который кипит и рвется наружу, — а он не может смеяться из-за вас, — и печаль, которую породили вы. Они встречаются, и эта встреча рождает улыбку. Улыбка — это и смех, и слезы.

Вы не можете улыбаться — вы можете смеяться, вы можете плакать. Когда вы плачете, как вы можете смеяться? Ведь плач всегда сам по себе, это отдельный элемент. Когда вы смеетесь, вы смеетесь, как вы можете плакать? Смех сам по себе. У Будды это исчезло, его больше нет, все встречается со всем. Встречаются два элемента: его осознанность, которая стала совершенной, и сознания миллионов других существ, которые *становятся* совершенными в страдании — необязательном страдании, страдании без причины — эти два встречаются, и печальная и все еще счастливая улыбка появляется на лице Будды.

Он не может плакать, потому что то, что вы делаете, так глупо. Он не может смеяться, потому что это будет слишком жестоко по отношению к вам. Самое большее, он может улыбнуться. Это случилось, и эта улыбка стала символом того, кто стал просветленным.

Этими словами Иккью указал путь так явно, что Нинакава улыбнулся и отошел.

Это была не смерть, это был уход — уход в другой мир, уход в новое рождение, ведь никто не умирает. И если вы можете умереть с улыбкой, значит, вы овладели искусством смерти, вся религия — это искусство смерти, ничего больше.

А теперь я повторю первую историю, с которой мы начали, чтобы вы не забыли ее. Забывчивость — это трюк.

В течение десяти дней мы говорили о «Ни воды, ни луны». Это так и останется разговорами — слова, и слова, и слова — если вы не готовы умереть. Будьте на своем смертном одре! Будьте Нинакавой! Тогда эти слова станут такими ясными, какими никогда не были слова Иккью. Я говорю вам: эти слова такие ясные, какими не были слова Иккью. Вы тоже можете улыбнуться и уйти. Помните:

Монахиня Чийоно практиковала долгие годы, но так и не достигла просветления. Однажды ночью она несла старое ведро, полное воды. И пока она шла, она смотрела на отражение луны в воде. Вдруг бамбуковые прутья, державшие ведро, лопнули, и ведро покатило прочь. Вода вылилась, отражение луны пропало, — и Чийоно стала просветленной. Она написала такие стихи:

И так и этак я старалась удержать ведро, думая, что слабый бамбук все вынесет.

Но вдруг дно выпало. Нет воды. Нет луны в воде — пустота в моих руках.

Идите с пустотой в руках, потому что это все... только это я и могу предложить вам, и нет ничего более значительного, чем это. Это мой дар: идите с пустотой в руках. Если вы можете нести пустоту

в руках, тогда все становится возможным. Не несите вещи, не несите знания, не несите ничего, что наполняет сосуд и становится водой, потому что тогда вы будете видеть только отражения. В своих богатствах, домах, машинах, в репутации вы будете видеть только отражение полной луны. А полная луна здесь, она ждет вас.

Позвольте дну выпасть! Не старайтесь и так и этак уберечь старое ведро. Оно того не стоит. Не защищайтесь, оно того не стоит. Позвольте ведру разбиться, позвольте воде вытечь, позвольте луне в воде исчезнуть, потому что только после этого вы сможете поднять глаза к настоящей луне. Она всегда здесь, в небе — но нужна пустота в руках. Становитесь все более и более пустыми, думайте, что вы все более и более пусты, больше и больше ведите себя так, как будто вы пусты. Постепенно, мало-помалу вы почувствуете вкус этой пустоты. А когда приходит вкус, он невероятно прекрасен.

Когда вы узнаете вкус пустоты, вы узнаете истинный смысл жизни. Несите пустоту, бросьте ведро с водой — ваше эго, ваш ум и ваши мысли. И помните: ни воды, ни луны — пустота в руках.

Достаточно на сегодня.

ОШО

Ни воды, ни луны

«Что есть просветление? Это осознание, кто вы есть. Оно не имеет никакого отношения к внешнему миру. Оно никак не связано с тем, что говорили другие. Все, что говорили другие, неважно. Вы сами здесь! Зачем идти и консультироваться с Библией, Кораном, Гитой? Закройте глаза — и вы на вершине блаженства. Закройте глаза — и двери откроются. Вы уже здесь, зачем кого-то спрашивать?» (Ошо)

Но мы продолжаем спрашивать, продолжаем прислушиваться к чужим истинам, потому что с самого детства общество навязывает нам определенные модели поведения и лишает способности быть собой...

В книге Ошо вы не найдете никаких конкретных советов, потому что путь к тайнам запредельного у каждого свой. Но, возможно, именно этот сборник, в котором просветленный мастер комментирует дзенские притчи, поможет вам набраться храбрости и услышать, наконец-таки, свой собственный голос?

«Становитесь, будьте! Не собирайте информацию. Если вы хотите узнать любовь, будьте любовником. Если вы хотите узнать Бога, будьте медитацией. Если вы хотите войти в бесконечность, будьте молитвой. Будьте! Не собирайте чужие знания» (Ошо).

Издательская группа
«ВЕСЬ» —
ДОБРЫЕ ВЕСТИ

<http://www.vesbook.ru>

